

КНИГА

1.

Иероним блаженный зело книжен бяше,
но и еллински книги любезно читаше.
Единою от Бога болезнь нань пустися
и даже к смерти плотстей уже приближися.
И бысть в восторзе страшном, показася ему,
аки уже представлен судии своему.
От него же вопрошен бяше: «Ты кто еси,
коего муж закона? да ми исповеси».
Он же ответ сотвори: «аз есмь христианин».
Судяй рече: «лжеши, се кикерониянин
Ты еси, зане книги Кикерони чтеши,
паче христианских тем казнь да приимеши!»
И веле его бичми добре наказати,
дабы на теле язвы возможно считати.
Служителие убо язвы наложиша,
а инии молитву о нем сотвориша.
И бысть помилованны, во плоть отпустися
и абие якоже от сна возбудися.
Но страха преисполнен, на теле язвенны,
аки по хребте бичми оными сеченны.
Отголе преста книги еллински читати
и ятся христианским тощно прилежати.
Сам о себе святой муж сия извещает,
да никто паче святых книг ины читает.
О, аще толь святой муж тако наказася,
чесо грешный человек имать ждати на ся?
Лучше убо, братие, святым прилежати,
а ины книги, разве с потребы читати.

2.

Различны книги нам суть Богом преложены,
да благонравно жити будем наученни.
Первая книга — мир сей, в ней же написася,
что либо от всемошна Господа создася.
То же мы писание в то время читаем,
егда от твари Творца силу познаваем.
И егда, строение всяческих видяще,
величаем строяща, премудрость хваляще.
И егда всех доволство нуждных созерцаем,
за то благодсть Дателя славно прославляем.
Вторая книга перстом Божиим начертася,
егда писанный закон Моисием предася
Роду израилскому, сия поучаше,
како богоугодно жити подобаше,
А занеже ту токмо един род читал есть,
и во добродетелех мало успевал есть.
Третия всеизрядна всем книга дадася,
живая всекрасная с небес принесеня,
Та есть Иисус Христос, в нем же написание,
что яве усты его миру бе вешанно.

Всяких добродетелей учаше свершенства,
да будем причастницы вечнаго блаженства.
Сию книгу полезно людие читают,
иже словеса его делом совершают
И образу жития его подобятся,
да с наследницы Христу быти сподобятся.
Четвертая есть книга — Девица Мария,
в ней же добродетели писани всякия.
Яже кто житием си тшится подражати,
той сию книгу святу умеет читати.
В ней и превечно слово, перстом написание
отчим, во спасение всем людем есть данно.
Его же слова аще кто не почитает,
яко зверь безсловесный неба не познает.
Пятая книга — совесть комуждо свойственна,
яже ныне пред людми лежит заключенна.
Но на всестрашном суде она отключится
и всему миру, да чтет, яве предложится.
О блажен, иже пишет ныне в ней все благая!
Горе же тому люто, кто чертает злая!
Благ бо за писание благих ублажится,
а злый за злая во огонь вечный осудится.
О Боге, братие, потщимся благая писати,
дабы Богом блаженство вечное прияти.
Не пишим же лукавых, дабы посрамленным
не быти пред всем миром и в огонь воверженным.
Шестая книга — тайна, сам ту Бог читает,
церковь «книгу живота» ону нарицает.
В памяти же Божией выну содержится,
о блажен муж, иже в ней написан явится!
Пишут бо ся имена в ней Богом избранных,
на вечную жизнь в небо предуготованных.
Обаче н инии пишеми бывают,
иже в благодати суть, потом же падают.
Сии начинателно, а не совершение,
написани бывают в кннзе божественне.
А до смерти живущих в своей благодати
совершенно изволил Бог в ней написати.
Мы, братие, потщимся совершенно жити,
да можем совершенно написани быти
В той кннзе божественной. Яже изъявится,
егда кождо на воздух правый восхитится
Во стретение Христа, грядуща судити.
В их же сонме даруй нам, Хрнсте-Боже, быти.

МИР ЕСТЬ КНИГА

Мир сей преукращенный, книга есть велика,
юже словом написа всяческих владыка.
Пять листов препространных я ней ся обретают,
яже чюдна писмена в себе заключают.
Первый же лист есть небо, на нем же светила,
яко письма, Божия крепость положила.
Второй лист огонь стихийный, под небом высоко,
в нем яко писание силу да зрит око.

Третий лист, преширокий аер мощно звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
Четвертый лист, сонм водный в ней ся обретает,
в том животных множество удоб ся читает.
Последний лист есть земля, с древесы, с травами,
со крушцы и с животными, яко с писменами.
В сей книзе есть возможно комуждо читати,
коль велик, иже ону изволи создати.
И коль силен есть могий ону утвердити,
ни на чем же основу ее положити.
И колико премудр есть, иже управляет,
вся сущая, и тайны всяческия знает.
Ту книгу читающе, рцем вси: слава тебе,
о человеколюбче царствующий на небе.

ЧТЕНИЕ

Ходяй при водах, всяко омочится,
приседаяй огню тепла исполнится.
Тако читаяй книги божественны
аки по нужде будет умудренный.

ПИСАНИЕ

[1]

Зряй на реку текушу, верх вод созерцает,
а таин, во в глубине сущих, не видает:
Подобно писание писменно читаяй
внешняя токмо его есть муж разсуждаяй.
Внутр(ен)них паки не видит, еже суть глубока,
преходяща зрение неискусна ока.
На сей глубине агнец смиренный плавает,
а слон великий удоб потоплен бывает.

2.

Священно Писание кто рай нарицает,
нимало от истинны слово погрешает,
Суть бо в нем различная древесна сажденна,
жития лиц, от века бывших, помяненна.
В среде их — древо жизни, житие Христово,
еже воплощенное жизнь есть наша Слово.
Из чювственна четыре реки истекают,
яже наводнением землю напаяют,
Из мысленнаго паки разум исплывает
Четверогубый, иже души оживляет.
Первый разум — писменный, иже деяния
исторически миру дают Писания.
Вторый — аллегоричный, иже под покровом
иноглаголения дает дела словом.
Третий — нравом учащий, иже вся приводит
к благих дел творению, да ся благость родит.
Есть онагогический в четвертом лежащий
месте, вся ко небесным духовно родящий.

Иерусалим образ сих всех проявляет,
иже писменно град нам чювствен знати дает,
Иносказателно же Церковь нам святую
знаменает, во мире сем воющую,
Нравом учащым паки душу знаменает,
вся бывшая в Сионе к нравом обращает.
Анагогический же уму показывает
Церковь, яже в небеси светло торжествует.
Сия из духовнаго рая исплывають
реки живоносныя, и нас оживляють.

СЛОВА НЕСЛУШАНИЕ

Слон нелеполичный и велбуд горбатый
имеють обычай естеством, завзятый,
Еже внегда воду оным чисту пити,
первее ногами ону возмутити.
Со негли того ради содевають,
да нелепия си в ней не созерцають.
Подобие людие препинати
слово обыкоша и книг не читати,
Да худоличия си не усмотряють
и злых дел но видят, лже содевають;
Затыкають уши, да бы не слышати,
лже проповедник хочет обличати.

["Not heeding the Word." The elephant with its ugly face and the hunch-backed camel are accustomed by nature to stir up clear water with their feet before drinking. This they do in order not to see their own ugliness reflected in it. Likewise evil people tend to obstruct the Word and not read books, lest they should see the ugliness of their faces and the evil deeds which they commit. They stop their ears in order not to hear the preacher's denunciations. (Trans. A. Hippiusley.)]

КОКОШЬ

Кокось себе Христос Бог мысленну прозваше
и нас птенцы под криле свое собираше.
Днесь, яко кокось гласы различный даст,
егда птенцы на нужды различны глашает—
Инако под криле си, ко пици инако,
от ястреба блюстися ин глас дает всяко—
Тако он различными гласы ны глашает,
якоже различныя нужды быти знает.
Зовет некия люди благотворением,
инья чрез печали, ины явлением.
Словом некия токмо, а жезлом инья,
наказанием злыя, чрез милость благия.

["The hen." Christ called himself a figurative hen, and gathered us, In's chicks, under his wings. Today, just as the hen utters different sounds when calling her chicks for different reasons—one sound for brooding, one for feeding, and yet another for protection against the hawk—so he calls us with different voices, knowing that we have different needs. Some people he calls through good works, others through grief, yet others through revelation. Some he calls with the Word alone, others with the rod; the evil through chastening, the righteous through favor. (Trans. A. Hippiusley.)]

Симеон Полоцкий, из книги «Псалтырь рифмотворная» (1678)

К БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЖЕ ЧИТАТЕЛЮ

Благочестивый книги читателю,
во писаниих жизни искателю,
Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзе подлежащей зриши,
Не слов измену тошно разсуждая,
но в тех разума единство лобзая.
Псалтырь се царя купно и пророка
Давида свята, тайна в ней глубока:
Иже дух святыи оному сказаше,
та пророчески в псалмех он писаше.
Всякая служба теми украшенна
во церкви святей: вся в них божественна.
Без псалмов церкви не возможно быти,
яко без воды рыбе не леть жити;
Та в своем чине, яко преведенна
древле, во церкви да будет храненна.
Тужде аз рифмы тшахся преложити,
не дабы тако в церкви чтенней быти,
Но еже в домех часто ю читати
или сладкими гласы воспевати
Во славу богу, — ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает.
Коль же есть лучше сию прочитати,
неже в суетах время погубляти,
Знает то кождо, а то извещаю,
поелику сам спастися желаю, —
Яко аще zde зрится ново дело,
обаче разум псалмов хранит цело;
Толк слова менил, множит, уменьшает,
подобие в рифмех нужда содевает.
Само сущее в церкви цело тебе,
зде метафразис к домашней потребе.
Во мнозех местех толк zde положися,
еже во сущем глубоко сокрыся.
Тем не дивися, видя ино слово, —
разум един есть, речение ново
Светлости ради, ли за нужду меры:
толк отверзает сих сокровищ двери.
Не слушай буих и ненаказанных,
в тме невежества злобою связанных,
Им же обычай все то обхуждати,
его же господь не даде им знати.
Не буди общник расколы творящим,
всю мудрость в себе заключенну мящим,
А в самом деле пребезумным сущим,
упором своим в погибель текущим.
Ни завидящим подражатель буди,
им же чуждии сердце гризут труди,
Иже благая за зависть хухнают,
совесть поправше, вся уничижают.

Но буди правый писаний читатель,
не слов ловитель, но ума искатель.
А всяко полза имать быти тебе,
токмо прилежно разсуждати тебе.
Веждь же и сие, яко псалми сии
от древних времен писани святии
Стихов мерою, от муж умудренных,
добре еллинским книгам изученных.
И во прочиих суть стихотворени
языщех честных и святи вменени.
Ревнуя убо, тщахся написати
нашим славенским, в рифмех миру дати.
Тем благодарно прими труды сия
иным обычны, в России новый.
Чти, пой разумно, хвали ими Бога,
от него же мзда будет тебе многа.
И за мя, грешна, ему помолися,
хулником уста заграждати тщися.
Защищай добро, бог защитник тебе
даст зде век долгий и вечность, на небе,
Ея же верно аз тебе желаю,
милости твоей сам ся поручаю.

Симеон Полоцкий, из книги «Рифмологион»

ПРИВЕТСТВО

**благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему
великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу,
всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу о вселении
его благополучном в дом, велиим иждивением, предивною хитростию,
пречюдною красотою и селе Коломенском новосозданный (1672, 1679)**

Добрый обычай в мире содержится:
в дом новозданный аще кто вселится,
Все друзи его ему приветствуют,
благополучно жити усердствуют
И дары носят от серебра и злата
и хлеб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, руце воздевает
к Богу и молбы теплы возсылает,
Да подаст здраво и щасливо жити,
им же даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю
и сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
в дом, иже миру есть удивление,
В дом зело красный, прехитро созданный,
честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равнати
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо зде не есть кедрово,
но стоит за кедр, истинно то слово.

А злато везде пресветло блистает,
царский дом быти лепота являет.
Написания егда возглядаю,
много историй чудных познаваю:
Четыре части мира написаны,
*аки на меди хитро извааны;
Зодий небесный чудно написася,
образы свойств си лепо знаменася;
И части лета суть изображены,
яко достоит, чинно положены.
И ина многа дом сей украшают,
разумы зрящих зело удивляют.
Множеством цветов живонаписанных
и острым хитро длатом изваанных
Удивлятися всяк ум понуждает,
правый бо цветник быти ся являет.
Едва светлее рай бе украшенный,
иже в начале богом насажденный.
Дом Соломонов тым славен без меры,
яко ваанны име в себе зверы.
И zde суть мнози, к тому и рикают,
яко живии лви глас испущают.
Очеса движут, зияют устами,
видится хошут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроении,
аки живше лви суть посаждени.
Окна, яко звезд лик в небе сияет,
драгая слюдва что серебро блистает.
Множество жилищ градови равняется,
вся же прекрасна, кто не удивится!
А инех красот не леть ми вещати,
ум бо мой худый не может объяти.
Едином словом, дом есть совершенный,
царю велику достоине строенный;
По царстей чести и дом зело честный,
несть лучши его, разве дом небесный.
Седмь дивных вещей древний мир читаше,
осмый див сей дом время имать наше.
В стране Египта пирамиды бяху,
зданием дивным весь мир удивляху.
Тамо и Форос пирг пречюдный бяше,
иже огонь в себе выну содержаше,
На нь же корабльми пловущии зряху
и в Нил безбедно в ношный час вхождаху.
Третие чудо Олимп содержаше,
с кости слоновы Диев образ бяше,
Толико чудно хитрцем изваанны,
даже подобной в мире невиданны.
Четвертый миру див колос реченный,
мужь в граде Родис с меди сотворенный,
Толь велий, даже корабли хождаху
между ног его, а щегл не спрятаху.
Пятый в Ефесе бяше храм Дианны,
в двесте двадесят лет едва созданны.
Шестый в Карий гроб Маузолов бяше,
иже ценою всяк ум удивляше.

Во Вавилоне окрест града стены
в седмое диво от мудрых сочтены.
Осмое ныне на Москве явнся,
егда сей царский твой дом совершися,
Всячески дивный, красный и богатый,
велелеп извне, внутрь нескудно златый.
В он же ти ныне вшедшу, еже жити,
всем подобает приветство творити.
Достоит дары драгия даяти,
любовь и верность тако проявляти.
Кто убо богат, да идет со златом,
с серебром, с собольми к царским ти полатом.
Аз тех лишенный, дерзних приходити
с приветным словом, тем верность явити.
Слово из сердца исходно бывает,
что в чием сердце, то светло являет.
Не тако злато, убо яко цату
приношу слово в царску ти полату.
Христос царь цату изволил прияти,
ты, царю, приими слово в место цаты.
Слово же мое сияти вещает,
их же благ сердце мое ти желает.
Здравствуй, пресветлый царю, многа лета,
живи век долгий в любви Христа света,
В доме сем новом, в нова человека
облечен, живи до кончины века.
Новый человек есть Христос царь славы,
он же и венец царския ти главы.
Его благодать тя да осеняет,
от бед и скорбен тя да защищает;
Его десница буди в помощь тебе,
царю пресветлый, во всяцей потребе.
Яко без света солнце не бывает
и море водмн не оскудевает.
Тако ты Христа Бога не лишися,
яко в одежду в него облещыся.
Да препояшет тя любовь Христова
и да поженет тя милость Спасова.
Он, Адам новый, ветхость обновляй,
печаль на радость в сердцах прелагай.
Им твоя ветхость вся есть обновленна,
им тебе радость буди совершенна.
Радость в сем мире, радость же и в небе,
радость о твоих и о самом тебе.
Радость ти буди о светлой царице,
выну хранимой в Божией деснице.
Здрава с тобою та да пребывает,
выну ти сердце, да возвеселяет
Добродетельми, любезными Богу,
ими же светла она попремногу.
Буди ти радость о Богом ти данных
пресветлых сынех, в доброте избранных.
О благородных сестрех веселися,
о светлых дщерех пресветл проявися.
Они бо дар суть Богом ти врученный,
вертоград, Христом тебе насажденный.

Радость ти буди и о всей державе,
бог да приложит славу ти ко славе.
Желаемая вся ти да дарует,
их же в мире сем сердце ти требует.
А по доволстве жизни века сего,
да тя призовет до дому своего,
Дому вечности, царствия радости,
исполнит дух твой райския сладости
И даст с собою вечно царствовать,
с царьми святыми вечно ликовати.
Сих сердце мое благ тебе желает,
а слово сие верно извещает,
Еже изволи в милости прияти,
на мою худость светло приизирати.

ПРИВЕТСТВО 10

Бог херувиму повеле хранити
земнаго рая, да бы приступити
Никто же дерзал, и меч вручи ему,
слуге своему.
Меч же огненный, скоровращный зело,
да бы едемский сад пребывал цело
И древо жизни да бы некосненно
тому врученно.
Ты слуга божий верный, царю, еси
Точи херувиму, аще и в телеси;
Тебе от Бога жива есть врученный
рай наш мысленный—
Церковь святая, в ней же процветает
древо животно, еже оживляет
Всех души верных выну же всецело
Христово тело.
Суть в ней и ина многа насажденна
Бога рукою дрeвеса мысленна—
Вси христиане, иже хвалу Богу
дают премногу.
Сего ты рая херувим избранный,
темже ти мечь есть от господа данный,
Да бодрый его будеши хранитель
и защититель.
Железный убо мечь изволи дати.
но ты огненна должен содевати,
Да во ревности пламене палает,
тем ся вращает;
В ревности паки, яже есть по бозе,
не в ярости, но во любви мнозе.
Также горяй от рая ти прага
отсечет врага.
Есть обоюду мечь сей изошреный,
на обе стране да будет действенный,
Сиречь в державе и за предел праги
на злыя враги.
Внутри царства убо на зло творящая,
благих гражданом тщеты деющыя,

На иже закон Божиих не знают,
казнь презирают;
Тыя бо весма должно изстребляти,
яко же волки в стаде избивати,
Да овец кротких ни когда снедают,
ниже вреждают.
Вне же пределов имать действовати
мечь твой на враги, сиречь я смиряти
Первее страхом да будут покорни,
а не упорни.
Аще же роги будут возносити,
мечем есть нужда раны наложити,
В конец же гордым и живот отяти,
гробом предати.
Наипаче иже врази суть Христови,
рай наш мысленный терзати готови;
Яко молния, мечь твой страшен буди
на тыя люди.
Яко Иисус Наувин посещаше
полки и цари и грады пленяше.
Вражия мечем, тако дажд Бог тебе,
живый на небе,
Скоро и силно мечем изстребляти
нехотящия Христа Бога знати,
Полки их с вожды славно побеждати,
грады взимати.
Яко Самуил заклал ест Агага,
Тако даждь, Боже, заклати ти врага
Паче всех горда, род же обратити
Христа хвалити.
Лукоратники даждь Бог победити,
яко косою траву искосити
Или яко серп класы пожинает,
сонм да падает
Пред твоим мечем скифов некрещеных
или да видим Христови плененных.
Твоя же полки Бог да сохраняет
и помощ дает.

ЖЕЛАНИЕ ТВОРЦА

Желах сим гуслием печатаным быти,
да бы им царску славу возгласити
По всей России и где суть словяне,
в чуждых далече странах христиане.
Да в книгах идет слава во вся страны
царя пресветла, иже Богом данны.
И род российский да ся прославляет,
что стихотворцы свойственны питает.
Ничто бо тако славу расширяет,
яко же печать, та бо разношает
Везде и веком являет будущим
во книгах многих и заморем сущим.
Мало словенских стих доселе баше,
поне да явит тыя время ваше

В вашу же славу. Но отчаеваю,
рачителей бо тоя мало знаю.
Аще возмнит кто се быти убыток,
аз обещаю славу и прибыток.
Прибыток мимо; слава же есть благо,
паче сокровищ честно же и драго;
Тою Александр и днесь животствует,
кто ону стяжа, во век бышествоует;
За ню же и Павел хотя умирати,
иже все злато веде обругати;
Ту же тип носит. Убо подобает,
да и Россия славу расширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовечным.
Но увы нравов! Иже истребляют,
яже честный трудове раждают.
Не хотим с солнцем мирови сияти,
в тме незнания любим пребывати.

Силвестр Медведев

ЕПИТАФИОН

1

Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо zde токмо един таков бывый,
богослов правый, церкви догмата хранивый.

2

Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый.

3

Им же польза верные люди наслаждала,
незлобие же, тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любы пребываше,
молитва, милостыня, пост ся водворяше.

4

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары Богом бе преодаренный,
непамятозлобием весьма украшенный.

5

Иеромонах честный, чистоты любитель,
воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
но еже церковь нашу мать увеселяше.

6

Не хоте ино Божий раб что глаголати,
токмо что пользу может ближним созидати.

Ничесо же ина творити любляше,
точию еже Богу не противно бяше.

7

Иже труды си многи книги написал есть,
и под разсуждение церковное дал есть.
С церкви бо хоте согласен он быти
и ничто же противно церкви мудрствовати.

8

Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
учением правым то миру показаше.
В защищение церкви книгу Жезл создал есть,
в ея же пользу Венец и Обед издал есть.

9

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый.

10

Обаче и сего смерть от нас похитила,
церковь и царство пользы велия лишила,
Его же пользы ныне людие лишены,
зри сего в гробе сем кости положены.

11

Душу же вручил в руке Богу всемогущу,
иже благоволил ю дати везде сущу,
Да примет ю яко свое создание
и исполнит вечных благ его желание.

12

Телом со избранными даст ему возстати,
с ними же в десней стране в веселии стати
И внити в вечную небесную радость,
неизглаголанную тамо присно сладость.

(Сентябрь 1680)

СЛОВАРЬ

Абие—тотчас, внезапно.
Авктор (лат.)—автор, создатель.
Автократор—самодержец.
Агаряне—язычники, мусульмане.
Аггел (греч.)—ангел, вестник.
Адамант (греч.)—алмаз.
Аки—как.
Акрида (греч.)—саранча.
Алкание, алчба—голод, страстное желание.
Амо—куда, где.
Амата (польск.)—артиллерия.
Архитектон—строитель.
Аспид (греч.)—ядовитая змея, сказочный змей.
Аще—если, хотя, когда.

Беззенотный—слепой, неосмотрительный.
Безказние—безнаказанность, попустительство.
Безстрастие—умеренность.
Верный—бренный.
Бириллос, биримос (греч.)—берилл, драгоценный камень.
Благозрити—быть благообразным; благосклонно смотреть.
Блажити—восхвалять.
Блазнити—соблазнять, обманывать; порочить.
Бо—ибо, потому что, же.
Брана—врата.
Брегий—берегуший.

Ваанный—изваянный.
Вапа—краска.
Василиск—дракон.
Век—время, возраст.
Велеречити—многословить, ораторствовать.
Велеумный—высокоумный.
Велий—большой, великий, знаменитый.
Верста—возраст.
Верстатися—равняться.
Верт, вертоград—сад.
Вертник—садовник.
Весть—знает; в сочетании с инфинитивом — может.
Весь—село, деревня.
Ветий—оратор, проповедник.
Вина—причина. *Винник*—виновник.
Вис—завистник. *Внегда*—когда.
Внити—войти.
Волна—шерсть (наряду с соврем. значением).
Воля—запах, благоухание.
Вручтовати—вручать, давать, одалживать.
Векую—почему.
Всуе, вскуе—тщетно.
Выдептует (польск.)—вытопчет.
Вьну—всегда.
Выпраженный (польск.)—жареный.
Выспрь—вверх, вверху.

Гаждати—хулить, ругать.
Гегена (греч.)—геенна, преисподняя, ад.
Гноище—навозная, мусорная куча.
Говеино—благоговейно.
Говети—благоговеть, почитать.

Говор—шум, гул; пузырь на воде (наряду с соврем. значением).
Гонзати—избегать, бежать.
Готует(ся)—готовит (ся).
Гра (польск.)—игра.
Густыня—чаща.

Даремне (польск.)—зря, напрасно.
Дворски (польск.)—благовоспитанно, благородно, изящно.
Дедиц, дедич (польск.)—наследник, преемник.
Десный—правый, истинный.
Диадима (греч.)—бармы, оплечье в царской одежде.
Дивовиско (польск.)—диво, чудо.
Дивый—дикий; удивительный.
Довле—довольно, достаточно.
Довлети—быть достаточным, долженствовать.
Доле, долу—внизу, вниз.
Дондеже—до тех пор, пока.
Донеле(же)—пока, пока не.
Достизати—достигать.
Дуплити—выдалбливать; выгнивать.

Егда—когда.
Еже—которое, что.
Еликий—который, каковой.
Елико—сколько.
Елма, ельма—так как, хотя, хотя бы, тогда как, как только.

Жадный—желающий, стремящийся, испытывающий жажду.
Жрети—приносить жертвы.
Жулел—горячая сера, смола.

Зане(же)—потому что.
Засень—тень.
Заходный—западный.
Зачен—зачав.
Зданный—созданный.
Зде—здесь.
Зело—очень.
Зельный, зельный—обильный, крепкий, сильный и для выражения превосходной степени.
Зернь—игра в кости.
Зле—плохо, зло, ужасно.
Зобати—есть.
Зодий—зодиак.
Зренство—созерцание, вид.

И—его (вин. пад.).
Иаспис (греч.)—яшма.
И деже—где, уда.
Иеромонах—монах в сане священника, священноинок.
Иждивать—проживать, истощать.
Иже—который, кто.
Извыкли—привыкли.
Излиха—излишне.
Измарагд (греч.)—смарагд, изумруд.
Изяцный—родовитый, влиятельный; лучший.
И лектор—янтарь.
И мать (быти)—должен (быть).
Имн (греч.)—гимн, духовное песнопение.

Инде — в другом месте, где-либо.
Иногда — некогда, однажды.
Истинити — измельчить, раздробить, разрушить.

Камо — куда.
Камык — камень.
Кандило — лампада к иконе.
Карк — спина, хребет, затылок.
Касий, касия, кассия — корица, коричное дерево.
Кийждо — каждый, всякий.
Киновиарх (греч.) — игумен, настоятель киновии (см.)
Киновия (греч.) — общежительный монастырь.
Кияне — киевляне. *Клуша* — насадка, галка.
Ключение — случай, приключение.
Ключимый — удачливый, способный.
Кождый — каждый.
Колми (колми паче) — тем более, особенно.
Корно — тупой конец.
Косвенно — криво, косо.
Косниый — лежалый.
Косно — медленно, вяло.
Кошун — зрелище, увеселение.
Кошунник — скоморох.
Кошунны деяти — увеселять, скоморошествовать.
Краегранесие (краестрочие) — акrostих.
Красин — красавчик, щеголь.
Кратба, кратьба — воровство.
Криэмованый (польск.) — скрещенный.
Круэчек — кружочек.
Куна — груда, куча.

Лакомство — сластолюбие, жадность.
Лготити, льготити — облегчать, предоставлять льготу.
Лендузы (флейдузы) — флейты.
Лепок, лепкий — хлипкий, слабый.
Лепота, лепый — красота, красивый, хороший.
Лесть — обман, притворство, ложь.
Леть — можно.
Ливан — ладан.
Лик — лицо; собор святых, ангелов.
Лихва — неправедный прибыльок.
Лише — свьше, более.
Ложесна — материнская утроба.
Лстити, льстити — обманывать, соблазнять.
Любомудр, любомудрец — философ, книжный человек.
Любы — любовь.

Малакейчик, — онанист.
Мамона — богатство, сокровища.
Мама — соблазн, наваждение.
Мание — мановение, знак, приказание рукою, взглядом и т. п.
Мерность — умеренность.
Меск (мн. число: *мски*) — мул, лошак.
Метафразис — иносказание, переложение,
Мижут — жмурят, шурят глаза (от мжить, межить).
Миро — благовонное масло, освящаемое в великий четверг для таинства миропомазания.
Мирра (или *мирна*) — благовонная смола.

Мотчати — медлить, мешкать.
Мощно — можно.
Мусикия — музыка.

Надание — пожалование.
Наздати — создать.
Назрити — увидеть, усмотреть.
Напис — надпись.
Нарочит(ый) — известный, знатный, выдающийся.
Нарутити — навредить.
Не — иногда эквивалент «нь» (см.).
Негли, пекли, — нежели, чтобы, едва ли, возможно; да (в сослаг. наклонении).
Недбалство (польск.) — беспечность, небрежность.
Неже — нежели.
Немотчаний — см.: мотчати.
Нещевати — думать, полагать, рассуждать.
Неть — нет.
Ниже — также не, и не.
Ношценство — сутки.
Нуэжник — бедняк, нищий.
Ныртце — развалины; глубокий овраг
Нь (во нь, за нь, на нь) — (в, за, на) него.

Обаче — но, однако.
Обледеть (польск.) — обледенеть.
Обумор — обморок.
Ов, ова, обо — тот, та, то; этот, эта, это.
Огонка (огон, огонек) — хвост пушного зверя.
Одесную — справа.
Оздоба (польск.) — украшение.
Оле-о (междометие).
Он(ый), она(я), оно(е) — тот, та, то.
Онде — в ином месте.
Опасно — осторожно, внимательно, с опаской.
Оплавили — осыпаться (о зерне).
Опока — опора, скала; строительный камень, алебастр.
Опона — покров, защита.
Оскорд — секира.
Отай — тайком.
Отнеле(зке) — с тех пор как.
Отревати — отбрасывать, отсекаать,
Офера (польск.) — жертва.
Оцет — уксус.
Ошую(ю) — слева.

Под — упав.
Пазнокти (пазноготь) — копыта, когти, последние фаланги пальцев.
Паки — снова, еще.
Папез (польск.) — римский папа.
Пара — пар.
Параклит (греч.) — утешитель.
Пасение — паства, прихожане; управление паствой.
Паче — больше.
Паучина — паутина.
Пельнь — польнь; горечь.
Пенези, пенязи — деньги, монеты.
Персть — прах земной.
Пирг (греч.) — башня.
Питомый — утоливший жажду, голод.
Повнегда — когда, как только.
Позазрити — упрекнуть.
Позорище — зрелище.
Полма — пополам.
Поне(же) — так как, хотя, даже.

- Понос*—позор, поношение.
Понуженный (нужный)—мучительный, тягостный, насильственный.
Порчь—отрава, наговорная вода.
Послежде — после того как.
Прудный — пустой, лишенный чего-либо.
Праса — тиски, пресс.
Превечный—предвечный, существовавший до сотворения мира.
Прегудник—гудошник, игрок на гудке (смычковом инструменте),
Предрати—разодрать, разорвать.
Презельный — см.: зельный.
Првзрство — высокомерие, кичливость.
Преко—наперекор; распря.
Прелесть — см.: лесть.
Прошение — угроза.
Приклад — пример.
Присно — всегда.
Проженет — прогонит.
Прозябийий — прозросший.
Промысл—мысль, забота, попечение; предназначение.
Прохлада — наслаждение, утеха.
Псота (польск.) — проделка, озорство.
Пятюк — пятница.
- Ражати*—рожать, производить, размножать.
Рана—удар (наряду с *соврем*, значением).
Рачитель — благожелатель, попечитель.
Решати—освобождать.
Рифм — ритм.
Рог — сила, власть, могущество, гордыня.
Рожон—кол, заостренный шест.
Розбачать (польск.) — плакать, реветь.
Розкат, раскат—насыпь под крепостным валом для пушек.
Ропата—кирка, иноверческая церковь.
Рубы — рублище.
Руда—кровь.
Рябка—утка, куропатка, рябчик.
Ряда — условие, соглашение.
Рясный — крупный, частый, яркий, обильный.
- Самовольный* — добровольный.
Сардиос (греч.) — сердолик или сардоник.
Саволя (польск.) —своеволие, буйство, дурачество.
Свей — швед.
Семо — сюда.
Сень — тень.
Сеци — сечь.
Сижлит, синклит (греч.) — совет правителей.
Силы. — второй из ангельских чинов.
Сиречь—то есть.
Сирице — утроба хищника.
Сице, сицев—так, такой.
Скудельный — глиняный, бранный.
Слала— солома.
Слично—достойно, прекрасно, соответственно, как подобает.
Смирна—см.: мирра.
Снабдевати—охранять, оберегать; питать.
Снести — съесть.
Содомщик— развратник.
Соние — сновидение.
- Сослав* — синоним.
Сословит—словарь синонимов.
- Устье* (меча)—конец клинка.
Ухати(ся)—благоухать.
- Фрон* (греч.) — трон, престол
Фундатор— основатель.
Фуркат—фрегат, парусный корабль.
- Хартия*—пергамен, рукопись, записка.
Харя— маска, личина.
Хвети(ся) (польск.) —дрожать, колебаться, шататься.
Хвраслие — недуг, немощь.
Хирограф (греч.)—рукопись, документ, долговая расписка.
Хитить — похищать, похитить.
Хитрость — искусство.
Хоть—желание.
Храмина—палата, покои.
Хрисопрасос (греч.) — хризопраз, драгоценный камень.
Хрост (польск.)—хворост.
Хрусалиф (греч.) — хризолит, драгоценный камень.
Хупитися — кичиться, выделяться.
Хухнати— порицать, хулить.
- Цата*—мелкая монета.
Целба—исцеление, врачевание.
- Черва, червишки*—приплод (обычно о пчелах).
Чесо—чего (род. падеж от «что»);
Чесовый—какой (от «чесо»);
Честный— благородный, знатный.
Чин—порядок, должность, сан; собрание.
Чинити— делать.
Чистец (польск.) — чистилище.
Чпаг — ларец.
Чредити—принимать, угощать, насыщать.
- Шалыга*—дрянное пойло (от «шалыгать»— хлебать, хлестать).
Шаяти — тлеть.
Шипок—роза.
Шкула— шхуна.
- Щегла*—шест, мачта.
Щепетный—нарядный, щегольской; жеманный.
- Ю*— ее (вин. пад.).
Юже — которую.
Юза — узы, путы, оковы.
Юхати—пахнуть, благоухать; нюхать.
- Я*— их (вин. пад.).
Яве—явно, зримо, воочию.
Ягло—обильная пища.
Яже — которых, что.
Язва (язь) — рана, язва.
Я ко (же) — как.
Яти — взять, брать, хватать.
Ятися— начать, взяться.

ВЛАДИМИР

всех славенороссийских стран князь и повелитель, от неверия тьмы во великий свет евангельский духом святым приведен в лето от рождества христово 988; ныне же в преславной академии Могило-мазеповианской киевской, приветствующей ясновельможного его царского пресветлого величества войска запорожского обоих стран Днепра гетмана и славного чину святого Андрея апостола кавалисра Иоанна Мазепи, превеликого своего ктитора, на позор российскому роду от благородных российских сынов, доброе зде воспитуемых, действием, еже от поетов нарицается трагедокомедия, лета господня 1705, июля 3 дня, показанный
(отрывки)

Действие 3, Явление 3

Философ, Владимир, Жеривол

Ф и л о с о ф. Первый мой приход, княже, веленный ми бяше
царем моим, ныне же величество ваше
Прийти велел ми еси. Аз яко моего
царя и величества, такожде твоего
Творити волю готов: оному повинно,
тебе любовно должен, обоим всечинно.

В л а д и м и р. Сие ти усердие и любов толика
велит ми потщатися, да царь и владыка
Твой мене не победит, ниже да превзойдет
в любви своей ко тебе. Но да болший придет
Сей долг на мя любовний; молю тя, не буди
тяжек (аще хочещи, да не всеу труди
Пугы твоего пойдут), скажи нам подробну
глави ваших уставов; сотвори удобну
Уверению быти веру нам Христову,
да увемы, какову взяти и какову
Отвергти подобает.

Ф и л о с о ф. Во всякой потребе
должен тебе есм, в сей же наипаче ест тебе
Да служу неленостно; на дело бо сие
не токмо мя царь посла, но и прилежнее
Сам Бог завещавает.

Ж е р и в о л. Что ми велят ваше
величество? Се приидохъ.

В л а д и м и р. Давно ми мисл бяше
Призвати честность твою; угодна обаче
не бе времени, ныне есть. Тебе наипаче
Достоит се ведати, кия ми совета
преподает царь римский: закон изменить
Советует, ти же нам закона начало.

Ж е р и в о л. Непотребна изменна, идеже ни мало
Зла не обретается. В нашем же уставе,
кий порок ест? Разве то ведомо державе
Твоей буди! Большие жертвы приносить
богом должно ест; зри бо, что нам сотворити
За нелюбов прещают. В сию ноц до ложа
приступи ко мне некто худ, сух, кост и кожа
Едина; аз не познах, Купало же бяше.

И, скорбен, возрев на мя, рече: «Чесо
Беззаконие растет, малит же ся зело
боголюбство? Видиши, Жериволе, тело
Мое кое ест? Где суть многотучны жертвы?
Мните ли, яко бозы силнии суть мертвы?
И не требуют ясти? И тебе самага
козлядом назвати тебе. Таковаго
Зла не терпим прочее! Не даете ясти!
Мы убо вас жаждею сотворим пропасти.
Изсушим Днепр или бег его воспят пустим,
но и самый по мале, род скупий опустим».
Се рек, мняшеса на Днепр скоро отходити,
аз же остах трепетен. Что убо творити
Имамы и коей нам тебе ст измени?
Отсюду познай, княже!

Ф и л о с о ф. Сонния то сени
Бяху и позорище трезвым не ужасно.
Слиши, что не от ношна примрака, но ясно
Пред всеми ти глаголю: не токмо вод ручных
не изсушать вам бозы, но, аще от вечных
Обителей Бог призрит милостивно на вы,
в воде той богов ваших сокрушатся главы.
Ж е р и в о л. Да на твою то прежде обратится, мерзкий
хулниче, клеветниче!

В л а д и м и р. Что ти тако дерзкий,
Жериволе? Посел ест и откуда, веси,
и ко кому прислан ест. Или в слове неси
Искусен? Словом чинним, не сваром преприися.
Ж е р и в о л. Аще тако велиши, княже, добре случися
Час мне сей. Но что имам глаголати с вами?
Един вам токмо ест бог?

Ф и л о с о ф. Едного имамамы.
Ж е р и в о л. Сlishах тако. Се же что? И како он нужди
всех человек понесет? Како ему чужди
Скорбы во сердце внийдут? К тому аще бозы
вам кроме единаго не суть, почто мнозы
Жерцы во вас? Един ли всем тим доволствует
вол на жертву? Что се ест? Сам же что готует
Ясти себе бог? Рци мы. Велел еси, княже,
словом препиратися; аз никоеяже
Не вижу в нем мудрости: молчит, не вещает.

Ф и л о с о ф. Таков слову твоему ответ подобает.
Ж е р и в о л. Таков и аз, вем, ибо аще достигати
высоги моих словесъ не может, молчати
Нужда ти есть. Но рци ми, коей найболш сласти
в ядении бог ищет? Что наипаче ясти
Любит он? Рци, молю тя.

Ф и л о с о ф. Аще би не тако
земен был, могл бы еси знати, яко
Дух сокрушемний — Богу жертва ест любима.
Ж е р и в о л. Ха, ха, ха, ха! Сlishете! Сlishете славима
Бога христианского! Убо ниже пиет;
жаждний, гладний и бедний — дух ему довлеет,
Парею сит.

(Вси жерцы смеются)

Ф и л о с о ф. О, смех ваш достоин слез многих.

Ж е р и в о л. Мы же богов имамы не тако убогих:
 Упиваются медом; гусей, курей страви
 тучат их, а наипаче тучнейшие правы
 И волю пожирают. Еще ти немногу
 вещь реку: кое лице свойственно ест богу,
 Красное ли белое? Кий шар им приемный?
 Ф и л о с о ф. Вем, кий вид богов ваших— черны сут и темны.
 Ж е р и в о л. Ваш же каков?
 Ф и л о с о ф. Не вемы, ест бо невидимый.
 Ж е р и в о л. Слышете, что нам сказа? Се ли он хвалимый
 Философ? Чуждых богов вест, не весть своего!
 Не вест, в кого верует. Княже, вижд коего
 Учителя имаши.
 В л а д и м и р. Престани! Стижуся
 красомовства твоего.
 Ж е р и в о л. Владыко, чуждуся
 Твоему величеству. Веруй ми, нигде же,
 тишайшия беседи не сут, но понеже
 Кратким словом истинну хранити нест волно,
 делом смирю хулника а смирю доволно.

Явление 4
Философ, Владимир, Борис, Глеб

Ф и л о с о ф.
 Не буди величеству твоему в досаду, —
 се ли в вас мудрецы сут? Аз овчему стаду
 Не дал би сицеваго вожда.
 В л а д и м и р. Сие восписати
 не тебе ест закону, ниже порицати
 Державу нашу: род наш жесток, и безсловный,
 и писмен ненавидяй — сему ест выновный.
 Но не во всем Жеривол глагола безумне:
 како ест бог невидим, не вем аз.
 Ф и л о с о ф. Разумне
 Отсюду начал еси. Аще бо видимый
 был бы Бог человеком, не был бы множимый
 Собор многобожия, но ниже би вере
 возмогло тогда быти место во всем мире.
 Вера ест веровати во вещь таинственну,
 ниже ест неприлично быти сокровенну
 От очес смертных Богу. Солнце, ходяй горе,
 обаче дерзких очес не терпит: воскоре
 Отвращает зеницу. И вы, земны суще
 и тожде со инними естество имуще,
 Чести ради не всем вас хотите являти,
 многим на престол царский неволно взирати.
 К тому Бог дух ест, ниже вещество имеет,
 и тако до зренья его не довлеет
 Око плотское. Се же яве ест отсюду,
 яко и души нашей не можем отнюду
 Видети, какова ест.
 В л а д и м и р. Како убо вемы,
 яко Бог ест, понеже нам ест невидимый?
 Ф и л о с о ф. Сей разум от естества имеет начало.
 Древний бо еллини, не суще ни мало

От Бога изучении, сие имеяху
познание. Егда бо весь мир разсуждаху,
Видяще в нем толь многу твар и толь различно
здание и всем вещем данное прилично
Свойство и согласие, яко и в толиком
множествте не ратуют на ся, но в великом
Мире стоят и в един конец намерают,
ниже когда данный им чин свой изменяют.
Свой путь имут светила, свой брег знают воды,
свое время ведает земля, из ней плоди
Исходят, кийждо от них во время подобно.
То зряще, философы реша: «Неудобно
Быти сим без начала и потребной власти.
Но некто созда сия; и держай упасти
Не дает и премудрим смотрением строит:
убо того и Богом нареци достоин».
Тако вси мудрствоваху.

В л а д и м и р. Добре се. Но кая

нужда ест, да, многия твари разсуждая,
Познаим токмо быти единаго Бога?

Многих бо создателей твар требует многа.

Ф и л о с о ф. Ни, княже! Не может бо что началом быти,
аще не ест едино: началу имети
Первенство подобает. Убо аще мнозы
суть во вас; вси ли тие первие сут бозы?
Аще ни, един убо; аще же вси, како
в многом числе несть второй, ни третий? И тако
Все вину подобает имети едину.

В л а д и м и р. о откуда вестно ест, яко еще инну
Жизнь глаголете быти и век инний новый,
сему преставшу?

Ф и л о с о ф. Се извещенно словы

Пророков нам ест; ниже веру невозможно
отъяти, ибо о них многожды неложно
Событие познахом. Но и сие вестно
бысть древним любомудрием. Платон бо известно
Творит в одной беседе, яко душа наша
ест безсмертна, и его разум вси прияша;
Един токмо Эпикур не хошет прията.
Еще же и отсюду тожде само знати
Мощно ест. Бог, всякоя вещи сии начало,
имать вси совершенства, от них же ни мало
Видим в различной тваре. Аще убо цвети
красния зрим, должно ест тожде разумети
И о Бозе, яко ест всей красоти полний.

Видим светила, убо света ест доволний
Источник Бог. Чудимся величеству мира:
велик убо и Бог ест, и несть ему мера
Равна в тваре словесной. Знаем всемогуща,
видяще крепост мужей; знаем всеимуща,
Зряще на власть царскую; мудра быти знаем
от мудрости созданной. Сиче устроаем
Правди его извети; сие же едино
доволно показывает, яко имать инно
Житие быти кроме временнаго, еже
во различных случаях преходит. Понеже

Не равна дела ныне творят человецы:
ин добронравен, ин ест лукав; в сем же весе
Не вси по делом своим мзду и казнь приемлют;
многажди добри страждут, лукави же возьмлют
Чести превысокия, убо не венчает
на земли Бог праведних, ни злых осуждает.
Како убо сам прав ест, аще зде кончати
всю нашу жизнь имами, ни иной чаяти?
Обаче не тако ест: Бог, правди хранитель,
ин век нам уготова, в нем же и отмстител
Злим будет, а праведним воздаст мзду сторицну;
сим радост безконечну, оным же казнь вечну.

В л а д и м и р. Прежде твоей беседи сим образом тое
поразумевах всегда: егда бо что злое
Аще и втай сотворих, совесть мя мучаше.
Размишлях, что боюся: все житие наше
Здй кончается, мне же кто зде может бити
судия? Но так внутренней скорби уголити
Не могох. Скажи еще: како о сем мире,
како о человеце, како о сей вере
Христовой мудрствуете?

Ф и л о с о ф. Прежде всего века
Бог, сии доволен в себе, созда человека
Во времени, от своей благодати единой,
не да зде живет присно, но ко лучшей инной
Жизни да свой пут творит. Мир же сей всеродный
дал ему в напутие, дабы путь угодный
Имел, и того ради лице понуренно
иним даде животним, нам же возвишенно,
Да идеже отчество, тамо ум возводим.
Сего и от еллинской мудрости доходим.
Но человек, своя не разумов чести,
ни познав благодати, сведен же от лести;
Скотом, от них же лицем разнствует, тем страстно
сердцем уподобися. И мню, яко ясно
Веси, яже о падшем Адаме обично
Поветствует: тебе бо со всяким различно
Общество ест народом, и со христианы
беседуеши часто. И оттуду на ны,
Аки от источника, вся нужди и скорбы
истекоша, болезни, распри, браны, борбы,
Глади и губителства; сама смерть тогожде
корене и, что смерти лютейше ест, тожде
На разум наш наведе облак некий темний,
им же быв ослепленный человек, весь земний
Сотворися; горе же мало кто возводит
сердце, и сим идолом чест скверную родит.
Сим себе весь мир тако обезумил бяше,
это яко кроме иудей весь род почиташе
Мертво дело рук своих. Но смотри, коликий
Бог наш ест во милости; не терпит во веки
Мир тако погибати, хошет воздвигнути
лежащих от падежа, не ведущих пути
Исправити, плененных з ада свободити,
еще же да и правде удовлетворити
Божией за преступство человек возможен.

Но понеже ни ангел, ни человек может
Извести сия в дело, созданну бо силу
превосходит, сам к тому (дивная вещь!) делу
Снийде. И зри, коль мудре! Сам плот человеку
воспрять на ся, прошед утробу девичу,
И бысть Бог и человек, едином связуем
лицем в двою естеству. Того именуем
Христа; той бо пострада и утоли за ны
гнев Божий, той смертию своею от страны
Адския возведе нас, той научи, како
о Бозе да мудрствуем. И сказа нам, яко
Един ест Бог истинный, но лице тройственно —
отец, сын и дух святой; отцу ест свойственно
Раждати от недр сына, духа изводити,
онем же от едина отца исходити.
Сын убо плоть изволи нашу воспряти
от девы, в той пострада, на кресте распятий,
Умре и погребен быст, воскрес и явно
многим сие сотвори, потом же, преславно
Возшед на небо, седе одесную Бога.
Суть же и инна, яже даде нам премнога;
Но не всем вся годствует поведати. Когда
облечешся во Христа крещением, тогда
И инна я увеси. Нине еще сие
увядай и у память паче всех сильнее
Водрузи: мы веруем известно и ясно,
яко будет день судный, страшно и ужасно
Время, день стенания, день туги, день гнева
Божия, вон же люта и неувелива
Мест погубит грешников, блазы же венчанны
будут во славе. Прежде убо нечаянный
Глас трубы пройдет землю, той мертвих возбудит
(дивна вещь воистинну!) и на суд понудит
В едино собратися; во огонь облеченный
судия сядет, zde же и полк безчисленный
Огненных слуг предстанет. Да всем же верный
свидетель — совесть своя вся бо наша знает
Тайная; той судия и сердца пронзает.
Разлучить убо благих и злих на две части:
Тих в радость воведет, а им же мира сласти
препяша путь спасенный пошлет во огонь вечный.
Вечный огонь! Се страшно ест. Кто безчеловечный
такو будет, его же не утрашит сия!
Княже, добре о себе разсмотри. Видь, кия
совети даю тебе. Первое вся мира
Состави разверзутся, неже наша вера
измену приймет: сию нам предвозвестиша
Пророцы неложнии, в песнях предгласиша
и древния сивилли, еллинские девы,
Но взявшии от Бога разум прозорливий.
Сию царие, сию прияша всецело
Премудрии людие, и многия зело
чудеса утвердиша, и мнозы за сию
Кров свою излияти, под меч нести вию,
нищету, изгнание, темницы, оковы
И вся нуждя терпети бываху готовы.

Богатства, слава и чин княжеский великий
Минут скоро и стати не могут во вевки,
яко же и прочиих минута; но яже
Аз глаголю не имут конца никогда же.

В л а д и м и р. Дар, его же нам посла цар ваш, честен бяше;
Но безценний ест бысер, его же ми ваше
благородие ныне дарует. Той убо
Должна мя в любве моей творит, да сугубо
верну приязнь утвержду, аки ко моему
Брату; но за премудра словеса твоему
благородию в том мя должна знаю быти,
Да буду тя отселе во отца имети:
цареве бо дар за дар отслати довлеем,
За твой дар равно дата ничтоже имеем. [...]

Действие 4, Явление 2

В л а д и м и р. (*помишлением гордим*)
Коль многы совети суть, их же лице красно
мнится быти, но, егда размотриши опасно,
Инако являются. Первое се яве:
породится от сего укоризна славе
Нашей. Не повергу ли греческим под нозе
царем венца моего? И их же на мнозе
Усмирих победамы, тем сам подчиненный
буду? Не оружием, одним побежденный
Словом философим! Инако же носит
обычай: да закона побежденный просит
От победника, сей же тому да владеет.
К тому мир знает, яко сили ми довлеет,
Да с римским царем сяду купно же и равно,
не тако, аще его ученик есм. Явно
Се всем укорение. Но уже и время
мину ученичества; егда мал бех, бремя
Сие на мне не бяше, — ныне, на престоле
князем сидяй, поддам мя учительской воле?
Доселе бех невежа, и невежи бяху
князы праотцы мои; вси бо почитаху
Сих богов несуменно. «Убо от безумних
порожден ест Владимир?»—Кто от многоумних
Боляр не повеет тако? И не токмо сие
рекут, но (что ми сердце уязвит лютее)
Рекут, яко не ради вери приях веру,
но страха ради, хотяй завещанну миру
Крепост дати, аки би страшна мне со греки
бран была. Но что сия возмогут вопреки
Оглашенной истинне? Что сего порока
множае аз боюся, неже цар? Высока
Велми и его слава. Но нам советуя,
креститися не рече, да не аз, дряхлюя,
Творити се явлюся. Аще же и тое,
еже аз мишлю, будет, что же се ест? Кое
Зло ест хулиму быти от рода лукава?
Дим ест един — людская и хула и слава.
А яко стар учуся, то ли будет бедно?

Учиться добраго во всяком не стыдно
 Ест времени: «До смерти (обще гласит слово)
 всяк человек учится». Но на мне се ново
 Явится — от праотец никто же не бяше
 христианин. Что к тебе? Аще бо и наше
 Не было бы от князей сродство, князем быти
 не тебе бы нам было! Как же смирити
 Имамы славу? Ни ли и во христианех
 суть князы? Сут царие, сут крепкы во бранех
 Воины. Аще же то и не будет тако,
 что ест цвет мира сего? Не видишли, како
 Цветуще увядает! Вся, аки дождевний
 туман, аки дим, аки крин единодневний,
 Аки сон, ищезают! А и сие благо
 толь худое колико имат в себе злаго,
 Вражд, завистей, болезней, случаев различных!
 Сия ли мя усладят? Сия от благ вечних
 Удержат мя? Не буди! Но камо идеши,
 княже бедний? Триста жен где сут? Небрежеша?
 Всех отвращаешися? Убо ти звер дивий,
 а не человек еси; тако горделивий
 Будеши, хотяи быти смиренный. И сию
 мзду воздаси за любов? Уви мне! Весь тлею,
 Жегом огнем сердечним, вес внутр изгаряю,
 пламень вниде в утробу. О горе! Не чаю
 Жив быти, аще прииму закон нелюбимий,
 иго тяжкое, ярем неудобносимий.
 Аще же ми исперва сие поведанно
 было бы, когда еще не бе привязанно
 Сердце мое толь долгим обичаем сластей,
 удобнее было бы. Ныне же огонь страстей,
 Толику силу взявши, како ест удобно
 угасити? Отсюду мнится неподобно
 Учение христово: учит уголяти
 похоть плотскую. Како се ест — уязвляти
 Естество? Естеству се наноситя нужда.
 Како убо он ест Бог? Воля его чужда
 Ест смотрения, Богу отнюд не свойственна.
 Аще он ест создатель мира вещественна,
 То почто созданию своему противний
 закон вносит? Аще же кто ин мир сей дивний
 Произведе в бытие, ин убо кто мира
 начало ест, убо ест ложна о нем вера.
 Владимире, что тако беснуешся? Кия
 беси (о люте тебе) наводят ти сия
 И мисли, и глаголи? Тако еси краткой
 памяти, забы уже проповеди сладкой
 Философа? Что бо он рече неизвестно?
 Что противно разуму? Откуда безместно
 Помишление сие? Естества начало
 известно показася Христос, но ни мало
 Он всякому естеству не творит обиди.
 Аще вожд даст воину меч, да тем победи
 Ищет, или лет ему ест употребити
 на зло и вместо врага тем друга убити?
 Тако похот плотскую Бог всея во плоти

нашей, но да ей чинно, не яко же скоти,
 В ситост употребляем. Здравому согласно
 се ест разсуждению, но мрачить мне страстно
 Ум, обикновение, обичай сломити
 обичаем противним. Аще же се быти
 Трудно мнится; трудно ест, обаче возможно;
 трудно, но удобие зло ест и безбожно;
 Трудно, но мзди без труда никто не имеет;
 трудно, но помянути на труд сей довлеет
 Огнь вечный. О Христе мой! (Моим нарицаю,
 чужд тебе, окаянный!) В твоей уповаю
 Помощи; твоим быти желаю всецело,
 тебе мою отдаю и душу и тело.
 Угаси огнь, отжени и хулния беси,
 едину ми сохрани славу, ибо веси,
 Коль род мой горделивий княжеской державе
 поругается, аще верую в тя яве.
 Буди угодно тебе, да оттай крещуся.
 О нечувства моего! Кого аз стиждуся
 И пред ким? Во студ мне ест, безумну, цар вышний?
 Честен же мнится быти лукавий и грешный
 Род сей? Не тако. Всюду да проходят вести
 о мне: се яве иду Христа исповести.
 Се иду, творю волю божества твоего,
 и закон твой посреде чрева ест моего.

[. . .]

Действие 5, Явление 1
Курояд, Пиар

К у р о я д. Ясти мне хощется, о ясти! Горе! Ясти!
 Ясти хочу. Горе мне! Приходит пропасти.
 П и а р. Курояде, где ти был? Где был еси ныне?
 К у р о я д. Дабы тако не жив был князь наш (наедине
 С тобою беседую), яко богом жертва
 чрез него вся оскуде! О, аще бы мертва
 Слышах его, слышах бы весть радостну, нову...
 П и а р. Кая вина?
 К у р о я д. Уверив философа слову,
 Запрети приносить жертву по всем градом.
 П и а р. Мала се еще злоба.
 К у р о я д. Убивати голодом
 Малу злобу зовещи? А еще пречестных
 Жрецов и молебников за весь мир нелестных!
 Се аз ходих на село курей куповати.
 И когда сие бяше!
 П и а р. Горшее слышати,
 Вижу, ти не случися? Что глаголют мнозы,
 молю тя, кто болий ест — жерцы или бозы?
 К у р о я д. Вем, что вопрошаеши: аки бы скорб сию
 о мне имел. Ни, друже! Мене не жалею,
 Жалею богов. Ибо аще оскудеет
 жертва, аз куплю мяса, но бог не имеет
 Пепязей и не пойдет на село: глад убо
 нам — ему смерть готова. И сие сугубо

толикого владыкы.
 Мечислав. Убо вам дотолє
 Нєсть вєстнє, я ко всюдє крушити кумиры
 князь повелє, наставшєй христьянскєй вєрє?
 Пир. Сє новєе слишим мы.
 Курод. Нижє нам чайннє.
 Мечислав. Какє? Вся вєсть Россія, вам жє неслыханнє
 Доселє ест. Лжете, псы!
 Пир. О господи, буди,
 яко жє глаголєши; обачє мы люди
 Простии, нє слышахом.
 Курод. Да нє прогнєвитсѧ
 власть твоя, ваша повєсть отнюд быти мнитсѧ
 Неудоб вєритєльна: наш боголюбнвыи
 князь ест.
 Мечислав. О горє тєбє! Ти ли мнє, псє лживий,
 Лгати вєлиши? Убо от твєогє ж дєла
 явлю истину: круши идоли.
 Курод. Сєчила
 Нє имам со собєю.
 Мечислав. Воины, дадєтє
 оружиє.
 Курод. Милости прошу, нє мучєтє
 Больногє. Виждтє, яко нє могу подѧйти.
 Мечислав. Уд непослушный мечєм достєит отѧйти.
 Курод. Лютє мнє!
 Мечислав. Воины, дадєтє
 наступи. Ни ли и ти тогєждє недуга
 Вредєм ослаблєн еси?
 Пир. Послухай мя малє,
 владикє! Сє Ладє ест бог, а сє Купалє,
 А сє Перун великий; с тєми убо, яко
 хочєтє вы творєтє, сєгє жє никакє
 Нє вредєтє, молю вас. Ах, с колєким страхєм
 поминаєм, что о нєм от дрєвних прияхєм.
 Прорєкоша дрєвниє жєрцы, яко ащє
 вредит кто бога сєгє, тогдѧ, то видѧщє,
 Солнцє лучи закрийєт, Днєпр жє воспѧтитсѧ,
 Киев, трусом низвєржєн, во прах обрѧтитсѧ.
 Молю вас, нє дерзѧйтє.
 Храбри. Друзы, дерзнєм сѧє
 увєдати: дєло нам страх сєй явствєннєє
 Покажєт. О великий! О божє прєславный!
 Нє прогнєвайсѧ на ны: что вєлє державший
 Князь достєить творити. Ащє погибѧєм,
 яко жє прєщаєши, обачє дерзѧєм.
 Пир. Нє дерзѧйтє, молю вас. О лютє! О горє!
 Зрєтє: трѧсєтсѧ зємля, падєт град воскорє.
 Падєт град! Что творитє? Нє могу стєяти
 на ногѧх. †
 Мечислав. Лживий лєстчє! Нє досит ли лгати?
 Пир. Солнцє измєнѧєтсѧ.
 Мечислав. О колєко бѧшє
 льщєниє! Колєко жє нєвєжєствє нашє!
 Кѧя слєпотѧ! Камєнь и дрєво бєздущнє,
 акѧ бога, лживєгє, усєрднє, всєдущнє

Умилно почитати и тих рабом быти,
их же раб мой, художник, обиче творити.
Христе, свете истинний! Что тебе имамы
Воздати за толику милость, юже с нами
Ныне сотворил еси! . . .

Феофан Прокопович

ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно, —
все ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мое щастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто полготить стаду,
да обманнт.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дожневных
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, Боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

(Между концом января и 25 февраля 1730)

К АВТОРУ «САТИРЫ»

1

Не знаю, кто ти, пророче рогатий,
знаю, коликой достоин ти славы.
Да почто ж было имя укривати?
Знат, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ти блажен трикрати.
Благо, что дал бог ум тебе тол здравий.
Пусть весь мир будет на тебе гневливый,
ты и без щастья доволно щасливый.

2

Объемлет тебе Апполин великий,
любит всяк, иже таинств его зртел.
О тебе поют парнасские лики,

всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки,
а я и ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
что тебе злие ненавидят люди.

3

А ты, как начал, течи путь изрядный,
коим книжнии теклы исполины,
И пером смелим мещи порок явний
на нелюбящих ученой дружини
И разрушай всяк обичай злоправний,
желая в людех доброй перемены,
Кой плод учений не един искусить,
а злость дураков язык свой прикусит.

(Первая половина 1730)

НА ДЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ [1730]

В сей день августа наша свергла долг свой ложный,
растерзавши хирограф на себе подложный,
И выняла скипетр свой с гражданского ада,
и тем стала Россия весела и рада.
Таково смотрение продолжи нам, Боже,
да державе Российской не вредит ничто же.
А ты всяк, кто ни мыслит вводить строй обманной,
бойся самодержавной, прелестниче, Анны!
Как она бумажка, все твои подлоги,
растерзанные, падут под царские ноги.

МЕТAPHRASIS PS[ALM] 36

Кто любит Бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешникам неправым,
Ибо исчезнут, яко трава, вскоре,
Яже зелена при утренней зоре
И цвет ей красен, скрепленный росю,
Потом увянет, посечен косою.
А ты как начал, так твори благое,
Да на сей земли время немалое
Даст ти в богатстве Бог земном пожити
И чад любимых на ней населити.
Та твоя сладость и утеха многа
Буди, всем сердцем уповай на Бога,
Ему все нужды объяви смиренно,
И, как сын отца, проси умиленно.
Он, чего просишь zde, услышит
И твои нужды, щедр, исполнит вскоре,
И добродетель, юже творишь втайне,
И правду явит, да узрится крайне,
Так, яко вещи, ко зрению трудны,

Всяк видит ясно при светлом полудни.
Паки глатолу: не ревнуй лукаву,
Хотя и спееет от славы во славу,
И аще бы был и всегда счастливый,
Ты о том желчен не будь и гневливый;
Да не погресишь, худо рассуждая,
Что благим токмо случаются злая.
Се бо судии вышнего гнев правый
Разорит вскоре всяк совет лукавый,
И скоро, где был, грешника нечиста
Будешь исками, да не сыщешь места.
А тихий духом и муж терпеливый
Наследит землю в покое счастливый.
Правда есть, грешный его презирати
Будет и зубом нань злым скрежетати;
Но и Бог ему посмеется выну,
Понеже видит злу его кончину;
Будет и меч свой грешный изостряти
И лук стрелами тугий натягати,
Дабы бедного убить непорочно,
Но та вся работа будет безпрочна,
Понеже сердце меч пронзит самого
И лук, сокрушен, не успеет много.
Лучше праведну имение мало,
Еже праведно тщание собрало,
Нежели многи корысти излишны,
Их же зле собрал с обидою грешный;
Ибо сим будет скорая премена,
И не дождутся ни внука, ни сина;
А имение праведных малое
Укрепит Господь и умножит втрое,
Дабы от сынов до внуков сторично
Их преходило в наследие вечно.
Когда грешницы погибнут от глада -
Сих и в зло время сыты будут чада.
Враг божий только подымет в гору,
Как дым и пара исчезнет в ту ж пору;
А пока живет, хотя и богатый,
То непрестанно будет занимати;
Супротив того, праведник и нищий
Будет и ближним уделяти пищи;
Кто его, злобный, будет проклинати,
Тот и сам будет от Бога проклятый.
Стопы праведных Господь управляет
И все промыслы и пути их знает.
Не будут, хотя падут, поврежденны,
От силы вышней всегда укрепленны,
Даже по старость не видех из млада
Любящих Бога, умерших от глада,
Не виден, дабы оных дети милы,
Прозяще хлеба, по миру бродили.
Всех без коварства любит и попросту
И дает взаймы потребным без росту,
Не щадит скудным и последней лепты,
Аки вдовицы с Сидонской Сарепты;
Не оскудеет, пока жити станет,

А после его и внукам останет.
Того ради перестань, иже творишь злое,
И начни за то творити благое,
Да будешь богатств праведных причастен
И на сей земли в век глубокий счастен.
Видишь, господни како судьбы правы,
Как никогда же любящих остави,
А нечестивых потребляет имя,
Дабы злых плевел не осталось семя.
У добрых людей премудрое слово
В устах на правду всякую готово,
И закон божий, в сердце изваянный,
Как ноги правит дела ин избранны;
Сопротив того, клеветник лукавый,
Таковой правых ненавида славы,
Будет лживые соплетати сети,
Как бы невинных злобно умертвити;
Но сих десница сохранит державна,
Да объявится лжа на суде явна.
Дай только сроку, буди терпеливый –
Ты на сей земле так будешь счастливый,
Что твое славно еще узрит око,
Как казнит злобных гнев божий жестоко.
Я не одного видел истукана
Гордого, яко кедр с горы Ливана,
И только прошел (сие правда иста),
Искал, где он был, и не сыскал места.
То лучше быть в жизни незлобиву
И просту иметь душу, а не криву.
Когда таковых по старосты из млада
Бог хранит мирных, яко отец чада,-
Егда лукавы всегдашней боязни,
Ей же трепещут, не убегут казни;
И то не диво, что Бог заступает
Праведных в скорби н им помогает,
Что его к простым щедрота излишна,
Что ин спасает от обиды грешна,
Ибо всем сердцем те наны уповают
И, кроме его, иного не знают.

Антиох Кантемир, САТИРА I. ¹ НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ. К УМУ СВОЕМУ.

¹ Уме незрелый², плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом³ не слыти.
⁵ Ведут к ней нетрудные в наш век⁴ пути многи,
На которых смелые не запнутя ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр⁵. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
¹⁰ И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами⁶ саду;
Овцу не прибавит⁷ он к отцовскому стаду.
¹⁵ Правда, в нашем молодом монархе⁸ надежда
Всходит музам⁹ немала; со стыдом невежда

¹ Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов, писана в конце 1729 года, в двадцатое лето его возраста. Насмевается он ею невежам и презирателям наук, для чего и надписана была "На хулящих учения". Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу "Гиралдия о богах и стихотворцах". Тому архипастырю следуя, архимандрит Кролик многие в похвалу творцу стихи надписал (которые вместе с Феофановыми в начале книжки приложены), чем он ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир.

² *Уме незрелый, плод* и проч. Тут наука значит *наставление*, действие того, кто другого кого учит. Так, в пословице говорим: *Плеть не мука, да впрядь наука*.

³ *Творцом не слыти*. Творец — то ж, что сочинитель или издатель книги, с латинского — *автор*.

⁴ *Нетрудные в наш век*. Слова *в наш век* посмешкою вставлены. Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ея приобретению.

⁵ *Всех неприятнее тот, что босы проклали девять сестр*. Всего труднее славы добиться чрез науки. Девять сестр — музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. Имена их: Клио, Урания, Евтерпе, Ератон, Фалия, Мелпомене, Терпсихоре, Каллиопе и Полимния. Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют. *Босы*, сиречь убогие, для того, что редко ученые люди богаты.

⁶ *Расцвеченна мраморами саду*. Украшенного статуями или столбами и другими зданиями мраморными.

⁷ *Овцу не прибавит*. Человек чрез науки не разбогатеет; каков от отца ему оставлен доход, таков останется, ничего к нему не прибавит.

⁸ *В нашем молодом монархе*. О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден быв 12 октября 1715 года.

⁹ *Музам*. Смотри примечание под стихом 7.

Бежит его. Аполлин¹⁰ славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого¹¹, и во всем обильно
20 Тщится множить жителей парнасских¹² он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
"Расколы и ереси¹³ науки суть дети;
25 Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие¹⁴, кто над книгой тает, —
Критон¹⁵ с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
30 Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
35 Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,

¹⁰ *Аполлин*. Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан.

¹¹ *Чтяща свою свиту видел его самого*. В Аполлиновой свите находятся музы. Петр II собою показал образ почитания наук, понеже сам, пока не был обременен правлением государства, обучался приличным такой высочайшей особе наукам. Прежде восшествия на престол его величество имел учителя Зейкана, родом венгерца; а потом, в 1727 году, взят для наставления его величества Христиан Гольдбах, Санктпетербургской Академии наук секретарь. По прибытии своем в Москву его величество изволил подтвердить привилегии Академии наук, учредив порядочные и постоянные доходы профессорам и прочим служителям того училища.

¹² *Жителей парнасских*. Парнас есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвященна музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жителями называются. Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей.

¹³ *Расколы и ереси*. Хотя то правда, что почти все ересей начальники были ученые люди, однако ж от того не следует, что тому причина была их наука, понеже много ученых, которые не были еретики. Таков есть святой Павел — апостол, Златоустый, Василий Великий и прочие. Огонь служит и нагревать и разорять людей вконец, каково будешь его употреблять. Пользует он, ежели употребление добро; вредит — ежели употребление зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но зол тот, кто их употребляет на зло. Между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются; суеверие же есть истое невежества порождение.

¹⁴ *Приходит в безбожие*. Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается; а невежество приводит в злые весьма о божестве мнения, как, наприклад, богу уды и страсти человеческие приписывать.

¹⁵ *Критон с четками в руках ворчит*. Вымышленным именем Критона (каковы будут все в следующих сатирах) означается тут притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти.

Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
 Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
 Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
 Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
 40 Помесья и вотчины весьма не пристали".
 Силван¹⁶ другую вину наукам находит.
 "Учение, — говорит, — нам голод наводит;
 Живали мы преж сего, не зная латыне,
 Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
 45 Гораздо в невежестве больше хлеба жали¹⁷;
 Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
 Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
 Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
 Довод, порядок в словах¹⁸ — подлых то есть дело,
 50 Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
 С ума сошел, кто души силу и пределы¹⁹
 Испытает; кто в поту томится дни целы,
 Чтоб строй мира²⁰ и вещей выведать премену
 Иль причину, — глупо он лепит горох в стену.
 55 Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
 Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
 Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
 В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
 Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
 60 Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства²¹,
 Ведь не теперь мы твердим, что буки, что вежи —
 Можно знать различие злата, серебра, меди.
 Трав, болезней знание²² — голы все то враки;
 Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки²³;
 65 Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
 Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
 Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело

¹⁶ *Силван другую вину.* Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охудая то, что к распространению его доходов не служит.

¹⁷ *Гораздо в невежестве больше хлеба жали.* Не гораздо ли смешно приписывать наукам в вину то, что от одной леность земледельцев или от непорядочного воздуха происходить может.

¹⁸ *Довод, порядок в словах.* Тому учат витийство и наипаче логика, которая дело есть право о вещи какой рассуждать и то другому ясными доказать доводами.

¹⁹ *Кто души силу и пределы.* В сем стихе о метафизике говорится, которая рассуждает о сущем вообще и о свойствах души и духов.

²⁰ *Строй мира и вещей выведать премену иль причину.* Физика или естествословие испытает состав мира и причину или отменение всех вещей в мире.

²¹ *Чтоб вызнать руд свойства.* Химия тому учит. Слово руда значит металл, каково есть золото, серебро, медь, железо и прочая.

²² *Трав, болезней знание.* То есть медицина или докторство.

²³ *Ищет в руке знаки.* Докторы, желая узнать силу болезни, щупают в руке больного ударение жилы, от чего познают, каково течение крови и, следовательно, слабость или жестокость болезни.

Дает, хотя внутри никто видел живо тело²⁴.
А пока в баснях таких время он проводит,
70 Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить²⁵, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном²⁶ не спать целу,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею²⁷?
75 В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного восхода.
Землю в четверти делить²⁸ без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле — без алгебры²⁹ счислим".
Силван одно знание слично людям хвалит:
80 Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

²⁴ *Внутри никто видел живо тело.* То есть, хотя анатомисты и знают тела состав и состояние, однако нельзя от того рассудить о тех непорядках, которые в живом человеке случаются, понеже еще никто не видал, каково есть движение внутренних человека.

²⁵ *К чему звезд течение числить.* О астрономии тут слово идет.

²⁶ *За одним пятном.* В солнце и в планетах астрономы пятна с любопытством примечают, по оным признавая время, в которое они круг своего центра вертятся. При соединении двух планет живет то, что нижний пятном кажется в вышнем планете. В луне усматриваются подвижные пятна, которые чаятельно суть тени ея высоких гор. Смотри Фонтенелла "О множестве миров".

²⁷ *Солнце ль движется, или мы с землею* (Фонтенелл "О множестве миров", вечер 1-й). Два мнения имеют астрономы о системе (состав) света. Первое и старое есть, в котором Земля вместо средоточия всего система имеется и неподвижна стоит, а около ея планеты Солнце, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Пула и Венус вертятся, всякий в известное время. Система сие, по Птоломею, своему вымыслителю, называется *Птолемаическою*; другое есть, которое Солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляет, а прочие планеты, между которыми есть и Земля, в учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлес есть Земли, около которой круг свой совершает в 29 дней. Система сие выдумал Коперник, немчин, и для того *Коперническою* называется. Есть и третье система, Тихона Брахея, датчина родом, которое, однако ж, из прежних двух составлено, понеже он с Птоломеем согласуется в том, что Земля стоит и что солнце около ея вертится, но с Коперником всех прочих планет движение около солнца поставляет.

²⁸ *В четверти делить без Евклида смыслим.* Четверть есть часть земли или пашни в 20 сажень ширины и 80 длины. *Евклид* был славный математик александрийский, где во время Птоломея Лага математическое училище держал в лето по созданию Рима 454. Трудов его у нас, между прочим, остались "Елементы", содержащие в 15-ти книгах основание всей геометрии.

²⁹ *Без алгебры.* Алгебра есть часть математики весьма трудная, но и преползная, понеже служит в решении труднейших задач всея математики. Можно назвать ее генеральною арифметикою, понеже части их по большей мере между собою сходны, только что арифметика употребляет для всякого числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу служат. Наука сия, сказывают, в Европу пришла от арап, которых мнят быть ея изобретателями; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называют *Алжабр Валмукабала*, то есть *наверстать* или *соравнять*.

Румяный, трожды рыгнув, Лука³⁰ подпекает:
 "Наука содружество людей разрушает;
 85 Люди мы к сообществу божия тварь стали³¹,
 Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 В чулан, для мертвых друзей³² — живущих лишуся,
 Когда все содружество, вся моя ватага
 90 Будет чернило, перо, песок да бумага?
 В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
 И так она недолга — на что коротати,
 Крушиться над книгою и повреждать очи?
 Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
 95 Вино — дар божественный³³, много в нем провору:
 Дружит людей, подает повод к разговору,
 Веселит, все тяжкие мысли отымает,
 Скучность знает облегчать, слабых ободряет,
 Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
 100 Любовник легче вином в цель свою доходит³⁴.
 Когда по небу сохой бразды водить станут³⁵,
 А с поверхности земли звезды уж проглянут,

³⁰ *Румяный, трожды рыгнув, Лука.* Лука — пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая, говорит и проч.

³¹ *К сообществу божия тварь стали.* Бог нас создал для сообщества.

³² *Для мертвых друзей.* То есть для книг.

³³ *Вино — дар божественный.* Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
 Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
 Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
 Fecundi calices quem non fecere disertum!
 Contracta quern non in paupertate solutum!

<Чего только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты!>

³⁴ *Любовник легче вином в цель свою доходит.* Свидетельство сему есть Лотова история, которого дочери, его вином упоивши, похоть свою исполнили. Святой Павел говорит: *Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд.*

³⁵ *Когда по небу.* Подражание из следующих Овидиевых стихов 7-й его Элегии:

In caput alta suum labentur ab aequore retro
 Flumina, conversis solque recurret equis:
 Terra feret stellas, coelum findetur aratro,
 Unda dabit flammam, et dabit ignis aquas.

<Глубокие реки потекут от моря назад к своему истоку, солнце побежит назад, поворотив своих коней, земля понесет звезды, небо будет разрезано плугом, волна загорится, а огонь даст воду.>

Когда будут течь к ключам своим быстры реки
 И возвратятся назад минувшие веки,
 105 Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, —
 Тогда, оставя стакан, примуся за книгу".
 Медор³⁶ тужит, что чресчур бумаги исходит
 На письмо, на печать книг, а ему приходит,
 Что не в чем уж завертеть завитые кудри³⁷;
 110 Не сменит на Сенеку³⁸ он фунт доброй пудры;
 Пред Егором двух денег Virgiliy³⁹ не стоит;
 Рексу — не Цицерону⁴⁰ похвала достоин.
 Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
 Вот для чего я, уме, немее быть клуши
 115 Советую. Когда нет пользы, ободряет
 К трудам хвала⁴¹, — без того сердце унывает.
 Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
 Трудней то, неж пьянице вина не имети,
 Нежли не славить попу святую неделю,
 120 Нежли купцу⁴² пиво пить не в три пуда хмелю.
 Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
 Что трудно злонравному добродетель славить,
 Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны

³⁶ *Медор*. Щеголь тем именем означен.

³⁷ *Завертеть завитые кудри*. Когда хотим волосы завивать, то по малому пучку завиваем, и, обертев те пучки бумагою, сверх нея горячими железными щипцами нагреваем, и так прямые волосы в кудри претворяются.

³⁸ *Не сменит на Сенеку*. То есть не сменит на книгу Сенекову фунт пудры. Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона — императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многие, и почти лучшие из древних, нравоучительные книги.

³⁹ *Пред Егором Virgiliy*. Егор был славный сапожник Москве, умер 1729 г. Virgiliy, стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Аиды в провинции Мантуанской, где родился 15 октября в 684 лето по создании Рима, то есть в 27-е пред рождеством Христовым. В Рим приехав, за его превосходный ум охотно с ним дружбу свели многие из знатнейших города, между которыми были первые император Август, Меценат и Поллион. Весь свет дивится стихам его, которыми у всех достал себе имя *князя стихотворцев латинских*. Умер в Бринде, городе Калаврии, возвращаясь с Августом из Греции в лето по создании Рима 735, в 51 своего возраста, и погребен близ Неаполя.

⁴⁰ *Рексу - не Цицерону*. Рекс был славный портной в Москве, родом немчин; Марко Туллий Цицерон был сын римского некоего всадника из поколения Тита Тация, короля сабинского. Еще в юношестве своем Цицерон речи говорил в сенате, столь дерзновенны против друзей Катилиновых, что, убоявся за то на себя нападения, уехал в Грецию, где у знатнейших учителей обучився, в такое совершенство привел латинское сладкоречие, что отцом того назван. В 691 лето по создании Рима выбран он с Антонином Непотом в консулы. Антониевым повелением убит в лето по создании 711, в 43 прежде пришествия Спасителя и 64 своего возраста, рожден быв 3 числа января лета по создании Рима 648.

⁴¹ *Когда нет пользы, ободряет к трудам хвала*. Всех наших действий два повода: польза или похвала. Не обыкли люди или редко следуют добродетели держаться для того, что добродетель собою красна.

⁴² *Нежли купцу*. Имя купца значит посадского: известно, что они великие пиволюбцы и охотники к крепкому пиву, которого часто и в 5 пуд хмеля варю варят.

125 Науку должны хулить, — да речи их злобны
 Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
 Изряден, хвален твой суд⁴³; так бы то быть должно,
 Да в наш век злобных слова умными владеют.
 А к тому ж не только тех науки имеют
 Недрузей, которых я, краткости радея,
 130 Исчел иль, правду сказать, мог исчезть смелея.
 Полно ль того? Райских врат ключари святые⁴⁴,
 И им же Фемис⁴⁵ вески вверила златые,
 Мало любят, чуть не все, истинну украсу⁴⁶.
 Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
 135 Сверх той тело с гордостью риза полосата⁴⁷
 Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата⁴⁸,
 Клобуком покрой главу, брюхо — бороною⁴⁹,
 Ключу⁵⁰ пышно повели везти пред тобою;
 В карете раздувшись, когда сердце с гневу
 140 Трещит, всех благословлять нудь праву и леву⁵¹.
 Должен архипастырем всяк тя в сих познати
 Знаках, благоговейно отцом называти.
 Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
 Иной, пища проповедь, выпись позабудет⁵²,
 145 Отчего доходам вред; а в них церкви права
 Лучшие основаны, и вся церкви слава.
 Хочешь ли судьейю стать — вздень перук с узлами,

⁴³ *Твой суд.* Твое рассуждение.

⁴⁴ *Ключари святые.* Церковные пастыри, епископы.

⁴⁵ *Им же Фемис вески вверила златые.* То есть судьи. Фемис — богиня правосудия, дочь Земли и Неба, пишется с весками в руках.

⁴⁶ *Мало любят, чуть не все, истинну украсу.* Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно, невежество голо и срамно.

⁴⁷ *Риза полосата.* Епанча из шелковой парчи безрукавна, сшита на подоле и разных цветов полосами поперек расшита, которую сверх всего платья архиереи надевают. Обыкновенно мантиею называют.

⁴⁸ *Цепь от злата.* Архиереи повседневно сверх рясы, а в священнослужении сверх саккоса повешену имеют на шее цепочку золотую или серебряную, к которой привешен образ, на финифти написанный, Спасителя, богоматери или какого святого. Обыкновенно цепочку ту с образом *панагиею* зовут, от греческого слова *παναγία* — *пресвятая*, прилагательное, которым обыкновенно богородица означает.

⁴⁹ *Брюхо — бороною.* Широкую бороду и по брюху распущенну невежды священническому чину за особливую украсу приписуют. Димитрий, митрополит Ростовский (писатель жития святых), целую книжицу сочинил против суеверия простолюдных о бороде. Напечатана в Москве в 1714 году. Раскольщики бороду брить в грех ставят.

⁵⁰ *Ключу пред тобою.* То есть *патерицу*. Когда архиерей выезжает с двора, один из его певцов верхом везет патерицу епископскую в знак его церковной власти.

⁵¹ *Праву и леву.* Разумеется: руку.

⁵² *Выпись позабудет.* Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.

Брани того, кто просит с пустыми руками⁵³,
 Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
 150 Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
 Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
 Иль естественный закон, иль народны права⁵⁴ —
 Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,
 155 Что подъячим должно лезть на бумажны горы⁵⁵,
 А судье довольно знать крепить приговоры.
 К нам не дошло время⁵⁶ то, в коем председадала
 Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
 Будучи способ одна к высшему восходу.
 160 Златой век⁵⁷ до нашего не дотянул роду;
 Гордость, леность, богатство — мудрость⁵⁸ одолело,
 Науку невежество местам уж посело,
 Под митрой⁵⁹ гордится то, в шитом платье ходит,
 Судит за красным сукном⁶⁰, смело полки водит.
 165 Наука ободрана, в лоскутах обшита,
 Изо всех почти домов с ругательством сбита;
 Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
 Как, страдавши на море, корабельной службы.
 Все кричат: "Никакой плод не видим с науки,
 170 Ученых хоть голова полна — пусты руки".
 Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
 Танцует, на дудочке⁶¹ песни три играет,
 Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
 Тому уж и в самые молодые леты
 175 Всякая высша степень — мзда уж невелика,

⁵³ *Кто просит с пустыми руками.* То есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит.

⁵⁴ *Граждански уставы, иль естественный закон, иль народны права.* — *Гражданские уставы* суть законы, учрежденные от государей, для расправы в судах, каково у нас Уложение. *Закон естественный* есть правило, от самой природы нам предписанное, которое всегда неотменно и без которого никакое сообщество устоять не может. *Народны права* суть законы, которые содержать должны народы разных властей для удобного взаимного сообщения и взаимной пользы.

⁵⁵ *Лезть на бумажны горы.* То есть шевелить, читать такое множество книг.

⁵⁶ *К нам не дошло время то* и проч. Не дошло к нам то время, когда от одной мудрости ожидать было должно человеку свое награждение и повышение в вышние чины.

⁵⁷ *Златой век.* Стихотворцы разделяют времена на четыре века, а именно: на *золотой, серебряный, медный и железный*, и говорят, что в златом веке люди все одной только добродетели прилежали, отдаляясь всяких злостей.

⁵⁸ *Мудрость одолело.* В сем месте *мудрость* есть винительного падежа.

⁵⁹ *Под митрой.* *Митра* есть шапка архиерейская, в священнослужении употребляема.

⁶⁰ *Судит за красным сукном.* Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном.

⁶¹ *На дудочке песни три играет.* Дудочка тут значит косой флейт, который был, когда сатира сия писана, в славе, и почти все молодые люди на нем играть обучались.

Семи мудрецов⁶² себя достойным мнит лика.
"Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник⁶³,
Псалтырь и послания⁶⁴ бегло честь умею,
180 В Златоусте⁶⁵ не запнусь, хоть не разумею".
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец⁶⁶ тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным⁶⁷.
185 Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр⁶⁸ случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
190 Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая⁶⁹,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
195 Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

Источник: Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.:
"Советский писатель", 1956;
<http://infolio.asf.ru/Rlit/Kantemir/kantemir1.html>

⁶² *Семи мудрецов*. Славные в Греции семь мудрецов были: *Фалес, Питакус, Биас, Солон, Клеобул, Минос и Хилон*. Некоторые вместо трех последних кладут *Периандра, Анахарса и Эпаминонда*; иные же — *Писистрата, Трасибула*, милетского тирана, и *Феницида* Сирийского. Смотри де Ларей в житии семи мудрецов, лист 1-й.

⁶³ *Часовник* — книга, содержащая повседневные молитвы греческой церкви.

⁶⁴ *Псалтырь и послания*. То есть книгу царя Давида и апостолов послания.

⁶⁵ *В Златоусте не запнусь*. В Златоустовом толковании на Евангелие, которое переведено с греческого весьма неясно.

⁶⁶ *Писец*. То есть подьячий.

⁶⁷ *Письмом ясным*. Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому прилежат, что и не нужно то чают; для того, если желаешь какую книгу не разумеешь, отдай ее подьячему переписать.

⁶⁸ *Семь бояр*. Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении; потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили.

⁶⁹ *Мудрость всеблагая*. То есть бог, понеже он не только мудр, но самая премудрость, к тому ж и всеблаг.

К ЧИТАТЕЛЮ

Хотя ныне много искусных считают предисловия при книгах за весьма непотребной придаток: однако мне, д о б р о ж е л а т е л н ы и ч и т а т е л ю, ни по какой мере обойтись было невозможно, чтоб, дая новую российскому свету сию книжку, не донести вам о том, что до оныя касается, и что вам ведать всячески надлежит.

Оная выдана на французском языке в Париже в 1713 году, и учинила великую своему творцу славу (которая всем охотникам и в мою бытность была памятна), потому что он весьма разумно ее выдумал, и могу после всех добrorассудных сказать смело, что она еще Первая в своем роде такова нашлась. Будучи в Париже я оную прочол с великим удовольствием моего сердца усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое время горячее возымел желание перевести оную на наш язык. И хотя силы я тогда, без самохвальства вам доношу, столко и мог иметь мне дабы потрудиться в переводе сем, но в продолжении тамо философии время мое к тому меня недопустило. Однако, как говорится, *чему быть, того не миновать*: ибо способно случаи сам себя мне подал к переводу оныя таким образом:

Когда я был в Гамбурге по случаю чрез несколько время, где не имея никакова дела со скуки я пропадал. Между тем его сиятельство князь Александр Борисович Куракин, которой отеческую и щедрую свою милость и по ныне мне кажет, повелел мне чрез одно свое письмо из Москвы перевести какую нибудь книжку французскую на наш язык, и то для того, дабы всеу мое время потратилось. Желая, дабы чрез скорое мое послушание так великому и светлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имею его повеление, также с другой стороны дабы и скука моя не так была мне чувствительна, думал я долго, что какую бы то книжку французскую начать переводить. Тогда впала мне на разум сия, которую я там не без трудности сыскал у одной девицы очюнь охотницы до книг, и стал оную переводить с таким великим прилежанием, что и месяц еще и меньше я со всем ея окончал; а каково, то в ваше доброе рассуждение, и совестное отдаю беспристрастие.

Вот, д о б р о ж е л а т е л н ы и ч и т а т е л ю, причина, которая меня побудила сию книжку французскую учинить рускою. В протчем я ей нечиню никаких похвал по обыкновению купцов с совестной ревностию и худой свои тавар похваляющих, ибо всяк меня самохвалом может за то назвать. А по чему бы? веть я оныя не творец? правда, да я лих оную переводил; а переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам болше, ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть (я не говорю о себе, но о добрых переводчиках). А буде кто тому неверит, тому я способно могу доказать еще математическим методом, что я правду сказал. А у! я недумая по философски уж и ссорюсь низачто! но *полно бранитца, пора помиритца*.

И тако сами вы прочете, д о б р о ж е л а т е л н ы и ч и т а т е л ю, изволите узнать какову сия книга подает утеху, сладость, и ползу нравоучительную, и уповаю, буде не обманываюсь, что и другим ту имеете хвалить.

На меня, прошу вас покорно, не изволте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную неславенским языком перевел, но почти самым простым руским словом, то есть каковым мы меж собою говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской, у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многие его наши читая неразумеют; А сия книга есть сладкия любви, тогоради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми: но зато у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым *речеточцем* хотел себя показывать.

Ежели вам, д о б р о ж е л а т е л н ы и ч и т а т е л ю, покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу толко похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому недопустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию.

Я много сам в себе молча славлюсь н для того толко, что я мог как ннбудь оную перевести: ибо она *хотя не велика да мудра*, и в том могут мне все те поверить, которые чли ея на французском, а наипаче оные, которые для справки похотят ее отвдать перевести, к тому же, в чем со мною всяк неможет не согласиться, переводя вирши французские на наши, великую я трудность имел: ибо надлежало непотерять

весма разума французского сладости и силы, а всегда иметь рускую рифму. Может статья, что вы не будете довольны разумом моих виршей. Того ради, прошу, хотя оных Рифмы за благо принять, ибо они весма прямые руские, в чом я ссылаюсь на всех *спасского моста* стихотворцев, даром что они не много мне могут ползы учинить чрез свое освидетелствование в мере стоп, в количестве слогов, в пресечении, и в роде стихов, для того что они излагая свои *рацеи* на те правила не смотрят, а чтоб *сказать да не солгать*, может быть и не знают. Но я уповаю, что знающие имеют мне в том справедливость учинить.

Теперь, д о б р о ж е л а т е л н ы и ч и т а т е л ю, сами изволте рассуждать чего мои труд достоин, и потому смотря ласкаво или с презрением его принять; а лучше бы было, восприемлю смелость мое мнение вам предложить, ежелиб желали Вы видеть оной благоприятным оком: ибо тем, без сумнения, имеете меня ободрить за другое полезнее дело взяться, а учтивостию вашу всегда хвалиться.

* * *

Из трактата «Новый и краткий способ к сложеню российских стихов с определениями до сего надлежащих званий»

[ОБ ЭПИСТОЛАХ]

Думаю, что эпистол российским стихом прежде меня, буде не обманываюсь, никто еще не писал; того ради одну здесь, как в пример нового ж стиха гексаметра, так и в пример самой ее предлагаю. *Эпистола* слово есть греческое, которое происходит от *ἐπιστολή* и значит: *послание, писание* или просто *письмо*, для того, что греческий глагол *ἐπιστέλλω* значит: *посылаю, пишу*. Эпистола есть разговор отсутствующего с отсутствующим на письме, каков бывает у присутствующих между собою на словах. В эпистоле, для того что она разговор на письме, надлежит прилежно наблюдать, чтоб стиль ее был краток, силен, ни высок, ни низок, прямо дело изъясляющий, а постороннего ничего не примешивающий, ибо всё противное сему читающего приводит в скуку, а пославшего эпистолу в похуление. Много родов есть эпистол, как например: род *советный, поздравительный, сожалительный, купеческий, любовнический* и прочая, для того что не сего есть места о том говорить.

Рассуждать в эпистолах надобно и о сем: кто пишет, к кому пишет, куда пишет, для чего и о чем пишет, ибо по разности сих обстоятельств разна эпистола написана быть может.

В дружеских эпистолах беречься должно, чтоб с утешным не внесено было дерзновенное и слуха недостойное: и буде таковое случится, то надлежит такими окружными, но честными словами описать, чтоб только можно было о том догадаться, потому что противное подлого воспитания быть человека показывает и в великое презрение пославшего приводит. В сатирических эпистолах так должно человека хулить, чтоб только худые его дела порочить, и то не без закрышек и не без отверниц, укрывая, как можно, имя и всё то, по чему можно догадаться, что то конечно и точно о сем, а не о другом человеке пишется, но чести его нимало не касается, и всё сие так, чтоб впредь не было причины о том к раскаянию, затем, как говорится, *что написано пером, не вырубишь никогда топором*. В эпистолах о важных делах, а особливо о науках, должно умеренну быть в аполлинствовании, для того что всё высокое в эпистоле не имеет места; а тот, кто *projicit ampullas et sesquipedalia verba*, как говорит Гораций, то есть *кидает надутые и в полтора фута слова*, всегда завирающимся называется. Слог панегирических эпистол долженствует быть гладок, сладок, способно текущий и искусный, а особливо в дедикациях, ибо толь нежна и хитра дедикация в прозе, коль мудр и замысловат сонет в поэзии. Но чтоб не далее выйти из пределов должности моей, предлагая о эпистолах вообще, прихожу к пиитическим эпистолам, о которых только я имел намерение предложить.

Пиитическая эпистола есть почти то ж, что и простая. Сие всякому можно видеть у Овидия в эпистолах от героинь. У Горация многих родов эпистолы пиитические читаются. Однако нынешние пииты наиболее сочиняют оные панегирические, которым и мне в сей моей последовать заблагорассудилось, как то читатель сам изволит увидеть. На французском языке господин Боало Детро толь преизрядные писал эпистолы стихами, что уже лучше его, кажется, написать и нельзя. Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполлиноватый и весьма с парнасским не разглашающийся. Сей род поэзии назвал я *эпистолою*, а не *посланием, писанием и письмом* для того, чтоб различить пиитическое письмо от *посланий святого апостола Павла* и от простых писем. Латины так же называют пиитические и оные духовные: *epistolae*; а простые чаще: *litterae*. Французы простые зовут: *lettres*; а пиитические и святого Павла послания: *epîtres*.

Эпистолу мою пишет стихотворчество, или поэзия российская, к Аполлину, вымышленному богу стихотворчества. Но чтоб кому имя сие не дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлина должно

здесь разумею желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу. А в прочем всё в ней как ни написано, то по-стихотворчески написано, что искусные люди довольно знают; и для того ревнующим нам по благочестию христианам нет тут никакого повода к соблазну.

ЭПИСТОЛА ОТ РОССИЙСКИХ ПОЭЗИИ К АПОЛЛИНУ

Десяти парнасских сестр, купно Геликона,
О начальник Аполлин, и пермесска звона!
О родитель сладких слов, сердце веселящих,
Прост слог и не украшен всячески красящих!
Посылаю ти сию, Росска поэзия,
Кланяся до земли, должно что, самья.
Нову вещь тебе хочу сею объявити,
И с Парнаса тя сюда самого просити,
10 Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.
Уж довольно чрез тебя пела наученна,
Греческа сестра моя, в веки не забвенна;
Славил много хитр Гомер ею Ахиллеса,
Чрез Улиссов же поход уж знатна Цирцеса.
Много ж и сестра тобою римска свету пела,
Жаром, что вложил ты ей, дивно та кипела:
Уж Эней описан там, сердца добронравна,
Чрез Вергилия в стихах князя толь преславна;
20 И Горациева всем есть любя уж лира,
С Ювеналовой притом колюща сатира.
Где Овидий уж не чтен радостно пресладкий?
Галл, Проперций и Тибулл в слоге своем гладкий?
И Теренций, комик Плавт в сокке поиграли,
Плеск и похвалу себе в римлянах ссыскали;
Трагик Сенека не столь ткал хоть стих изрядно,
Выходил в котурне он иногда ж нарядно;
Марциал кратк, узловат, многожды сатирик,
В эпиграмме умещал инде панегирик.
30 Всем моя сим к славе их там сестра служила,
И тебя довольно в сих Аполлина чтила.
Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С тевтом, ибером живет что в середине смежна,
С мягким так же в юг близка что италиянцем,
С острым в север чрез моря купно и британцем;
Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, варвары звалися.
Два Корнелия, Рацин, трагики искусны,
Реньниё в них, Боало, сатирами вкусны;
40 С разумом и Молиер в роде их глумливый,
Был Вергилия Скарон осмеять шутливый;
Молодой хоть в них Волтер, но весьма чист в слоге;
Счастлив о де ла Фонтен басен был в прилоге!
Одами летал Малгерб в них всегда достойно,
Эклогу поправил там Фонтенел пристойно;
Воатюр в рондэ играл, весел и приятен,
Больше чрез псалмы Русо, хоть чрез всё он знатен.
Про других упоминать, право, нет им счету,
Особливу всяк в стихе показал доброту.

50 Эпиграммы тот писал, ин же филиппики,
Славны оперы другой сладкой для музыки;
В элегиях плакал ин жалостно, умильно
Тот сонет, тот мадригал, тот балад клал сильно.
Песен их что может быть лучше и складняе?
Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.
Славны и еще они, но по правде славны,
Что жены, тот красный пол, были в том исправны:
Саффо б греческа была в зависти великой,
Смысл девицы Скудери есть в стихе коликой;
60 Горько плачущей стихом нежной де ла Сюзы
Сладостнее никогда быть не может музы.
Токмо полно мне и сих имянно счисляти,
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том, ей, толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву.
В сытость напился воды так же касталийски,
Что писал разумно Тасс и по-италийски.
Ты вознес в Милтоне толь и сестру британску,
В Лопе, также и в других, разгласил гишпанску.
70 Правильно германска уж толь слух услаждает,
Что остр Юнкер славу мзду ею получает:
Юнкер, которого в честь я здесь называю,
Юнкер, которому, ей, всяких добр желаю.
Что же сладкий тот Орфей, Пиндар тот избранный,
В благородном роде сем Кенигом что званный?
В нем сестра моя всегда пела героично,
Амфионской петь бы так было с ним прилично.
Каница сердечный жар, Бьссера любовна,
А Неймэйстера, при нем Шмолка, толь духовна,
80 Кто бы ныне лучше мот на стихах играти?
Брокса, Триллера—кому б выше можно знати,
Что в вещах природных есть для стиха изрядно?
О стихом весь идет коль Гинтер, легк нарядно!
Счастливее в ком сестра там моя трубила,
Как в Нейкирхе, стих кому важный подарила?
У чужих брал мысли сей; но чрез переводы,
Дивно полагал те в стих своя природы.
Нову в Опице мою все сестру признали,
Обновителем тоя называть все стали;
90 Опицу, придав стихов имя отца, перву,
Что в них строен тот и хитр вольну чрез Минерву.
Научивши ты сестру толь мою немецку,
Научить не позабыл также и турецку,
И персидску, и какой хвалится Индия,
И в арапской что земле мудра поэзия.
Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво.
Словом, нет уже нигде такова народа,
Чтоб честна там сестр моих не была порода.
Только ли одну меня так ты оставляешь?
100 За родную мя себе иль не признаваешь?
Но приди и нашу здесь посетить Россию,
Так же и распространи в ней мя, поэзию:
Встретить должно я тебя всячески потщуся,
И в приличный мне убор светло наряжуся;

С приветственным пред тебя и стихом предстану,
Новых мер в стопах, не числ, поздравлять тем стану.
Новых! поистине так, хоть бы ты дивился,
И подобен такову, кто не верит, зрится:
Старый показался стих мне весьма не годен,
110 Для того что слуху тот весь был не угоден;
В сей падение, в сей звон стопу чрез приятну,
И цезуру в сей внесла, долготою знатну.
Старым токмо я числом стих определила,
Стопы двосложны затем в новый сей вложила;
Стопы, обегая в них трудность всю афинску,
И в количестве стихов такожде латинску;
Тоническу долготу токмо давши слогу,
Так до рифмы стих веду гладку чрез дорогу;
Выгнав мерзкий перенос и всё, что порочно,
120 То оставила стиху, что ему есть точно.
Таковым тебя стихом стану поздравляти,
Таковым тебя стихом буду умоляти,
Чтоб, оставивши Парнас, всё ты жил со мною,
Одарил бы всю меня слова красотою.
Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.
Хотя нужен ты давно здесь в России славной,
Всё в великих что делах счастится быть главной;
Больше но теперь в тебе нужды я имею,
130 Тем и нудить больше тя, чтоб спешить к нам, смею.
Анну даровал нам Бог ныне коль велику,
Нельзя без твоей воспеть гарфы то мне зыку;
Мудрых всех во свете глав есть ее мудрейша,
Разумом разумных всех та весьма острейша;
Самодержицы сея око прозорливо,
Полно сердце всяких благ, тем щедролюбиво;
Что величества на всей блещет луч небесный,
Всяк народ, весь мир о том славою известный;
Храбрая рука ее полна благодати;
140 Счастье о при тебе всем, российска мати!
Милость, правда и любовь к подданным безмерна,
Дело к благочестию, и ней мысль вся правоверна;
Бодростью не жен—мужей Анна превышает,
Тело Бог ей и лице тою украшает;
Страшно то в ней всем врагам, россам что есть мило,
Великодушие же зависть всю дивило.
Слава для нее трубы хоть бы не имела,
Совершенства все ее хоть бы не гремела;
Та сама собой хвала, та сама вся слава.
150 О да будет Анна ввек здесь и ввеки здрава!
Добрым та любовь сердцам, верным всем и радость;
Всей России красота, щит, надежда, сладость,
И прибежище, покой, здравие, богатство,
И желание, и честь; словом, всё изрядство.
Самый образ на земле вышния щедроты,
Силы, благности ко всем, сродныя доброты.
Всяк престол бы чрез нее мог быть высочайший,
Будет на главе драгий всяк венец дражайший,
В сильнейший рукой скиптр сильн Анны пременится.
160 Ей! величеством на ней большим украсится,

Коль бы ни сияла где оным вся порфира,
 Ибо Анна ныне есть токмо чудо мира.
 Менится при славной всё, что ни есть, в преславно,
 При великой всё растет в величайше явно;
 Лучший всё приемлет вид. Худо что и злобно,
 Пременяется в добро и в любовь удобно.
 Добродетель Анны то крайня заслужила,
 Божия ту благость тем так благословила.
 Но как слабой мне во всем ону описати?
 Об Августе таковой лучше бы молчати
 И Вергилиевой здесь быть всегда имело;
 Сам и ты бы, Аполлин, был не скор на дело.
 Толь то монархия всем Анна наша стройна,
 Света что всего корон по всему достойна.

* * *

ПРОШЕНИЕ ЛЮБВЕ

Покинь, Купидо, стрелы:
 Уже мы все не целы,
 Но сладко уязвлены
 Любовною стрелою
 Твоею золотою;
 Все любви покорены.

К чему нас ранить больше?
 Себя лишь мучишь дольше.
 Кто любовью не дышит?
 Любовь всем нам не скучит,
 Хоть нас тая и мучит.
 Ах сей огонь сладко пышет!

Соизволь опочинуть
 И сайдак свой покинуть:
 Мы любви сами ищем.
 Ту ища, не устали,
 А сласть ее познали,
 Вскачь и пеши к той рыщем.

За любовь (не будь дивно)
 Не емлем, что противно
 Ей над всеми царице:
 Та везде светло блещет,
 Так что всяк громко плещет,
 Видеть рад любовь сице.

Стрел к любви уж не надо:
 Воля всех любить рада.
 Ах, любовь дорогая!
 Любовь язвит едину,
 Другой ранен чрез ину.
 Буди ненависть злая!

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
 Люблю, драгая,
 Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твоему стыдно.
 Люблю, драгая,
 Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
 Люблю, драгая,
 Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
 Люби, драгая,
 Мя поминая.

СТИХИ О СИЛЕ ЛЮБВИ

Можно сказать всякому смело,
 Что любовь есть велико дело:
Быть над всеми и везде сильну,
 А казаться всегда умильну—
 Кому бы случилось?
 В любви совершилось.

Кто б смел встать на Иовиша славна?
Любовь его, княгиня главна,
 Принудила взять виды разны
 Птичьи, скотски, красны, злобразны;
 Иовиш не гордился,
 Охотно склонился.

Трудно Марса победить было;
У всех сердце с страха застыло
Перед ним. Любовь только едина
Победивши (смешна причина)
Его оковала,
Плененным звать стала.

Что больше? та царит царями,
Старых чинит та ж молодцами,
Любовь правит всеми гражданы,
Ту чтят везде и поселяны,
Та всчинает брани,
Налагает дани.

Не без любви мир, договоры;
А прекращал кто б иной ссоры?
Словом, чинит по своей воле
Что захочет где се ли то ли;
И девиц склоняет,
А нас запалает.

Не убежишь той в монастырях,
Любовь во всех председит пирах.
Для любви все танцевать любят,
И музыку, чтоб играть, нудят.
Все ей угождают,
Все любви желают.

В. К. Третьяковский, стихи из романа «Езда в остров любви» (1730)

Нас близко теперь держит при себе Африка,
Около мест прекрасных моря Атлантика.
А сей остров есть Любви, и так он зовется,
Куды всякой человек в свое время шлется.
Стары и молодые, князья и подданны,
Дабы видеть сей остров, волили быть странны.
Здесь на земли со временем всё что уж ни было,
То в сих местах имело желание мило.
Разно сухой путь сюды ведет, также водный,
И от всех стран в сей остров есть вход пресвободный.
Стать, любовность, прикраса, приязнь с красотою
Имеют все пристани сия за собою.
И, привлекая всяка чрез любовны средства,
Никто их не убогнет, вышедчи из детства.

* * *

Туды на всяк день любовники спешно
Сходятся многи весьма беспомешно,
Дабы посмотреть любви на причину,
То есть на свою красную едину.
С утра до ночи тамо пребывают,
О любви одной токмо помышляют.

Все тамо дома украшены цветы,
Все и жители богато одеты.
Всё там смеется, всё в радости зрится,
Всё там нравится, всему ум дивится.
Танцы и песни, пиры и музыка
Не впускают скорбь до своего лика.
Все суть изгнаны отгуду пороки,
И всяк угрюмой чинит весел скоки.
Всяк скупой сыплет сокровище вольно.
Всяк молчаливый говорит довольно.
Всякой безумной бывает многоумным,
Сладкие музы поют гласом шумным.
Наконец всякой со тщанием чинит,
Что лучше девам ко веселию мнит.

* * *

Купид чрез свои стрелы ранит человек,
И понеже он есть всех царей сильнейший,
Признан в небе, на земли, в мори, от всех веков,
Под разным видом той же свой старейший
Дает закон, и часто для отмщенья скоро
Над беспристрастным ко всем женским лицам
Употребляет своей силой без разбора,
Дав его сердце не красным девицам.

* * *

В сем месте море не лихо,
Как бы самой малой поток.
А пресладкий зефир тихо,
Дыша от воды не высок,
Чинит шум приятной весьма
Во игрании с волнами,
И можно сказать, что сама
Там покоится с вещами
Натура, дая всем покой.
Премногие красят цветы
Чрез себя прекрасный брег той.
И хотя чрез многи леты,
Но всегда не увядают;
Розы, тюлипы, жасмины
Благовонность испускают,
Ольеты, также и крины.
Правда, что нет во всем свете
Сих цветов лучше и краше;
Но в том месте в самом лете
Не на них зрит око наше.

* * *

Виделось мне, кабы тая
В моих прекрасная дева
Умре руках вся нагая,
Не чиня ни мала зева.

Но смерть так гибель напрасну
Видя, ту в мир возвратила
В тысячу раз паче красну;
А за плач меня журила.

Я видел, что ясны очи
Ее на меня глядели,
Хотя и в темноту ночи,
И нимало не смертвели.

«Ах! —вскричал я велегласно,
Схвативши ее рукою,
Как бы то наяву власно,
Вас было, Мила, косою

Ссечь жестока смерть дерзнула!
Ох! и мне бы не миновать,
Коли б вечно вы уснула!»
Потом я стал ту обнимать.

Я узнал, как пробудился,
Что то есть насмешка грезы.
Сим паче я огорчился,
Многи проливая слезы.

* * *

А. П. Сумароков, Любовные песни

О места, места драгие!
Вы уже немилы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать
И, стенья, не о любезном—
О неверном вздыхать.

Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
И, отнявши все утехи,
Лишь одну оставил страсть.
Из очей моих льется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.

По долине сей текуши
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен,
И зефир летал в тот час.

Быстры воды пробежали,
Легкий ветер пролетел,
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю, взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я,
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя!

Мне забыть его не можно
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, всё мне мил.
Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Вображается всегда.

Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть,
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей.

О свидетели в любви
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,
Что, лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!

Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И трони его тем слух. *(1740-е годы)*

* * *

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тшусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утхи в горесть обратил;
И, к лютейшей муке, ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Вображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

(1759)

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску,— иль смертный рок меня унес?
Не плач о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

(1770)

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки неживать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.
(1770)

* * *

В роще девки гуляли
Калина ли моя, малина ли моя!
И весну прославляли.
Калина и пр.
Девку горесть морила,
Калина и пр.
Девка тут говорила:
Калина и пр.
Я лишилася друга.
Калина и пр.
Вянь, трава чиста луга,
Калина и пр.
Не всходи, месяц ясный,
Калина и пр.
Не свети ты, день красный,
Калина и пр.
Не плещите вы, воды!
Калина и пр.
Не пойду в короводы,
Калина и пр.
Не нарву я цветочков,
Калина и пр.
Не сплету я веночков.
Калина и пр.
Я веселья не знаю,
Калина и пр.
Друг, тебя вспоминаю
Калина и пр.
Я и денно и ночью.
Калина и пр.
В день и в ночь сердцу тошно.
Калина и пр.

Я любила сердечно
Калина и пр.
И любить буду вечно.
Калина и пр.
Сыщешь ты дорогую,
Калина и пр.
Отлучився — другую
Калина и пр.
Сыщешь милу, прекрасну
Калина я пр.
И забудешь несчастну.
Калина и пр.
Та прекраснее будет,
Калина и пр.
Да тебя позабудет.
Калина и пр.
Ах, а я не забуду,
Калина и пр.
Сколько жить я ни буду.
Калина и пр.
Не пойдут быстры реки
Калина и пр.
Ко источнику ввеки.
Калина и пр.
Так и мне неудобно
Калина и пр.
Быть неверной подобно».
Калина и пр.

А. П. Сумароков, **ТРЕСОТИНИУС** (отрывок)

Комедия. Зачата 12 января 1750, окончена января 13 1750. С. Петербург.

Действующие лица: *Оронт*; *Клариса*, дочь его; *Тресотиниус*, педант [...]

Действие I. Явление 1. *Оронт и Клариса*.

- Клариса*. Нет, батюшка, воля ваша, лучше мне век быть в девках, нежели за Тресотиниусом. С чего вы вздумали, что он учен; никто этого об нем не говорит, кроме его самого, и хотя он и клянется, что он человек ученый, однако в этом никто ему не верит.
- Оронт*. Безумная, он знает по-арапски, по-сирски, по-халдейски, да диво, не знает ли он еще и по-китайски; и на всех этих языках стихи пишет, как на русском языке.
- Клариса*. Пускай он и по-халдейски и по-китайски знает, однако он мне со всею своею премудростью не нравится; а для любви и одного нашего языка довольно.
- Оронт*. Да, тебе кажется довольно, а он не так сказывает. Он говорит, что кто не умеет по-сирски и по-халдейски, тот еще не прямой человек. Вот так-то он сказывает.
- Клариса*. Ему такая и жена надобна, а я ни сирскому, ни халдейскому языку не училась.
- Оронт*. Я тебе одним скажу словом, что я хочу, чтоб ты была за ним.
- Клариса*. А я вам, батюшка, одним ответствую словом, что я лучше умру или в монастырь пойду, нежели буду за ним.
- Оронт*. А я говорю, что я тебя за него отдам. Я пойду на часок к соседу, а ты дождайся здесь жениха своего; он сегодня к тебе быть хотел. Да будь же с ним учтива, ежели ты хочешь, чтоб я тебя любил.

Явление 2. *Клариса*

Клариса. Что этого тяжеле на свете! Выдают меня за того, за кого я не хочу, и разлучают меня с тем, кого я люблю лучше жизни своей. О возлюбленный Дорант, какую ты сердцу моему делаешь горесть! А ты, Тресотиниус, какое ты приключашь мне мученье. Погибни ты и с сирским и с халдейским языком, и со всею своею премудростью!

Явление 3. *Клариса и Тресотиниус.*

Тресотиниус. Прекрасная красота, приятная приятность, по премногу кланяюсь вам.

Клариса. И я вам по премногу откланиваюсь, преученое учение.

Тресотиниус. (*вынув песню из кармана*). Эта бумажка яснее вам скажет, какую язву в сердце моем приятство ваше, то есть красота ваша, мне учинило, то есть сделало.

Клариса. Я верю вам, сударь.

Тресотиниус. Однако ж не поскутите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами.

Клариса. Очень, сударь, хорошо; я вам верю, что эта песня хороша.

Тресотиниус. Она сочинена на голос: О места, места драгие. Извольте послушать; да послушайте ж, сударыня.

Клариса. (*особливо*). Боже милосердый!

Тресотиниус. (*читает*).

Красоту на вашу смотря, распалился я ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твою меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.
Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.
Иль ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о! увы! моих злых бед!
Хоть Климена, из-под тиха покажи мне склонный вид!
И не делай больше сердцу преобидных ты обид.
Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить ся не губя.

Клариса. Очень песня хороша...

Тресотиниус. Изволь-ка подале послушать.

Клариса. Нет, я уже довольна.

Тресотиниус. Как вам это слово кажется: и не делай больше сердцу преобидных ты обид! Не сильно ли это сказано? Изволь-ка далее-то ты послушать...

Клариса. Пожалуй, не трудись для меня больше, я уже довольна.

Тресотиниус. Хоть один куплет еще прочесть мне позволь.

Клариса. Пожалуй мне, я сама после прочту.

Тресотиниус. Изволь, красота моя, да только изволь прочесть с рассуждением. Это вить не «*о места, места драгие*», эту песнь и содержание ее не всяк разуметь будет; тут такие есть тонкости, что они от многих и ученых закрыты. Правда, многим покажется, что это безделка; однако позвольте, моя государыня, сказать, что в этой безделке много дела, что я аргументально доказать могу.

Клариса. Я доказательств ваших не требую и до споров я не охотница. [. . .]

* * *

N. Boileau-Despréaux, **ODE SUR LA PRISE DE NAMUR** (1693) (opening stanzas)

Quelle docte et sainte yvresse
Aujourd'huy me fait la loy?
Chastes Nymphes du Permesse,
N'est-ce pas vous que je voy?
Accourez, Troupe sçavante,
Des sons que ma Lyre enfante
Ces arbres sont réjouis.
Marquez-en bien la cadence;
Et vous, Vents, faites silence:
Je vais parler de Louis.

Dans ses chansons immortelles,
Comme un aigle audacieux,
Pindare étendant ses aisles,
Fuit loin des vulgaires yeux.
Mais, ô ma fidele Lyre,
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports;
Les chesnes des monts de Thrace
N'ont rien ouï que n'efface
La douceur de tes accords. [. . .]

В. К. Третьяковский, **ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА** (opening stanzas) (1734, revised 1752)

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?
И звон ваших струн сладкогласных,
И силу ликов слышу красных;
Все чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хочу Анну.

В своих песнях, в вечность преславных,
Пиндар, Гораций несравненны
Взнеслися до звезд в небе явных,
Как орлы быстры, дерзновенны.
Но буде б ревности сердечной,
Что имеет к Анне жар вечный,
Моя глас лиры сравнился,
То бы сам и Орфей фракийский,
Амфион купно б и фивийский
Сладости ее удивился. . . .

**ОДА БЛАЖЕННЫМ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ
И НА ВЗЯТИЕ ХОТИИА 1739 ГОДА**

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

11 Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Через степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам вperi,
Где всходит день по темной ночи.

21 Корабль как ярых воли среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валяются.

31 Крепит Отчества любовь
Сынов российских дух н руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

41 Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,

- Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрой ток на огонь дерзает.
- 51 За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержат полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.
- 61 Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.
- 71 Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бон ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят кунно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной в последни видя зорю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купио с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю.
- 81 Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.
- 91 Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,

- Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.
- 101 Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.
- 111 Герою молвил тут Герой:
«Нетщетен я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.
- 121 Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.
- 131 Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боишься собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль русская ужасна сила.
- 141 Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И россов плеску отвещает;
Ярсь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить

- Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.
- 151 Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость па северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на росский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.
- 161 Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попраля,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.
- 171 Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».
- 181 Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воеет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред русской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?
- 191 Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдатся власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,

- Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.
- 201 О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.
- 211 Не вся твоя тут, Порга, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.
- 221 Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.
- 231 Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.
- 241 Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит отгуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,

- Пусть свой язык, ярься, грызет;
То наша радость презирает.
- 251 Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, пlying, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.
- 261 Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.
- 271 Любовь России, страх врагов,
Страны полночной героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.

**ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ЕЕ ВЕЛЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА**

- Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
- 11 Великое светило миру,
Блестя с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,

На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

- 21 Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.
- 31 Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!
- 41 Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.
- 51 Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хошетлира восхищенна
Гласить велики имена.
- 61 Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами

Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

- 71 В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с одного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»»
- 81 Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.
- 91 Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорьби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.
- 101 В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина.
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!
- 111 Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!

- Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.
- 121 Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.
- 131 Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.
- 141 Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.
- 151 Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстринной,
Как Нил, народы напоет
И брегн наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.
- 161 Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней

На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

171 Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать?
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

181 Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

191 Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

201 И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски когтем;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

211 О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны

Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

221 Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки, и в труде.

231 Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенпу
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

**к высокопревосходительному господину генералу-поручику,
действительному ее императорского величества амергеру,
московского университета куратору и орденов белого рла,
Святого Александра и Святыя Анны кавалеру
Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 года**

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских гор спускаюсь;
И ныне от нее на верх их возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
10 Не ломкость лживого я счастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огонь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,

20 Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил.
Напрягся мышцами и рамена подвинул
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменялся день.
Не баснотворного здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса;
Но Этна правде сей свидетель вечный нам,
Которая дала путь чудным сим родам.
Из ней разжженная река текла в пучину,
30 И свет, отчаясь, мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец.
Прогнали долгу ночь и жар свой погасили
И Солнцу ясному рождение открыли.
Но что ж от недр земных родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев, смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
40 Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам счастливо:
Из чистого Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого лъзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу;
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! сие твоих достоинств лишь начало,
50 Которы мастерство тебе с природой дало.

Исполнен слабостями наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки,
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличные лекарства предписать;
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу:
60 Какую надлежит ему принести хвалу!
Хоть вместо оногo замысловаты хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобратив в Фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают.
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
70 Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,

Сады, гульбы, пиры и всё, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
80 Которы ввек хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятя
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистовой свирепствуя борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толстые стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть.
90 Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть,
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом как человек зимой стал безопасен,
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад;
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы;
100 Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, любитель муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И музы с оными единого сродства;
Подобна в них краса и нежные слова,
Счастливой младостью твоей цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренести не возбранят.
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
110 Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше всё старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блещат на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубья заразы!
120 Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены.
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росю.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,

130 Желанья нежны в вас подобна движет сила;
 Вы также украшать желаете себя.
 За тем прохладные поля свои любя,
 Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
 Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
 Таков убор дает вам нежная весна!
 Но чем вы краситесь в другие времена,
 Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
 Или снегами вкруг глубокими белеют,
 Без оных что бы вам в нарядах помогло,
 Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
 Любовников он к вам не меньше привлекает,
 Как блестящий алмаз богатых уязвляет.
 Или еще на вас в нем больше красота,
 140 Когда любезная в вас светит простота!

Так в бисере Стекло подобясь жемчугу,
 Любимо по всему земному ходит кругу.
 Им красится народ в полунощных степях,
 Им красится арап на южных берегах.
 В Америке живут, мы чаем, простаки,
 Что там драгой металл из сребреной реки
 Дают европейскому купечеству охотно
 И бисеру берут количество несчетно,
 Но тем, я думаю, они разумне нас,
 150 Что гонят от своих бедам причину глаз.
 Им оны времена не будут ввек забвенны,
 Как пали их отцы для злата побиежны.
 О коль ужасно зло! на то ли человек
 В незнаемых морях имел опасный бег,
 На то ли, разрушив естественны пределы,
 На углу дерева обшел кругом свет целый,
 За тем ли он сошел на красны берега,
 Чтоб там себя явить свирепого врага?
 По тягостном труде, снесенном на пучине,
 160 Где предал он себя на произвол судьбине,
 Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
 Военной бурей он внезапно зашумел.
 Уже горят царей там древние жилища;
 Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
 И кости предков их из золотых гробов
 Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
 С перстнями руки прочь и головы с убранством
 Секут несытые и златом и тиранством.
 Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
 170 Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
 Смятение и страх, оковы, глад и раны,
 Что наложили им в работе их тираны,
 Препятствовали им подземну хлябь крепить,
 Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
 Бесчастные! или поистине блаженны,
 Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
 Работы тяжкия, ругательства и мук!

180 Оставив кастиллан невинность так погранну,
 С богатством в отчество спешит по Океану,
 Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
 Но златом волн морских не можно утолить.
 Подобный их сердцам борей, подняв пучину,
 Навел их животу и варварству кончину,
 Погрязли в глубине, с сокровищем своим,
 На пищу преданы чудовищам морским.
 То бури, то враги толь часто их терзали,
 Что редко до берегов желанных достигали.
 190 О коль великой вред! от зла рождалось зло!
 Виной толиких бед бывало ли Стекло?
 Никак! оно везде наш дух увеселяет:
 Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
 Тупеет зрение ослабленных очей.
 Померкшее того не представляет чувство,
 Что кажет в тонкостях натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
 Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
 Тогда противен день, веселие досада!
 200 Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
 Оно способствием искусныя руки
 Подать нам зрение умеет чрез очки!
 Не дар ли мы в Стекле божественный имеем,
 Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
 Что греет, топит, льет и светит огонь возжженный,
 Иные божеску ему давали честь;
 Иные, знать хотя, кто с неба мог принести,
 210 Представили в своем мечтанье Прометея,
 Что, многи на земли художества умея,
 Различные казал искусством чудеса:
 За то Минервою был взят на небеса;
 Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
 Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
 Предерзкого к горе великой приковал
 И сильному орлу на растерзанье дал.
 Он сердце навсегда коварное терзает,
 На коем снова плоть на муку вырастает.
 Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
 220 И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
 О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
 Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
 Пииты украшать хотя свои стихи,
 Описывали казнь за мнимые грехи.
 Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
 И Прометея тем безбедно подражаем.
 Ругаясь подлости нескладных оных врак,
 Небесным без греха огнем курим табак;
 И только лишь о том мы думаем, жалея,
 230 Не свергла ль в пагубу наука Прометея?
 Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
 На знатны вымыслы сложил неправой толк?

Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таких примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
240 И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести;
250 Дерзнувшим научать, что все домашни боги
Терпят великой труд всегдашняя дороги;
Вертится вокруг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
И неподвижная земли богиня Веста
К упокоению сыскать не может места.
Под видом ложным сих почтения богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
260 Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единого творца весь мир сей сотворила;
Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;
Что агнцов и волов жрецы едят напрасно;
Сие одно, сие казалось быть опасно.
Оттоле землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
270 Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В середине всех планет он солнце положил,
Сугубое земли движение открыл.
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет,
Он циклы истинной Системой растерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
280 Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что Бог устроил нам в безмерной глубине.

290 В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит кроме Его такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, Божий некогда описывая град,
Вечерний Августин душою веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей как здесь не отрицал,
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
300 Доказывает то подземной католик,
Кады златой его в костелах новых лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово Божие употреблял напрасно.
310 В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
320 О коль велико их создавше божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы его щедрот достойны зримся,
Тем больше благодати и милости чудимся.
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокою неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны,
330 Поставлены творцем; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оног конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не достигает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
340 Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше нежели в пучине тяжкий кит,

Нас малый червь частей сложением дивит.
 Велик Создатель наш в огромности небесной!
 Велик в строении червей, скудели тесной!
 Стеклом познали мы толики чудеса,
 Чем он наполнил понт, и воздух, и леса.
 Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
 350 Являет трав разбор и знание врачебно;
 Коль много Микроскоп нам тайностей открыл,
 Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? уже в Стекле нам Барометры
 Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
 Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
 Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
 Надежда наша в том обманами не льстится:
 Стекло поможет нам, и дело совершится.
 Открылись точно им движения светил:
 360 Чрез то ж откроется в погодах разность сил.
 Коль могут счастливы селяне быть оттоле,
 Когда не будет зной ни дождь опасен в поле?
 Какой способности ждать должно кораблям,
 Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
 И плавать по морю безбедно и спокойно!
 Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
 На кои целой год едва бы мне достал.
 Затем уже слова похвальны оставляю,
 370 И что об нем писал, то делом начинаю.
 Однако при конце не можно преминуть,
 Чтоб новых мне его чудес не помянуть.

Что может смертным быть ужаснее удара,
 С которым молния из облак блещет яра?
 Услышав в темноте внезапной треск и шум
 И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
 От гневного часа желает где б укрыться;
 Причины оного исследовать страшится.
 Дабы истолковать что молния и гром,
 380 Такие мысли все считает он грехом.
 На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
 Когда грозит отец нам яростью своею.
 Но как он нас казнит, подняв в пучине вал,
 То грех ли то сказать, что ветром он нагнал?
 Когда в Египте хлеб довольный не родился,
 То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
 Подобно надлежит о гrome рассуждать.
 Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
 Держал ученых смысл в смущении толиком,
 390 Что в заблуждении теряли путь великом
 И истинных причин достигнуть не могли,
 Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
 Вертясь, Стекланный шар дает удары с блеском,
 С громовым сходственны сверьканием и треском.
 Дивился сходству ум; но видя малость сил,
 До лета прошлого сомнителен в том был;

Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи;
И больше в том одном рачения имел,
400 Чтоб силою Стекла болезни одолел;
И видел часто в том успехи вожделенны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что зная правила, изысканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.
410 Единство оных сил доказано стократно:
Мы лета ныне ждем приятного обратно.
Тогда о истине Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе.
420 Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златые времена! о кроткие законы!
Народу своему прощает миллионы;
И пользу общую Отечества прозя,
Учению велит расширяться в моря,
Умножив бодрость в нем щедротою своею!
А ты, о Мecenат, предстательством пред нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
430 Тебе похвальны все приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед ней воспоминаешь ты!
Услышанному, быть ее кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животвориться духом!
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в счастии и доброту являет,
Тот счастье себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в тебе и хвалит обое,
И небо чаемых, покажет событие.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
5 Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

5 Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло:
Мои дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

10 Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

15 Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

20 Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

25 От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
30 Велик зиждитель наш господь!

35 Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льет радость твари всей.

40 Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

(1743?)

ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА (1739)
(в сокращении)

...Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать. На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим немного разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *e, o* за короткие, *a, i, v* за общие, и *u, η, ω* с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел...

Сарматски новораствня музы стопу перву,
Тщашуюся Парнас во обитель вечну зяяти,
Христе царю, приими и, благоволив тебе с отцем, и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать односложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют. Например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному короллярию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

и у - и - и - ии - и - и
Не возможно сердцу, ах! не иметь печали.

По моему мнению, наши односложные слова иные всегда долги, как: *бог, храм, свят*; иные кратки, например союзы: *же, да, и*; а иные иногда кратки, ипогда долги, например: *на море, по году, на волю, по горе*.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Добродотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двосложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради инога наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хорей свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радуют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что

сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Детро на сдачу Намура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd' hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.—

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскорячившись, при музыке играющего на скрыпиче сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю *ямбическим*, который из одних только ямбов состоит:

и - и - и - и -
Белеет будто снег лицом.

Второй *анapestическим*, в котором только одни анапесты находятся:

и и - и и - и и - и и -
Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий из *ямбов* и *анapestов смешенным*, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

и - и и - и - и -
Во пищу себе червей хватать.

Четвертый *хорейским*, что одни хорей составляют:

- и - и - и - и -
Свет мой, знаю, что пылает.

- и - и - и - и -
Мне моя не служит доля.

Пятый *дактилическим*, который из единых только дактилец состоит:

- и и - и и - и и - и и - и и
Вьется кругами змия по траве, обновившись в расселине.

Шестой из *хореев* и *дактилей смешенным*, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стопу:

- и и - и - и - и и - и
Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорей можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

и - и - и и и - и
Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорей:

- и и и - и - а
Солнцева сестра забыла.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорей в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимая нужды или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитывать не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимая тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бревна катайте наверх, каменья и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третье: российские стихи красно и свойственно на мужские, женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуда пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу на предкончаемом слоге имеют. В нашем языке столь же довольно на последнем и третьем, коль на предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужские рифмы столь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипоклоняемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею...

* * *

М. В. Ломоносов, **ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (1758)

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия Божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцев канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При сем хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. И так что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католическую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинской. Но как немецкой народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля, *высокой, посредственной и низкой*. Первой составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средней штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные

сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкой штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии, служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки; и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейшее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварской крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургской швабского, хотя все того ж немецкого народа. Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся. Ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, которой весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польской, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует: 1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит. 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога. 3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинской. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется; и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению Отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оногo без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древней язык испанской, галской, британской и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела о обществах, бывали чудные в натуре явления; но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрнда;
Но древность скрыла их от нас,

Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкой голос писателей, проповедающих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склоняясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему Отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Вергилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ее отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечной залог усердия к Отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

* * *

Словарь Академии Российской (1789-1794), **ПРЕДИСЛОВИЕ**

Всякому в летописях искусившемуся довольно известно, что народное просвещение повсюду медленными шествует стопами, если не споспешествуют оному мудрость и попечение самих Государей. Великая наша Самодержца, истинное благо подданных своих назидующая, избрела средство в краткое время распространить просвещение всякому состоянию соответственное, насаждая повсюду училища, ограждая их преимуществами, обеспечивая во всем Монаршими щедротами. От прозорливости ЕЯ не сокрылось, что насаждения сии обильнейшие принесут плоды, когда науки на природном языке юношеству преподаваемы будут: и дабы наивышше в том предупеть, благоволила дать Российскому слову нетокмо отличное свое покровительство учреждением Российской Академии, но и уделяя часы от трудов своих отверзла нам двери к самым сокровенным и первобытным источникам онаго.

Российская Академия, благотворным ЕЯ велением в 21 день Октября 1783 года основанная, тщася явить себя достойного Монаршаго покровительства, и внемля предметам трудов своих, главнейшим себе поставила долгом сочинение Словаря или изъяснения слов, речений, речей и разнаго образа вещаний в языке Славенороссийском употребительных.

Пользу и необходимую нужду такового сочинения доказывать излишно; неоспорима сия истинна всем известна, что без полного собрания слов и речей, и не определя точнаго им знаменования, не можно ни утвердительно сказать в нем состоит обилие, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными в произведениях разума с несомнеиною точностию могущею послужить примером.

Рассеянное обилие языка Славенороссийскаго во множестве разных книг как древних, так и новейших писателей, было главного доселе причиною трудности в прямом нашего языка употреблении. Отсюда введены в него многия речи и расположение оных свойству его противныя; отсюда видим во многих новейших наших писателях и переводчиках слог более свойственный тем языкам, к коим они вящше рачение, нежели к своему собственному прилагали. Но сие самое обилие, в единый состав приведенное, облегчит каждаго труд в познании тоннаго смысла и употребления языка Славенороссийскаго, откроет непосредственно правила к утверждению его нужныя, послужит к приведению в совершенство всех частей наук словесных; ибо не правила язык рождает, но из употребления онаго извлекаются правила.

Славенороссийский язык большею частью состоит из Славенского, или, яснее сказать, основу свою на нем имеет; хотя в прочем великое множество содержит слов собственно Руских, по свойству коих некоторые из Словенского языка поперпнуты иное окончание, иное образование, а другие и новой смысл получили.

Нет сомнения, что Славенский язык к древнейшим и коренным языкам относить должно: сие доказывает ясно особенность и независимость его от всех языков известные, и явные следы оного обретаемые во многих древних языках, от кого нынешние Европейские языки столь много заимствовали; примером сему послужить могут приведенные Кельтския слова* почерпнуты из сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею высочайшия особы.[@] Древность сию изследовать и изыскать в точности предоставляет Академия будущим трудам своим; для настоящего же ея предмета непременно нужно знать, что Славенский язык, от времен просвещения Славян словом Евангельския истинны, совсем иной получил вид и образование. Ибо Греки принесшие к Славенским племенам Христианский закон, тщилися о распространении оного преложеином книг священных и церковных на язык Славенский; они явили неподражаемых творцов во всех родах красноречия, они витийствовали и в творениях церковных. Великие из них Христианския церкви учителя возвышали древнее свое красноречие богословскими учениями и парением усерднаго к Богу пения. От преложения оных на Славенский язык, приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов, и другие красоты языка Греческаго.

Грекороссийская церковь, во всех племенах Славенских единым языком славословия имя Божие главного и истинною доднесь пребыла виною, что мы, преимущественно пред многими Европейскими народами, целость Славенскаго языка неизменно сохранили, и не токмо книги писанныя за многа столетия удобно разумеем, но и друия Славенския наречия, употребляемая во странах иноплеменными языками от нас отделенных, довольно для нас вразумительны.

Язык Российский, имея незаблемым основанием язык Славенский, посредством книг священных и церковных, сохранил тоже преимущество, и народ Российский, не взирая на дальнейе разстояние мест им обитаемых, говорить повсюду вразумительным друг другу языком.

Но сие так же неоспорима есть истинна, что язык Российский более изменился и изменяется пред языком Славенским, что не может показаться удивительным тому, кто представит себе великое пространство Российскаго обладания, соседственных и внутри обитающих разноплеменных народов, от коих вошли многия тех стран названия вещей и произведений, которыя достигли столиц так укоренилися, что незнающим сих языков Российскими быть кажутся. Науки, художества, ремесла, рукоделия, торговля, промыслы, обновлеиное военное и гражданское состояние ввели в язык Российской многия речения, предкам нашим неведомыя.

Таковое состояние языка Славенороссийскаго заставило Академию, при составлении словаря своего, вникать в тот и другой язык с возможною точностию; ибо от соединения их зависит обилие, важность, сила и красота языка ныне употребительного; по чему и открылось ей поле предлежащее к возделанию едва пределы имеющее.

И так во первых надлежало предуготовить вещества нужныя: т. е. собрать всевозможныя слова в употреблении бывшия и ныне находящияся. При малых пособиях, каковыя отыскать можно в печатных и писменных сего рода собранных, Академия для достижения своего намерения почла за лучшее средство дополнить оныя из всех известных книг церковных, и лучших светских сочинений, летописей разных, законодательств как древних, так и новейших, записок путешественников, речениями в Науках, Художествах, ремеслах, и проч. употребительными. [...]

* по Российски - Мать, по Кельтски - Ма; по Руски. - Долина; по Кельтски - Дол. [other examples left out]

@ A reference to Catherine the Great's *Sravnitelnye slovari vsekh iazykov i narechii, sobrannye desnitseiu vsevysochaishei osoby*, volume 1 [ed. P. S. Pallas] (St. Petersburg, 1787). [M.L.]

ДВЕ ЭПИСТОЛЫ

В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве

ЭПИСТОЛА I

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощью слов пространна языка
Всё можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем всё, и чувство и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
10 То, что постигнем мы, друг другу сообщаем
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки;
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия я Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!
20 Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного числа на нем писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ея берет.
Другой, ие выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
30 Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаячи себя, дает писцам в законы.
Хоть знает, что ему во мзду смеется всяк,
Однако он своих не хочет видеть врак.
«Пускай,—он думает,—меня никто не хвалит.
То сердца моего нимало не печалит:
Я сам себя хвалю, на что мне похвала?
40 И знаю то, что я искусен до зела».
Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне, спроси хотя у всех:
Всяк скажет, что тебе пером владети грех.
Но только ли того? Не можно и помыслить,
Чтоб враки мне писцов подробно все исчислить.
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многие писцы о том ие рассуждают,
50 Довольны только тем, что речи составляют.

Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И, разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою.
Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство—чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца вообразалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
60 С отсутствующими обычну речь ведет,
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто не научен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить.
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышнее сложены,
И риторски б красы в них были включены,
70 Которые в простых словах хоть необычны,
Но к важности речей потребны и приличны
Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.
[В том древний Демосфен в пример может быть дан,
Лет средних, Златоуст, последних, Феофан,
Последователь сей пресладка Цицерона,
И красноречия российского корона.
80 Хоть в чистом слоге он и часто погрешал;
Но красноречия премного показал.
Он ритор из числа во всей Европе главных,
Как Мосгейм, Бурдалу, между мужей преславных.]
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
90 И свойственно себе словами украшайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает век;
100 То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Не то,—творцов мне дух яви и силу точно.
Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат,
Но скупно вносим мы в него хороший склад.
Так чтоб незнанием его нам не бесславить,
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.

Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,
 А правильно писать потребно всем уметь.
 Но лзя ли требовать от нас исправна слога?
 110 Затворена к нему в учении дорога.
 Лишь только ты склады немного поучи,
 Изволь писать «Бову», «Петра Златы ключи».
 Подьячий говорит: «Писание тут нежно,
 Ты будешь человек, учися лишь прилежно!»
 И я то думаю, что будешь человек,
 Однако грамоте не станешь знать вовек.
 Хоть лучшим почерком, с подьяческа совета,
 Четыре литеры сплетай ты в слово «лета»
 120 И вычурно писать научишься «конец»,
 Поверь, что никогда не будешь ты писец.
 Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
 Которых тщание искусству ревновало
 И показало им, коль мысль сия дика,
 Что не имеем мы богатства языка.
 Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
 «Когда книг русских нет, за кем идти в степени?»
 Однако больше ты сердися на себя
 Иль на отца, что он не выучил тебя.
 130 А если б юность ты не прожил своевольно,
 Ты б мог в писании искусен быть довольно.
 Трудолюбивая пчела себе берет
 Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
 И, посещающа благоуханну розу,
 Берет в свои соты частицы и с навозу.
 Имеем сверх того духовных много книг;
 Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
 И, бегучи по ней, как в быстром море судно,
 С конца в конец раз сто промчался безрассудно.
 140 Коль «аще», «точию» обычай истребил,
 Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
 А что из старины поныне неотмеино,
 То может быть тобой повсюду положенно.
 Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
 Которы мы с тобой нерусскими зовем.
 Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь
 Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,
 Так что ж осталось бы при русском языке?
 От правды мысль твоя гораздо вдалеке.
 Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно,
 150 А мысли выражать знать надобно, конечно.

ЭПИСТОЛА II

О вы, которые стремитесь на Парнас,
 Нестройного гудка имея грубый глас,
 Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
 Когда музыка вам прямая неизвестна.
 Но в нашем ли одном народе только врут,
 Когда искусства нет или рассудок худ?
 Прадон и Шапелен не тамо ли писали,
 Где в их же времена стихи свои слагали
 Корнелий и Расин, Депро и Молиер,

10 Делафонтен и где им следует Вольтер.
 Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
 Кто грамматических не знает свойств, ни правил
 И, правильно письма не смысла сочинить,
 Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
 Он только лишь слова на рифму прибирает,
 Но соплетенный вздор стихами называет.
 И что он соплетет нескладно без труда,
 Передо всеми то читает без стыда.
 20 [Преславного Демро прекрасная сатира
 Подвигла в Севере разумна Кантемира
 Последовать ему и страсти охуждать;
 Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
 Пермесских голос нимф был век его утеха,
 Стремился на Парнас, но не было успеха.
 Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
 Однако был Пегас всегда под ним ленив.
 Разумный Феофан, которого природа
 Произвела красой словенского народа,
 30 Что в красноречии касалось до него,
 Достойного в стихах не сделал ничего.]
 Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
 Незнающий одной и рифмой утомится.
 Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
 Но чтобы нашею невольницей была.
 Не надобно за ней без памяти гоняться:
 Она должна сама нам в разуме встречаться
 И, кстати приходив, ложиться, где велят.
 Невольные стихи чтеца не веселят.
 А оное не плод единыя охоты,
 40 Но прилежания и тяжкия работы.
 Однако тщетно всё, когда искусства нет,
 Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
 А паче если кто на Геликон дерзает
 Противу сил своих и грамоте не знает.
 Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
 Предивной хитростью до самых до небес.
 Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
 За вишни клюкву ест, рябину виноградом
 И, вкус имея груб, бездельные труды
 50 Пред общество кладет за сладкие плоды.
 Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
 Творцов, которые достойны славы прямо.
 Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит, Ешилл,
 Анакреон, Софокл и Еврипид. Менандр,
 Аристофан и Пиндар восхищенный,
 Овидий сладостный, Вергилий несравненный,
 Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
 Лукреций и Лукан, Тибулл, Пропорций, Галл,
 Мальгерб, Руссо, Кино, французов хор реченный,
 60 Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный,
 Там Тасс и Ариост, там Камоенс и Лоп,
 Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп.
 Последуем таким писателям великим.
 А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким.
 Всё то, что дерзостно невежа сочинит,

Труды его ему преобращает в стыд.
 Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
 Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
 Когда искусства нет или ты не тем рожден,
 70 Нестроен будет глас, и слог твой принужден.
 А если естество тебя тем одарило,
 Старайся, чтоб сей дар искусство украсило.
 Знай в стихотворстве ты различие родов
 И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
 Не раздражая муз худым своим успехом:
 Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
 Пастушка за серебро и золото на лугах
 Имеет весь убор в единых лишь травах.
 80 Луг камней дорогих и перл ей не являет, —
 Она главу и грудь цветами украшает.
 Подобно каковой всегда на ней наряд,
 Таков быть должен весь в стихах пастушьих склад.
 В них гордые слова, сложения высоки
 В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
 Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
 И в паствах не глуши трубой свирелок их.
 Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
 И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
 90 Любовну ль пишешь речь или пастуший спор,
 Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
 Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
 И не был бы, опять, придворным кавалером.
 Впевай в идиллии мне ясны небеса,
 Зеленые луга, кустарники, леса,
 Биющие ключи, источники и рощи,
 Весну, приятный день и тишь темной ночи;
 Дай почувствовать мне пастушью простоту
 И позабыть, стихи читая, суету.
 Плачевной музы глас быстрее проникает,
 100 Когда она в любви власы свои терзает,
 Но весь ее восторг свой нежный склад красит
 Единым только тем, что сердце говорит:
 Любовник в сих стихах стенанье возвещает,
 Когда аврорин исход с любезной быть мешает,
 Или он, воздохнув, часы свои клянет,
 В которые в глазах его Ирисы нет,
 Или жестокости Фелисы вспоминает,
 Или своей драгой свой пламень открывает,
 Или, с нею разлучась, представив те красы,
 110 Со вздохами твердит прешедшие часы.
 Но хладен будет стих и весь твой плач — притворство,
 Когда то говорит едино стихотворство;
 Но жалок будет склад, оставь и не трудись:
 Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись!
 Гремящий в оде звук, как якорь, слух пронзает,
 Хребет Рифейских гор далеко превышает,
 В ней молния делит напополам горизонт,
 То верх высоких гор скрывает бурный понт,
 Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
 120 И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
 Скамандрины берега богов зовут на брань,

Великий Александр кладет на персов дань,
 Великий Петр свой гром с берегов Балтийских мечет,
 Российский меч во всех концах вселенной блещет.
 Творец таких стихов вскидает всюду взгляд,
 Взлетает к небесам, свергается во ад,
 И, мчась в быстроте во все края вселенны,
 Врата и путь везде имеет отворенны.
 Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих крася
 130 И глас эпический до неба вознося,
 Летай во облаках, как в быстром море судно,
 Но, возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно,
 Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум;
 В эпическом стихе порядочен есть шум.
 Глас лирный так, как вихрь, порывами терзает,
 А глас эпический недерзостно взбегает,
 Колеблется не вдруг и ломит так, как ветер,
 Бунтуящ многи дни, восшед из земных недр.
 Сей стих есть полн претворств, в нем добродетель смело
 140 Преходит в божество, приемлет дух и тело.
 Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
 Любовь — то Купидон, Венера — красота.
 Где гром и молния, там ярость возвещает
 Разгневанный Зевес и землю устрашает.
 Когда встает в морях волнение и рев,
 Не ветер то шумит, — Нептун являет гнев.
 И эхо есть не звук, что гласы повторяет, —
 То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
 Эней перенесен на африканский брег,
 150 В страну, в которую имели ветры бег,
 Не приключением, но гневная Юнона
 Стремится погубить остаток Илиона.
 Эол в угодность ей Средземный понт терзал
 И грозные валы до облак воздымал.
 Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры
 И ветрам растворил глубокие пещеры.
 Посем рассмотрим мы свойство и силу драм,
 Как должен представлять творец пороки нам
 И как должна цвести святая добродетель:
 160 Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
 Восходят на театр; творец находит путь
 Смотрителей своих чрез действие ум тронуть.
 Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
 Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
 Не представляй двух действий к смешению мне дум;
 Смотритель к одному свой устремляет ум.
 Ругается, смотря, единого он страстью
 И беспокоит единого напастью:
 Афины и Париж, зря красну царску дочь,
 170 Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
 В стенании своем единогласны были
 И только лишь о ней потоки слезны лили.
 Не тщишь глаза и слух различием прельстить
 И бытие трех лет мне в три часа вместить:
 Старайся мне в игре часы часами мерить,
 Чтоб я, забывшись, возмог тебе поверить,
 Что будто не игра то действие твое,

Но самое тогда случившись бытие.
И не брэнчи в стихах пустыми мне словами,
180 Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой, зря, имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину:
Всмотрясь в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
190 В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любви,
Пред Арисию, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся греки, чтоб сын Андромахин им
По возрасте своем не стал отцом своим.
200 Трепещут имени Гекторова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,
Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огонь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити
И в отрасли весь корнь Приамов истребити;
Пирр хочет спасть его (защита немала!),
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении, низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать три выборе напасти.
210 Богинин сын против всех греков восстает
И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнию похищает,
Возлюбленный ея от яда умирает;
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблудити,
Под защищение статуи прибегает
И образ Августов слезами омывает,
И, после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
220 «Аталья» Франции и Мельпомене слава.
«Меропа» без любви тронула всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ея нашел богатство Геликона.
«Альзира», наконец,—Вольтерова корона.
Каков в трагедии Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех «Федра» и «Меропа»,
Не меньше и творец прославлен «Мизантропа».
Мольеров «Лицемер», я чаю, не падет
230 В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
«Женатый философ», «Тщеславный» воссияли
И честь Дегушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши:

Смешить без разума—дар подлая души.
 Не представляй того, что мне на миг приятно,
 Но чтоб то действие мне долго было внятно.
 Свойство комедии — издевкой править нрав;
 Смешить и пользоваться — прямой ея устав.
 240 Представь бездушного подьячего в приказе,
 Судью, что не поймет, что писано в указе.
 Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
 Что целый мыслит век о красоте волос,
 Который родился, как мнит он, для амуру,
 Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
 Представь латынщика на диспуте его,
 Который не соврет без «ерго» ничего.
 Представь мне гордого, раздута как лягушку,
 Скупого, что готов в удавку за полушку.
 250 Представь картежника, который, снявши крест,
 Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!»
 О таинственный муз! уставов их податель!
 Разборщик стихотворств и тщательный писатель,
 Который Франции муз жертвенник открыл
 И в чистом слоге сам примером ей служил!
 Скажи мне, Боало, свои в сатирах нравы,
 Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!
 В сатирах должны мы пороки оуждать,
 Безумство пышное в смешное превращать,
 Страстям и дуростям, играючи, ругаться,
 260 Чтоб та игра могла на мысли оставаться
 И чтобы в страстные сердца она втекла:
 Сие нам зеркало сто раз нужней стекла.
 Тщеславный лицемер святым себя являет
 И в мысли ближнему погибель соплетает.
 Лстец кажется, что он всея вселенной Друг,
 И отрыгает яд во знак своих услуг.
 Набитый ябедой прехищный душевредник
 Старается, чтоб был у всех людей наследник,
 И, что противу прав, заграбив, получит,
 270 С неправедным судьей на части то делит.
 Богатый бедного невинно угнетает
 И совесть из судей мешками выгоняет,
 Которы, богатясь, страх божий позабыв,
 Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
 Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:
 Наука, честность, ум, по их,—среди богатства.
 Охотник до вестей, коль нечего сказать,
 Бежит с двора на двор и мыслит, что солгать.
 Трус, пьян напившись, возносится отвагой
 280 И за робятами гоняется со шпагой.
 Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
 Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
 Они тогда живут красой своей богаты,
 Когда сочинены остры и узловаты;
 Быть должны коротки, и сила их вся в том,
 Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
 Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
 И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
 Как то де Лафонтен разумно показал

290 И басенным стихом преславлен в свете стал,
 Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
 И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.
 Быть кажется, что стих по воле он вертел,
 И мнится, что, писав, ни разу не вспотел;
 Парнасски девушки пером его водили
 И в простоте речей искусство погрузили.
 Еще есть оклад смешных геройческих поэм,
 И нечто помянуть хочу я и о нем:
 Он в подлу женщину Дидону превращает
 300 Или нам бурлака Энеем представляет,
 Являя рыцарьми буянов, забияк.
 Итак, таких поэм шутливых оклад двояк:
 В одном богатырей ведет отвага в драку,
 Парис Фетидину дал сыну перебяку.
 Гектор не на войну идет — в кулачный бой,
 Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
 Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
 Он из кремня огонь железом высекает,
 Не жителей земных им хочет устрашить,
 310 На что-то хочет он лучинку засветить.
 Стихи, владеючи высокими делами,
 В сем складе пишутся пренизкими словами.
 В другом таких поэм искусному творцу
 Велит перо давать дух рыцарский борцу.
 Поссорился буян,—не подлая то ссора,
 Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
 Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
 А лужа от дождя не лужа — океан.
 Ребенка баба бьет— то гневная Юнона.
 320 Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
 В сем складе надобно, чтоб муза подала
 Высокие слова на низкие дела.
 В эпистолы творцы те речи избирают,
 Какие свойственны тому, что составляют,
 И самая в стихах сих главна красота,
 Чтоб был порядок в них и в слоге чистота.
 Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно,
 Но должно в них играть разумно и проворно.
 В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.
 330 Рондо — безделица, таков же и баллад,
 Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
 Хороши вымыслы и тамо благородны,
 Состав их хитрая в безделках суета:
 Мне стихотворная приятна простота.
 О песнях нечто мне осталось представить,
 Хоть песнописцев тех никак нельзя исправить,
 Которые, что стих, не знают, и хотят
 Нечаянно попасть на сладкий песен лад.
 Нечаянно стихи из разума не льются,
 340 И мысли ясные невежам не даются.
 Коль строки с рифмами — стихами то зовут.
 Стихи по правилам премудрых муз плывут.
 Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
 Витийств не надобно; он сам собой прекрасен;
 Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;

Не он над ним большой—имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера
И в страсти не вопевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет»,
350 Скажи, прощаясь: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут вображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончились приятные минуты.
Прости в последний раз и помни, как любил». Кудряво в горести никто не говорил:
360 Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадет.
Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,
Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? Да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят всё, что в разум ни попало.
370 О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты стерва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно,
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно,
Когда не льстит тебе всегдашний прада шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
380 Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора
И обоняния ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут
И птички сладостно Аврорин всход поют,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой.
Пускай ва верх горы взойдет твоя нога
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
390 Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стнящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
400 Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремещу лиру
И с пышным Пиндаром взлетай до небеси,

Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
 Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
 А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.
 Имея важну мысль, великолепный дух,
 Пронзай воинскою трубой вселенной слух:
 Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут русской славой,
 Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
 410 Чувствительней всего трагедия сердцам,
 И таковым она вручается творцам,
 Которых может мысль входить в чужие страсти
 И сердце чувствовать других беды, напасти.
 Virgiliy брани пел, Овидий воздыхал,
 Гораций громкий глас при лире испускал
 Или, из высоты сходя, страстям ругался,
 В которых римлянин безумно упражнялся,
 Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
 420 Что, сладко пев, они прославились все три.
 Всё хвально: драма ли, эклога или ода—
 Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
 Лишь просвещение писатель дай уму:
 Прекрасный наш язык способен ко всему.

П Р И М Е Ч А Н И Я НА УПОТРЕБЛЕННЫЕ В СИХ ЭПИСТОЛАХ СТИХОТВОРЦЕВ ИМЕНА

А н а к р е о н , греческий лирик. Жил во время Поликрата, мучителя самосского, за 500 лет до рождения Христа, и был современник Киру, Крезу, Солону и Есопу. Писал оды или, лучше сказать, песни любовные и пьянственные, которые высоко поставляются.

А р и с т о ф а н , греческий комик, современник Еврипиду, Демосфену и Сократу. Жил за 437 лет до рождения Христа. Плутарх его Менандру предпочитает. Платон, глава академиков, ученик Сократов и учитель Аристотелей, сочинения его много почитал. Сократу и Еврипиду был Аристофан великий неприятель. Из комедий его осталось одиннадцать.

А р и о с т , феррарец, стихотворец итальянский. Умер июля 13 дня в 1533 году, 69 лет. Сочинил поэму, называемую «Роланд».

[Б у р д а л у , француз, славный проповедник закона своево. Родился в Лионе, 20: дня, Августа, в 1632: году. Умер в парижке 13: мая, в 1704: году, на 72: жизни своей.]

В и р г и л и й , знатнейший римский стихотворец, родом мантуанин. Родился 15 октября, в 684 году от создания города. Был в милости у Августа, любим Меценатом и Поллионом. В «Эклогах» своих подражал он Феокриту, в «Георгиках» Гесиоду, в «Энеидах» Гомеру. «Энеиды», которым весь свет удивляется, приказал он при смерти своей после себя сжечь как труд еще не исправленный; однако, по повелению Августа, два хорошие стихотворцы, друзья Virgiliy, Тукк и Варий, их просмотрели и, ничего от себя не прибавляя, их исправили одним только отсечением того, что им по справедливости не показалось. Все Virgiliy сочинения преславны, а особливо «Энеиды», которые почитаются лучшим на свете стихотворством.

В о л ь т е р , великий стихотворец и преславный французский трагик; лучшие его трагедии суть: «Альзира», «Меропа», «Брут» и «Мариамна». «Генриядя», героическая его поэма, есть некое сокровище стихотворства. Как «Генриядя», так и трагедии его важностью, сладостью, остротой и великолепием наполнены. Склад его летуч, слова избранны, изъяснения проницательны, а всё то купно показывает в нем великого стихотворца.

Г а л л , стихотворец латинский. Был у цесаря Августа в великой милости и сделан от него губернатором Египта; однако за строгость свою и прочие неприятные народу поступки оттуда изгнан и во отчаянии сам себя умертвил, в 728 году города, на 43 века своего. Виргилий и Овидий ему друзья были.

Г и н т е р , немецкий стихотворец последнего времени, которого тщательно составленные и вычищенные им стихи, хотя таковых и гораздо меньше, нежели других, превеликой похвалы достойны.

Г о м е р , славнейший греческий стихотворец, творец «Илиады» и «Одиссеи». Думают, что он жил спустя 302 года после Троянской войны, за 207 лет до рождества Христова. В «Илиаде» воспевает он Ахиллесов гнев, или паче троянскую брань, а в «Одиссее» путешествие Улиссова. Какой он был уроженец, того никто подлинно не ведает — а Геродот называет его эолянином. Семь городов о его урождении спорили. Александр Великий содержал письма его в превеликом почтении. Греки его почти боготворили, и называется он отцом стихотворцев.

Г о р а ц и й , лирик и сатирик римский. Родился в 689 году от создания города. Был у Августа и Мецената в милости. Умер 57 лет. От него имеем мы «Наставление стихотворцам», которому подражал Боало. Оды, сатиры и эпистолы, все его сочинения содержатся в великом почтении.

[Д е м о с ф е н , Преславный афинский ритор. Родился за 379: лет до рождества Христова. Умер за 320: лет.]

Д е п р о – Б о а л о , преславный стихотворец, сатирик французский. Родился в Париже 5 декабря 1636 года. Умер 13 марта в 1711 году на 74 века своего. Сочинения его суть: «Наставление стихотворцам», 12 сатир, 12 эпистол и поэма героическая шуточная. Слава его, к чести французского стихотворства, по всей Европе распростерта.

Д е т у ш , знатный французский комик. Комедии его «Тщеславный» и «Женатый философ» безмерно хороши.

Е в р и п и д , славный греческий трагик, родился в Саламине во 2 году 75 Олимпиады, в 275 году от создания Рима, за 479 лет до рождества Христова. Был современник Софоклу и друг Сократу. Из трагедий его осталось осьмнадцать, которые почти в таком же содержатся почтении, как и Софокловы.

Е ш и л л <Э с х и л л > , греческий трагик и установитель прямыя трагедии, родился в 1 году 60 Олимпиады, за 540 лет до рождества Христова. Умер 65 лет. Из трагедий его поныне семь осталось.

[З л а т о у с т , Патриарх цар-града. Златоустом назван он от красноречия своего. Родился в 354: год по рождестве Христовом, в (Л - - гирлии?).Представился в 407: году сентября 14 дня.]

К а м о е н с , славный стихотворец португальский, или Виргилий тамошний, творец эпической поэмы «Лусияды». Умер в 1579 году, за 50 лет века своего.

[К а н т е м и р , сын волосского господаря, был, как сказывают, человек весьма разумный и притом ученый. Сочинял на русском языке сатиры, в которых он подражал духу Боалову; только, будучи чужестранным, не знал истинной красоты нашего языка. Разум его и в стихотворстве гораздо виден, ежели сочиненные им сатиры стихотворством назвать можно; однако нет в стихах его ни порядочного в речах сопряжения, ни свободных и надлежащих рифм, ни меры стоп, ни пресечения, ни наблюдения грамматических правил, и нет ничего в них, чего красота языка и стихотворство требует, и хотя разумные его мысли и видны, но повсюду нечистым, неправильным, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются.]

К и н о , творец французских опер, стихотворец нежной лиры, уроженец парижский. Родился в 1633 году. Умер в 1688 ноября 26 дня.

К о р н е л и й , нареченный «Великий», преславный трагик французский. Родился в Руане, в 1606 году, июня 6 дня. Умер в 1684 году. Великим назван он не столько от хорошего стихотворства, как от великого духа и высоких мыслей. Лучшие его трагедии суть: «Цинна», «Родогуна», «Гораций», «Цид», «Полиевкт», «Помпей» и «Ираклий».

Л о м о н о с о в , русский стихотворец, хороший лирик. Петербургской Академии наук и исторического собрания член и профессор химии.

Л о п < Л о п е д е В е г а > , славный испанский комик. Умер августа 24 дня в 1635 году на 72 века своего. Был кавалер Малтийского ордена. Сочинил триста комедий.

Л у к а н , латинский стихотворец. Родился в Испании в 39 году от рождества. В Рим привезен он осьми лет. Был у Нерона в великой милости, а потом от славного сего мучителя умерщвлен растворением жил. Сочинил поэму о Фарсальской между Цесарем и Помпеем брани.

Л у к р е ц и й , стихотворец римский. Родился в 657 или в 658 году Рима, сочинил поэму в шести книгах, «О естестве вещей».

М а л г е р б , французский стихотворец, славный лирик. Родился около 1555 году. Умер в Париже в 1628 году.

М е н а н д р , лучший греческий комик. Родился в Афинах в 109 Олимпиаде, ученик Феофрастов. Был в превеликом почтении, и некоторые государи к нему посольства присылали с прошением, чтоб он приехал быть при них; однако он от того отрекся. Был в прочем весьма нежен, а особливо в платье, а притом и влюбчив. Терентий, римский комик, ему подражал и переводил комедии его.

М и л ь т о н , преславный аглинский стихотворец, творец эпической поэмы «Потерянного рая». Родился в Лондоне в 1606 году, умер в 1674 году.

М о л ь е р , преславный французский комик, или паче славнейший изо всех комиков на свете. Родился в Париже в 1620 году, умер на 53 века своего, в 1673 февраля 17 дня. Лучшие его комедии суть: «Мизантроп», «Лицемер», «Школа жен», «Школа мужей», «Ученые женщины» и «Амфитрион».

[М о с г е й м , немчин, знатный проповедник закона своево. Еще жив.]

О в и д и й , знатный римлянин и великий стихотворец. Родился в 711 году от создания города. Был у Августа-цесаря в милости, но после сослан в ссылку, которыхы причины подлинно никто не знает. Некоторые из составлений его пропали, между которыми и последние книги «Фастов» и трагедия «Медея», которую Тацит, Квинтилиан и другие похваляют. Все его сочинения, как «Превращения», «Героиды», «Элегии», так и прочие, содержатся в великом почтении.

П е р с и й , сатирик римский. Жил во время императора Нерона. Умер на 28 году жизни своей.

П и н д а р , греческий стихотворец и глава лириков, родом фебанин. Жил до рождества Христова с лишком за 470 лет. Его составления было много книг, однако остались только оды, которые он сочинил при Олимпийских, Истмисских, Пифисских и Немейских играх. Был в Греции в превеликой чести, и не только он, но и потомки его в почтении содержались. Александр Великий, больше ста лет после смерти сего великого стихотворца, разоряя Фебанский город, дому тому, в котором жил сей стихотворец, не прикоснулся из почтения.

П л а в т , римский комик. Умер в 570 году от создания города. Из комедий его осталось двадцать. Был человек разума острого.

П о п, остроумный аглинский писатель, стихотворец последнего времени.

П р о п е р ц и й, латинский стихотворец. Был любим Мecenатом и Корнелием Галлом. Казнен по повелению Августа отсечением головы за то, что он прилепился к стороне Антониевой. Сочинения его суть стихотворствы любовные.

Р а с и н, великий стихотворец, преславный трагик французский. Родился в 1639 году. Умер в 1699 апреля 22 дня на 59 году жизни своей. Стихотворство его всякую похвалу превосходит. Лучшие его трагедии суть: «Аталия», «Федра», «Ифигения», «Митридат», «Андромаха», «Британик».

[Ф е о ф а н, Архиепископ нова-града, преславный ритор (?) из числа знатнейших (самых лучших) риторов во всей Европе. Некоторые его слова, а особливо из тех которые теперь мне пришли на память: слово о полтавской победе; слово на рождение (цесаревича?) Петра Петровича, на смерть Государя императора Петра Великого и на смерть Государыни императрицы Екатерины Алексеевны, так хороши, что едва может ли больше человеческий разум показать искусства в красноречии.]

[Ц и ц е р о н, Преславный латинский Ритор. Родился в Риме, в 684: году от создания города, января 3: дня. Умер на 64:году века своево; в 43: по рождестве христовым. Почитается единогласно превеликим Ритором.]

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ¹

Анакреон
Ода I²

Мне петь было о Трое,
О Кадме³ мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов
Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон
Ода XXIII⁴

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,

¹ «Российский Парнас», ч.1, СПб., 1771, с.26. Автограф не сохранился. Цикл стихотворений, состоящий из перевода четырех од, приписываемых древнегреческому поэту Анакреонту (IV в. до н.э.), и «ответов» Ломоносова, которые представляют самостоятельные произведения, выражающие его взгляды на задачи поэзии и назначение поэта.

² Ода I. Переведена Ломоносовым еще в студенческие годы как ода «К лире»

³ Кадм — легендарный основатель города Фив.

⁴ Ода XXIII. В греческом подлиннике названа «К сребролюбцу».

Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов
Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоко
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,⁵
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон
Ода XI⁶

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

⁵ Сенека Люций (3 до н.э. – 65 н.э.) — римский философ и писатель, позднейший представитель стоицизма.

⁶ Ода XI. В греческом подлиннике названа «К самому себе».

Ломоносов
Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись,
Катон⁷: «Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,⁸
Можем он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка⁹ славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон
*Ода XXVIII*¹⁰

Мастер в живописстве первой,¹¹
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

⁷ Катон Младший (95-46 до н.э.) — римский политический деятель. Странник аристократической республики. Покончил самоубийством, когда стала неизбежной победа Юлия Цезаря, стремившегося установить императорскую власть.

⁸ Зерном твой отнял дух - По преданию, Анакреонт умер, подавившись сухой виноградиной.

⁹ Упрямка - Ломоносов в письме к Г.Теплову (от 30 января 1761 г.) отмечает как черту своего характера «благородную упрямку и смелость в преодолении всех препятствий к распространению наук в отечестве».

¹⁰ Ода XXVIII. В греческом подлиннике названа «К девушке».

¹¹ Мастер в живописстве первой — Апеллес, древнегреческий живописец IV в. до н.э.

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно.
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов
Ответ

Ты счастлив сею красотой
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Через приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,

И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрячь предписать конец;
О коль изображение сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.¹²

(Между 1756 и 1761)

Источник текста и примечаний: Ломоносов М.В. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.А.Морозова. — М.;Л.: Сов. писатель, 1965. — С.286-291, прим. на С. 542.

А. П. Сумароков

**ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
К ЕЛИСАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХЕРАСЬКОВОЙ**

Прелетите ко Московским
Вы, сии стихи, селеньям,
В дом Хераськова войдите
И предстаньте вы пред очи
5 Стихотворице московской.
Не сердитесь вы, музы,
Что дерзну, стихи слагая,
Подражать Анакреонту,
Сладкому Анакреонту,
10 И писать его словами,
И его писати складом,
И его писати духом,
Грации его учили
Украшаться простотою,
15 О прекрасные богини,
Три прелестные девицы!
И меня вы научите
Простотою украшаться.

¹² И повели войнам престать - Намек на Семилетнюю войну (1756-1763).

20 А московскому Парнасу
Вы Хераськовой устами
От меня скажите это:
Чисти, чисти сколько можно
Ты свое стопосложение,
И грамматики уставы
25 Наблюдай по крайней силе.
Чувствуй точно, мысли ясно,
Пой ты просто и согласно.
Я не критике касаюсь,
Не к тому мои слова,
30 Только то другим вещаю,
Что вещаю я себе.
Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнасу,
В Петровой области Парнас.
А ты, Хераськова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай россам Сафу нову.
Когда воспеть героев,
Когда гласить победы
40 Другому оставляешь,
Поди в луга зелены,
Поди к потокам водным,
Гуляй в приятных рощах
И слушай песни птичек,
45 Когда они аврору
Согласно воспевают.
Воспой весну прекрасну
И сладкую свободу,
Воспой любви заразы,
50 Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила
Свое ты нежно сердце,
55 Свою цветущу младость.
С тою и игры и смехи,
С тобой веселье, радость,
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.

(1762)

Михаил Херасков

К СВОЕЙ ЛИРЕ

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.
5 Что в новом ты уборе,
Того не устыдися;
Ты пой и веселися.
Своею простотою
Ее .утешишь боле,
10 Чем громкими струнами
И пышными словами;

Твои простые чувства,
Бесхитрое пенье
Ее подобно сердцу,
15 Ее подобно духу:
Она мирскую пышность
Великолепной жизни
Конечно ненавидит.
Когда тебя увидит,
20 Тобой довольна 'будет.
А ты, которой ныне
Стихи я посвящаю!
Нестройность их услыша,
За то не рассердися.
25 И сами в песнях музы
Нередко погрешают.
Без рифм стихи слагаю,
Но то их не лишает
Приятности и силы,
30 Коль есть в них справедливость.
Других нет правил в свете
Стихи и лиры строить,
Как только чтоб с забавой
Мешая общу пользу,
35 Петъ внятно и согласно.
Творцом быть славным в свете
Трудов великих стоит;
А пользы в том немного.
Не силюся к вершинам
40 Парнасским я подняться
И там с Гомером строить
Божественную лиру,
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
45 Анакреонта песни,
И простота и сладость,
В восторг меня приводят.
Однако я не льщуся
С ним пением сравняться;
50 Доволен тем единым,
Когда простым я слогом
Могу воспеть на лире;
Когда могу назваться
Его свирелок эхом;
55 Доволен паче буду,
Когда тебе приятно
Мое игранье будет,
Часов, работа праздных,
Часов, часов немногих;
60 Не тщательно старанье
Награду всю получит,
Венец себе и славу,
Когда сии ты песни
Прочтешь, прочтешь и скажешь,
Что ими ты довольна.

СИЛА ЛЮБВИ

Сын цитерския богини,
О Эрот, Эрот прекрасный!
Я твои вспеваю стрелы,
Стрелы, коими пронзаешь
5 Ты сердца и воспаляешь.
Власть твоя на всех простерта:
Ты морями и землею,
Сын Цитеры, обладаешь.
Бесполезно удаляться,
10 Силиться и противляться
Смертным против стрел Эрота;
Что у нас в сердцах врожденно,
Тем владеет он и правит,
И себя Эрот чем славит,
15 Терпим то непринужденно.
Нет таких пустыней диких,
Нет таких лесов дремучих.
Нет жилища, нет пещеры,
Нет щитов, ни обороны,
20 Нет убежища на свете,
Где бы стрел его укрыться.
Крепки стены разрушает,
Тяжки узы разрешает
Сын цитерския богини.
25 Вы, угрюмы философы,
Сколько смертных ни учите
Слабости бежать любовной,
Лишь Эрот вселится в очи,
Иль в уста, в уста прелестны,
30 Или в речи, или в разум,—
Тотчас сердце распалится,
Важность мыслей удалится.
Вы, которые смеетесь
Сердцу, страстью воспаленну,
35 И одну являть суровость
Почитаете за славу!
Вы любви еще не знали,
Или не люди родились.
Ты, о старость хладнокровна!
40 Не ропщи против любви;
Не ее ты покидаешь,
Но оставлена ты ею.
Если б льзя изображаться
На сердцах любовным язвам
45 И студеная кровь ваша
Коль могла бы загореться
От приятностей любовных, —
Вы подобно бы затлелись,
Как во младости горели.
50 Только в сердце, богу верном,
Только в мыслях просвещенных
Он не смеет воцариться;
И, владея всех сердцами,
Сих сердец Эрот боится.

О РАЗУМЕ

На что полезен разум,
Когда всечасно мыслишь,
Какие взять дороги,
Чтоб мне обогатиться,
5 Чтоб жить и веселиться?
Кто малые доходы
От разума имеет,
Великие доходы
С невинных брать умеет
10 И с разумом незрелым
В чину богатых зреет.
На что потребен разум?
Я вижу Полидора
Без хитрого рассудка,
15 Без всякия науки,
А может быть, и мыслей, —
Красавицам он нравен
И между ими славен.
На что потребен разум?
20 Я вижу, что безумных
Разумными считают;
Людей, бесстыдством шумных,
За острых почитают.
На что полезен разум,
25 Когда поклоны низки,
Когда глубоки иски
Людей приводят к счастью?
На что потребен разум? —
Ненадобен, я чаю.
30 Сам делаю вопросы,
Я сам и отвечаю;
И думаю, что разум
На то одно потребен,
Чтоб им могли проникнуть,
35 Кто правил не имеет,
От тех нам удаляться
И, видя их безумство,
Как можно исправляться.
А паче нужен разум,
40 Чтоб людям от скотины
В сей жизни отменяться
И к Богу возвышаться.

ВЕНЕЦ БЕССМЕРТИЯ

- 4 Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне,
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне
- 8 Хариты вкруг его, эроты,
С братиною златою Вакх,
Вафил прекрасный — в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.
- 12 Он дев плясаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,
На взор метал их пламень свой,
- 16 Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.
- 20 Иль, сидя с юным другом, нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.
- 24 Цари к себе его просили,
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть.
- 28 Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, короводу,
С красавицами век провел.
- 32 Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.
- 36 Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так с вами, как певец тииский,
Дерзнул себе искать венка.

Василий Капнист

ОДА НА РАБСТВО

- 10 Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою,
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной;
Отчизны моя любезной ю
Порабощенье воспою.
- 20 А ты, который обладаешь.
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь, —
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь поднимают
Тобою им врученный меч.
- 30 В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный,
В густую рощу уклонюсь,
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являет вид:
Ручей там с ревом гору роет,
Унывно ветр меж сосен воет,
Летя с древ, томно лист шумит.
- 40 Куда ни обращаю зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.
- Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограда
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,

50 Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
60 Чтоб были вы бичами мира ее
И ваших чад могли губить?

Возрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезный свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К униженью осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
70 Потоками льют пот кровавый
И злые смерти жизнь влекут;

Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть бояться
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают,
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их,
От страха казни цепенеют
И мыслию насилию смеют
80 Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев молодых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренней, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
90 К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя,
А ты его обременяешь:

100 Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающуюсь к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей,
Улыбке и слезам не внемлет,
В свирепстве от сосцев отъемлет
Невинный, бедственный свой плод,
В страданьи с ним не сострадает
110 И прежде сиротства отвергает
Его в злосчастье сирот.

Но ты, которая щедроты
Подвластные боготворят,
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят, —
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых, —
120 Так что же? — благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горячей блеска
Мяется трепетна земля, —
Но солнце страх сей отгоняет
130 И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоя лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь,
И, к благу бедствие устроая,
Унылых чад твоих покоя, но
140 На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моя драгой.
Тогда — о лестно упованье! —
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,

150 Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы
160 Твое я имя воспою.

Александр Радищев

ВОЛЬНОСТЬ ОДА

I

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несущу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, —
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачных долияы,
 Среди тягченных жатвой нив,
 Где нежны процвитают крины,
 Средь мирных под сеньми олив,
 Паросска мрамора белее,
 Яснейша дня лучей светлее,
 Стоит прозрачный всюду храм.
 Там жертва лжива не курится,
 Там надпись пламенная зрится:
 «Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
 На твердом камени седяй,
 Безжалостно и хладнонравно,
 Глухое божество судяй.
 Белее снега во хламиде,
 И в неизменном всегда виде,
 Зерцало, меч, весы пред ним.
 Тут истина стрежет десную,
 Тут правосудие ошую, —
 Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вкруг себя,
 Равно на все взирает липы,
 Ни ненавидя, ни любя.
 Он лести чужд, лицеприятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенный тли;
 Родства не знает, ни приязни;
 Равно делит и мзду и казни;
 Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
 Как гядра, сто имея глав,
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав,
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,
 Его отчизна там, — гласит;
 Призраки, тьму повсюду сеет,
 Обманывать п льстить умеет
 И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
 И всюду вея ползкий яд,
 Троякою обнес стеною
 Чувствительность природы чад,

Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий», — царь вещает;
«Обман святой, — мудрец взывает, -
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце осногал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
 Как крови нашей алчный гад,
 Ругаясь всегда бесспорно,
 В веселы дни нам сеет яд.
 Вокруг престола все надменна
 Стоят колена преклоненна.
 Но мститель, трепещи, грядет.
 Он молвит, вольность прорекая, —
 И се молва от край до края,
 Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит;
 В крови мучителя венчанна
 Омыть свой стыд уж всяк спешит.
 Меч остр, я зрю, везде сверкает,
 В различных видах смерть летает,
 Над гордою главой паря.
 Ликуйте, склепаныи народы:
 Се право мщненное природы
 На плаху возвело царя!

15

И нощи се завесу лживой
 Со треском мощно разодрал,
 Кичливой власти и строптивой
 Огромный истукан поправ,
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его как гражданина
 К престолу, где народ воссел.
 «Преступник власти, мною данной!
 Вещай, элодей, мною венчанный,
 Против меня восстать как смел?

16

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцем ей быть чадолюбивым,
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;
 Заслуги честью награждати,
 Устройством зло предупреджати,
 Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
 Устроил пристань в берегах,
 Дабы сокровища торгами
 Текли с избытком в городах;
 Златая жатва чтоб бесслезна
 Была оратаю полезна;

Он мог вещать бы за сохой:
«Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой».

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к Богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести;
Жену, чуждающую чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Ирой!» — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,

Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри, умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспал призрак, и тьму густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святою,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж Бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых, —
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапны вихри восшумели
Преprav спокойство тихих вод, —
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы
Зиждителей, как сам есть Бог!

26

Сломив опор духовной власти
И твердой мщениа рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трегубый затмевая
И жезл священный преломляя,
Проклятий молний угушил;
Смеяся мнимого прощенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша, древню смесь покоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренне стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит:
Возмог, протекши пустотою,
Зиждательной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоря
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Нечуждый вождь брежет свое, —
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,

Раbam так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна
Невинных жертв чтоб размножал,
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, ноля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом отягчают
Все щедры боги в простоте.
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов-что корчит в нагоде.

34

Воззри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груды правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава, —
Награда тут — едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь вдселем хороводом,
Различности надменность сняв,

Се лаки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность,
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой.
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
Миров до края вознесется
И славой новой облечется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изошряя злобу,
Враждебный пламенник трясут,
Кинжал вонзить себе в утробу Н
ароды пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутяся вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд цриккрыт святым.
Разя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се злато; избирай —
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердца пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольтив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август вью их давил;
Прикрыл хоть зверство доброю,
Вождаем мягкой душою, —
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзят;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, валясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенства,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Се вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами

Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем! . .
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувством вешал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг и веток державы
Своей ширить предел, но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое, отечество драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дгале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь,
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает,
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;

Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бrenно,
Сдрогаюсь внутренне, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного ядавят, »
Что чтит слепец своим отцом.

52

Но не присне еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат ааклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вскатясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет,
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл. . . яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
10 Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови—в твоей колыбели, припеванье—громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени создади, впреди их солнце;
20 Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремьясь;
Так и они—се воля господня—исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создал
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
30 Смертный что зиждет, все то рушится, будет все прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения Бога,
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
Скрыту природу сглядев в дальнем таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
40 Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
аже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
долов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
50 Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,

Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
 Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
 Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся;
 И человек претворен в люта тигра еще.
 Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нива
 В мирных долинах, в лугах, мечется в бурной волне.
 60 Зри их сопутников черных!—ужасны, идут—ах! идут, зри
 (Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор!—
 Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
 Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
 Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
 Срини отчаяние! смертный, надейся, Бог жив.
 Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
 Времени держит еще цепь тот всеильной рукой:
 Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
 Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
 Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
 70 После тревог воззовет, смертных достойный...
 Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
 Но уже гонит свет дня ночи угрюмую тьму;
 Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
 Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
 Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
 Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
 Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
 Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
 Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

From: «Девичья Игрушка, Или Сочинения Господина Баркова»

[ПРИНОШЕНИЕ БЕЛИНДЕ]

Цвет в вертограде, всеобщая приятность, несравненная Белинда, тебе, благосклонная красавица, рассудил я принести книгу сию, называемую «Девичья игрушка», ты рядишься, белишься, румянишься, сидишь перед зеркалом с утра до вечера и чешешь себе волосы, ты охотница ездить на балы, на гулянья, на театральные представленья затем, что любишь забавы, но естли забавы увеселяют во обществе, то игрушка может утешить наедине, так, прекрасная Белинда! ты любишь сии увеселения, но любишь для того, что в них или представляется или напоминает или случай неприметный подается к ебле. Словом, ты любишь хуй, а в сей книге ни о чем более не написано, как о пиздах, хуях и еблях. Ежели не достанет тебе людности и в оном настоящего увеселения, то можешь ты сей игрушкой забавляться в уединении.

Ты приняла книгу сию, развернула и, читая первый лист, переменяешь свой вид, сердиться ты вспльчиво, клянeshь мою неблагопристойность и называeshь юношей дерзновенным, но вместе с сим усматриваю я, ты смеeshься внутренне, тебе любо слышать вожделения сердца твоего.

Ты тише час от часу, тише, потом прощаeshь меня в самом деле, оставь, красавица, глупые предрассуждения сии, чтоб не упоминать о хуе, благоприятная природа, снискивающая нам и пользу и утешение, наградила женщин пиздою, а мужчин хуем: так для чего ж, ежели подьячие говорят открыто о взятках, лихоимцы о ростах, пьяницы о попойках, забияки о драках, без чего обойтись можно, не говорить нам о вещах необходимых—«хуе» и «пизде». Лишность целомудрия ввела сию ненужную вежливость, а лицемерие подтвердило оное, что заставляет говорить околично о том, которое все знают и которое у всех есть. Посмотри ты на облеченную в черное вретн-ще весталку, заключившуюся добровольно в темницу, ходящую с каноником и четками, на сего пасмурного пиво-реза с седою бородою, ходящего с жезлом смирения, они имеют вид печальный, оставивши все суеты житейские, они ничего не говорят без четок и ничего невоздержного, но у одной пизда, а у другого хуй, конечно, свербится и беспокоят слишком; не верь ты им, подобное тебе имеют все, следовательно подобные и мысли, камень не положен в них на место сердца, а вода не влиянна на место крови, они готовы искусить твою юность и твое незнание.

Ежели ты добродетельна, чиста и непорочна, то, читая сию книгу, имей понятие о всех пакостях, дабы избегнуть оных: будешь иметь мужа, к которому придет цела, возблагодаришь за целомудрие свое сей книге; любезнее притом вкушаются утехы те, которых долго было предво-ображение, но не получаема приятность. Когда же ты вкусила уже сладость дражайшего увеселения любовной утехы ебли, то читай сию книгу для того, что может быть приятнее нам как напоминание тех действий, которые нас восхищали! Итак, люби сию книгу прекрасную, и естественного стыдиться ничто иное, как пустосвятство-вать.

Но препоручив тебе, несравненная Белинда, книгу сию, препоручаю я в благосклонность твою не себя одного, а многих, ибо не один я автор трудам в ней находящимся и не один также собрал оную. Ежели сии причины довольно сильны суть к изданию «Девичьей игрушки» и к приношению оной тебе, прекрасная Белинда, то не менее и она, что разум и прилежание погребены бы были многих в вечной могиле забвения от времени. Ты будешь оживление их мыслей и твои преемницы, ты рассудительна без глупого постоянства, ты тиха без суеверия, весела без грубости и наглости, а здесь сии пороки осмеяны, а потому, ни превосходя, ни восходя степеней благопристойности, ты будешь разумеешь оную, когда в то ж самое время, не взирая ни на что, козлы с бородами, бараны с рогами, деревянные столбы и смиренные лошади предадут сию ругательству, анафеме и творцов ея.

ОДА ПОБЕДОНОСНОЙ ГРОИНЕ ПИЗДЕ

I

О! общая людей отрада,
Пизда, веселостей всех мать,
Начало жизни и прохлады,
Тебя хочу я прославлять.
Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт,
Усыплю путь везде цветами,
Твою пещеру с волосами
Почту богиней всех красот.

II

Парнасски Музы с Аполлоном,
Подайте мыслям столько сил,
Каким, скажите, петь мне тоном
Прекрасно место женских тел?
Уже мой дух в восторг приходит,
Дела ея на мысль приводит
С приятностью и красотой.
— Скажи,— вещает в изумленьи,—
В каком она была почтеньи,
Когда еще тек век златой?

III

Ея пещера хоть вмещает
Одну зардевшу тела часть,
Но всех сердцами обладает
И всех умы берет во власть.
Куда лишь взор ни обратится,
Треглавный Цербер усмирится,
Оставит храбрость Ахиллес,
Плутон во аде с бороною,
Нептун в пучине с острогою
Не учинят таких чудес.

IV

Юпитер громы оставляет,
Снисходит с неба для нея,
Величество пренебрегает
Приемлет нискость на себя;
Натуры чин преобразует,
В одну две ночи он вмещает,
В Алкменину влюбившись щель.
Из бога став Амфитрионом,
Пред ней приходит в виде новом,
Попасть желая в нижну цель.

V

Плутон, плененный Прозерпиной,
Идет из ада для нея,
Жестокость, лютость со всей силой
Побеждены пиздой ея.
Пленивши Дафна Аполлона,
Низводит вдруг с блестяща трона,
веркнув дырой один лишь раз.
Вся сила тут не помогает,
В врачестве пользы уж не знает,
Возводит к ней плачевный глас.

VI

Представь героев прежних веков,
От коих мир весь трепетал,
Представь тех сильных человек,
Для коих свет обширный мал,—
Одной ей были все подвластны,
Щастливы ею и бесчастны,
Все властию ея одной
На верх Олимпа подымались
И в преисподню низвергались
Ея всеильною рукой.

VII

Где храбрость, силу и геройство
Девал пресильный Геркулес,
Где то осталось благородство,
Которым он достиг небес?
Пока он не видал Амфалы,
Страны от взору трепетали,
Увидя, Тартар весь стенол.
Пизда ея его смутила,
Она оковы наложила,
Невольником Амфалы стал.

VIII

Представь на мысль плачевну Трою,
Красу пергамския страны,
Что опровержена войною
Для Менеласовой жены.
Когда бы не было Елены,
Стояли бы троянски стены

Через многи тысячи веков,
Пизда ея одна прельстила,
Всю Грецию на брань взмутила
Против дарданских берегов.

IX

Престань, мой дух, прошедше время
На мысль смущенну приводить.
Представь, как земнородных племя
Приятностью пизда сладит.
Она печали все прогонит,
Всю скорбь в забвение приводит,
Одно веселье наших дней!
Когда б ее мы не имели,
В несносной скуке бы сидели,
Сей свет постыл бы был без ней.

X

О, сладость, мыслям непонятна,
Хвалы достойная пизда,
риятность чувствам необъятна,
Пребуди со мною навсегда!
Тебя одну я чтити буду
И прославлять хвалами всюду,
Пока мой хуй пребудет бодр,
Всю жизнь мою тебе вручаю,
Пока дыханье не скончаю,
Пока не сниду в смертный одр.

ОДА ХУЮ

I

Восстань, восстань и напрягайся,
Мой хуй, мужайся, стой, красней,
На грозну брань вооружайся
И стену ты пизды пробей.
Пробей и, кровью обагранный,
Явись, сугубо разъяренный,
Удобен к новым чудесам.
Да возгласят хвалы повсюды
Тебе, герой, другие уды,
Воздвигнув плечи к небесам.

II

В источник пиздей окунися,
Но пламень свой не угуши,
В крови победы омочися
И плешью, хуй, стихи пиши.
Хвали себя, колико можно,
Чтоб быть хвалену, хвастать должно:
Дар гибнет там, где славы нет.
Хотя ты грановит и ярък,
Хоть толст, красен, ретив и жарок,

Не скажешь — не узнает свет.

III

Се уж: таинственную силой
Тебя колеблет ратный жар,
Восстал герой, влекомый жилой,
Восстал, готов свершить удар.
О, витязь! красный и любезный!
Героев больше всех полезный!
Без брони и без всяких збруй,
Тобой природа вся живится,
Тобой все тешится, родится,
Тобой, всех благ источник—хуй!

IV

О! дар, из всех даров дражайший!
Ты, хуй, всего нужнее нам,
Для нас ты к счастью путь сладчайший,
Орудие утех пиздам.
И радость только там родится,
Где хуй стоит, где он ярится,
Геенна там, где хуя нет.
Когда б Судьба ты не создала,
Природа б целою страдала,
И пребыл бы кастратом свет.

V

Ты всех и вся равно прельщаешь,
Когда ты крепко лишь стоишь,
Равно в треухе утешаешь,
Как и под чепчиком манишь.
Коль девушка когда стенает—
О чем? — Тебя она желает,
Ценою крови хуй купить.
О чем же там вдова крушится?
Что не с кем ей повеселиться
И некому вдове забить.

VI

Молодка, облившись слезами,
Рыдает, проклиная щель,
Царапает пизду руками,
Коль отлучен от ней кобель.
Молодушка о том крушится,
Что больше не стоит, валится
Хозяинов буйной кутак.
Весь свет тебя, хуй, прославляет,
Хоть именем не называет,
Но делом хую служит всяк.

VII

Гомер на лире велегласной
Не гнев Ахилла воспевал
Тебя он пел, о! Хуй прекрасный!
Хоть хуем он не называл.
Коль Бризеида бы смяхчила

Елдак Ахиллов, что вздрочила,
То не сердился б воин сей.
И в славу б те еще ебали
Цари, кой, како прах, пропали,
Сраженны плешью, хуй, твоей!

VIII

Когда пизды Ахилл лишился,
Он хуем плоски разбивал,
Но, чтоб он в гневе усмирится,
Патрокл ему в задок давал.
Потом, когда сего убили,
Тогда-то хуя рассердили;
Он взял копье и шел на брань.
Разил, губил всех без пощады,
Приамовы тут пали чады,
Почувствуя елды сей длань.

IX

Дидона, против всех воюя,
Могла ли ратися с тобой?
На вертеле троянска хуя
Сама исжарилась с пиздой.
А та не хуем ли сраженна,
Пизда, в звезде что обращенна,
Когда уже пропал в ней смак?
Дианна, хуй не знав, гордилась,
Сама увидевши, взвалилась
К Андиомону на кутак.

X

Колико крат ни унижался Юпитер,
позабыв себя, В быка и гуся обращался,
Чтоб только усмирить тебя.
Венера целый век прельщала,
Однако -же не устояла
Против кривого мужика,
Красы всю хитрость истощила
На то, чтоб наконецхватила
Кузнечна жарка елдака.

XI

Живи, о хуй! и утешайся
Бессмертной славой сих побед,
Еби и ввеки не прельщайся
На гибельный премудрых след.
Они природу посрамляют
И бедные пизды не знают,
Пизды, чего приятней нет!
Когда б одни лишь мудры жили,
Они б в пять лет опустошили
Сей людный и прекрасный свет.

XII

О вы, парнасские питомцы!
Составьте велегласный хор,

Писатели и стихотворцы
И весь чистейших сестр собор,
Согласно хуя прославляйте,
Из рода в род стоять желайте,
Да он вдохнет вам жар, как петь!
А я вам подражать не буду
И то вовеки не забуду,
Что хуй нам дан на то, чтоб еть.

В. К. Третьяковскии, из книги «Тилемахида» (1766)

[Из книги четвертой]

Прежде еще, неж-они сомгнули спанием очи,
Ментор так говорил тогда един Тилемаху:
Чванство, сказать о-себе, тебя изострило премного;
Ты усладил Богиню твоих рассказанием оной
Бедствий, бодрость из-коих тебя извлекли и-доушество.
Сим ты больше еще вспламенил-в-ней горящее сердце,
И себе самому напастнейший плен уготовил.
Как ты чаешь теперь, что-тебя она-уж отпустит,
Толь усладивша ея твоих приключений словами?
Тщетная слава тебе дала говорить безрасудно.
Та когда начала сама рассказывать Повесть,
Уведомляя тебя о-приключшемся всем Одиссею,
Способ долгий нашла вещать ничего не-вещавши;
Но тебя проклонила сказать ей все-то желала:
Хитрость толика-то жен прельстивых и любострастных! ...
(98-99)

Как в том Ментор, услышав глас Богини Каллпсы,
Звавшия в Рошу Нумф своих, разбудил Тилемаха.
Время, ему говорил, одолеть сон, встать-от-Ложя:
Час к ней-пойти; но сладких ея речей опасайся.
Не отвержай никогда твоего ей сердца ко-входу;
Бойся льстиваго яда Похвал от-нея приносимых:
Та вчера вознесла тебя над-Родителя мудра;
Та предпочла тебяж Ахиллею непобедиму,
И Оусиёю,⁺ притом Ираклиёю[°] ставшу безсмертну.
Мог-ли полувствовать ты, коль хвала сия пребезмерна?
Мог-ли поверить всему, что-она тебе говорила?
Знай, что-тому она и-сама не верит конелно.
Хвалит тебя для-того, что быть помышляет преслаба,
И тщеславна толь, что-попустишь себе обмануться
Всеми хвалами, твоим огнюдь не-сразмерными действиям.
(101)

⁺ Тезей.

[°] Геркулес.

[Из книги седмой]

Долг провожать дни-свои́ стал ей,^о то лъстя Тилемаха,
То стараясь отторгнуть его от Ментора вoвся,
Коего паки повесть на-слова́ не-имела надежды.
Всех из-своих красотвейших Нумф она́ подушала,
Жар любви возбудить во-младом Тилемаховом сердце:
Да и-одна́, многомогней ея, Божественность спешно
В по́мощь к ней прибыла, чтоб-она преуспела в начатом. ...
(183)

Ментор ему говорил: о мой Тилемах малолетний!
Острова Купра напасти ничто в сравнении с сими,
Ты от-ко́рых теперь отнюдь поасаться не хочешь.
Мерзок грубый порок; безстыдство Скостско досадно:
Но Красота умильна есть пагубней Дерзких.
Мнитя, любя сию, что любишь ты Добродетель;
А нечувствительно в прелести Страсти сам углѣбаешь.*
Кою тогда ощутишь, как-гасить уж оную поз(д)но.
О! беги, Тилемах, от Нумф, беги мой Любѣзный:
Так убегай от бедств твоему малолетству грозящих! ...
(187-88)

Ментор вещал на-сие: вот действо страсти слепья!
Ищутся тонко все подтверждения оной поборны,
А от всех отвращение, кои ея осуждают:
Всяк искусен себя обмануть, заглушить-же и-Совесть. [...]
Подлый Сын, Отца толь му́дра и-толь веледушна,
В неге останься здесь посредине Женщин бесчестно:
Делай в противность Богам, что почел недостойным родитель.
(189)

Слабости кто своя не чувствовал, также и-наглых
Неких в себе страстей; еще тот не умудрился:
Ибо не-знает себя, и-не-верит себе не-умеет.
Богу вели тебя до жерла самая бездны,
Чтоб тебе показать глубину ея преужасну,
Токмож не-дать тебе стремглав незвергнуться в ону.
Сам понимай теперь, чегоб в том никогда-ты не-понял,
Еслиб самую вещь ты в том не искусился.
Тщетноб тебе говорить о-любви предательствах злобных,
Льстит которая да погубит, и-под сладостями кроет
Острые и нестерпимые горести лютото́го яда.
Отрок-тог⁺ прибыл исполнен всех Благолепностей светлых,
В смехе, в забавах, в играх, и во-всяких приятностях нежных.
Видел ты-сам его; он-твое похитил и-сердце;
Тыж был рад, твоему чтоб сердцу быть похищенну.
Ты подлогов искал, чтоб-сердечны язвы не-ведать:
Ты искал себя обмануть, и-себяж самого льстить,
Тем что ты отнюдь себе ничего не-боялся.

^о Калупсы (примечание М.Л.)

* Вязнешь.

⁺ Купидон-Ерот, «Божич Любви» (примечание М.Л.)

Виждь – же теперь ты плод твоея продерзости странны:
Просишь смерть себе, и-едина есть-та надежда.
Вся смущенна Богиня подобится Ярости адской;

Жаром горит Евхарита[%] лютейшим смерти болезни;
В ревости Нумфы все, меж-собою готовы терзаться.
Вот-же что-делает Божич Любви, Предатель умильный!
Ты соберись теперь с природною бодорстью всею.
Зриж притом, колико тебе приятствуют Боги,
Тем-что тебе пролагают толь пространну дорогу,
Да убежишь от-Любви, а-увидишь любезну Отчизну?
Вот Калупса сама тебя отогнать принужденна:
Есть Ладия к отплытию, есть со всем-уж готова,
Чтож мы медлим толь оставить сей-остров Калупсин,
Где никогда обитать Добродетель не-может преславна?
(207-8)

Коль-же-мне жалок ты! Ему ответствовал Ментор.
Страсть в тебе велика толь, что-не-чувствуешь страсти.
Мнишь себя спокойна быть, а смерти желаешь.
Смеешь ты говорить, что-Любовь тобой не-владеет;
Толькож не-можешь отторгнуться тыж от Нумфы любимы.
Видишь только ея, и-ея единую слышишь:
Стал и слеп, и глух на все другое конечно.
[...] Так беги, Тилемах, беги, беги: не-возможно
Инак Любви победить, как-единым от-онья бегством.
(209-10)

Источник текста: В. К. Третьяковский, Сочинения (С. Петербург, Изд.
А. Смирдина, 1849, т. 2). Edited by M. Levitt.

Е.С. Урсова, **ПОЛИОН, ИЛИ ПРОСВЕТИВШИЙСЯ НЕЛЮДИМ. ПОЭМА**

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою суровый нрав, учений суету,
Любови торжество, волшебну красоту.
Поведай Муза мне, в какое заблужденье,
Науки ложные ввергают рассужденье;
Они, сияние суля и свет уму, 5
Стезями трудными влекут его во тьму.
Однако нас любовь нередко просвещает
И наши грубости смягчит и укрощает.
Любовь! Хотя и строг, приятен твой закон, 10
Тобою стал учен и счастлив Полион.
В цветущей младости довольствуясь богатством,
Природной красотой и юности приятством,
От света удален, он мысли возмутил:
Учению грубому свой разум посвятил.
Зеленых ветв древес, когда она возрастает, 15
Незрелых наших лет весну изображает,
Не может никогда недвижимо стоять,
И тихий ветер ее удобен колебать;

[%] Нимф, которая полюбила Тилемаха (М.Л.)

В которую страну зефир в листы ни веет, Туда младая ветвь склонение имеет;	20
Подобно разум наш в начале наших лет Склоняется, куда пример ни повлечет; Несправедливости бывает он покорен, И видя роскоши, противу их беспорен:	25
Приемлет ложные за правильны пути, Которыми нельзя спокойствия найти. Таков был Полион, вступающий в ученье, Он чаял приобрести прямое просвещение, Рассудка своего еще не обуздав,	30
Вручил во власть другим и разум свой, и нрав; Но молодость его примеры помрачили И к общему вреду свирепствам научили. Тот храм, * в котором он к наукам приступал, Среди густых лесов под тенью гор стоял;	35
Не открывалось там в полудни небо ясно, Живущих разуму казалось все согласно; Там слышен был всегда бурливых ветров бег; Туман кругом лежал; не таял вечно снег; К Премудрости идут кривыми там стезями, И света ищут здесь с закрытыми глазами.	40
Там кажется вдали разрушенный алтарь, На нем потупя взор сидит науки царь, Науки ложныя, что разум затмевает И вместо света тьму ночную открывает.	45
Пред оным алтарем ужасный зрится вид! С кинжалом лютое Отмщение стоит, Одежду кровию имея обгадренну, Слагает клеветы на Истину почтенну;	50
Там Суеверия ужасный слышен глас, К мучительству оно готово каждый час. Там споры, дышущи огнем, вокруг летают, Вражда и Ненависть меж имй обитают. Они сражаются ночь, день и все часы, Держа в свирепости друг друга за власы.	55
Там зависть палицей стоит вооруженна, К погибели людей охотою разженна, Достоинства она и гонит, и страшит, Ей Наглость подает и копие, и щит. Там Рабство низкое приемлет виды Чести. Сей темный храм стрегут Притворство, Хитрость, Лести; Обман старается их силы подкреплять, И Правда к алтарю не смеет приступать.	65
Там Гордость дерзкую свою главу подъемлет, Рассудку здравому, гнушаяся, не внемлет, Златой прея алтарем порфирой облеклась И с ложной славою союзом сопряглась.	70
Тщеславие свой взор свирепый всюду мечет, Пред ним Незлобив бледнеет и трепещет, Имея смутный взор, растрепанны власы, Под рубищем его затмилися красы. Бесстыдство Истину ногами попирает,	

* Под сим храмом и описанными здесь его принадлежностями, изображается грубое и неблагоприятное воспитание.

Ее стенания и слезы презирает:
 Спокойствия для ней во храме тамо нет,
 И тщетно помощи она от неба ждет; 75
 Закрыты к небесам прямые там дороги,
 Достигнуть чают их стоящи астрологи,
 Которы познавать хотят великий свет,
 Счисляя взорами течение планет.
 Но только лишь они свой взор туда возводят,
 Сгустившись облака на их главы нисходят, 80
 Скрывая бег светил, являя мрак очам,
 И путь затворится ко светлым небесам.
 Природа прелести от них всегда скрывает,
 Чем ищет тварей всех она одушевляет,
 Старается от них всечасно удалять. 85
 Там Флоры красоты казались умерщвленны,
 И тернием поля и рощи заглушенны.
 Зефир в кустарниках резвяся не летал,
 Лилей и розы он в лугах не целовал.
 Помона своего там царства не имела, 90
 И вся земля вокруг под камнями хладела.
 Дремучие леса и горы видны там;
 Подобно было все ученью и ночам,
 Не ведали они сей прелести для взора,
 Когда багряная является Аврора 95
 И предвещает нам ближайший солнца свет,
 Прогнав ночную тень, к трудам людей зовет.
 Когда исчезнет тьма, природа оживится,
 И тонкий луч земле на небесах явится;
 За оным следует вся природы царь, 100
 Латонин светлый сын прельщать земную тварь.
 Сие светило дня, что землю озаряет,
 И с высоты небес на шар земной взирает,
 Премудрость мы Творца в котором познаем,
 Могущество его, как будто в книге чтем. 105
 Прекрасно Солнце их жилищ не освещало
 Или свое лицо от оных отвращало,
 Прозрачный луч его не проникал в леса,
 И вечно меркнули над ними небеса.
 Там прелести всяя природы исчезали, 110
 Весенни красоты являться не дерзали.
 Невнятен был для них приятный птичек глас,
 Который восхищать всегда удобен нас,
 И нежных горлиц там вздыхание невнятно;
 Журчание воды казалось неприятно. 115
 Повсюду мрак лежал, и грубый нрав людей
 Скрывал все нежности природы от очей.
 Там дикий крик совы повсюду раздавался,
 Там вран под ветвями дубовыми скрывался;
 Не слышно пения там было соловьев, 120
 Лишь только шум деревьев и дикий зверский рев.
 Такие ужасы входящему встречались,
 И темные умы лишь больше помрачались;
 Их толки и слова являлись как луна,
 Котора то светила, то мрачных мест полна, 125
 То бледное лицо в земной тени скрывает,
 То прибавляется, то вдруг и убывает.

Там виды все не те: там груб и лих зефир,
 Там спящим кажется божественный Омир,
 За баснословие стихи его приемлют, 130
 Ни важности его, ни истине не внемлют,
 Не внятны для них он песни воспевал,
 Что в буйности богов на брани убивал.
 Он лирой возглашал паденье славной Трои,
 Бессмертны стали им ахейские герои; 135
 Но песни таковы они за басни чли,
 Когда их таинства проникнуть не могли:
 Казалось таковым чтецам темнее ада
 Светило разумов, преславна Илиада.
 В познание древности они утех не зрят: 140
 Им скучны кажутся Платон и сам Сократ,
 И сладкий Цицерон лишался там приятства,
 И мыслей в Пиндаре не виделось богатства;
 Все то, что с нежностью певал Анакреон,
 С которым, кажется, резвился Купидон, 145
 Все то считали там безделкой пустословы;
 Казались Грации и дики, и суровы,
 И стихотворная игра и простота
 Казалась для них едина суета.
 Как будто нудящи сердца ко брани трубы, 150
 В руках у них стихи и лиры стали грубы.
 Виргилий красоты ни малой не имел;
 Без нежности у них Овидий пел;
 Все то, что разумы прямые озаряло,
 То свет и красоту у них в руках теряло. 155
 Там добродетели, по грубым их словам,
 Как будто бы в тени являлися очам,
 И так преобразать, толкуя их, умели,
 Что прелестей они природных не имели;
 Не оживляемы приличной красотой, 160
 Являлися оки, как огонь сквозь лес густой
 Иль виды, кистию на доске изображенны,
 Которые еще совсем не оживленны.
 Убранство странное приписывалось им,
 И крылась нагота красавиц сих под ним. 165
 Щедрота грубого и пасмурной являлась,
 Роптала против тех, к кому она склонялась.
 Там Дружба шла всегда за прибылью вослед
 И роскоши слыла царицей и бесед;
 Не пользуя сердец, сердца она вредила: 170
 Во прениях свои утечи находила.
 Любовь тяжелые носила узы там,
 И страшного она являлася сердцам;
 Не розовый венец носила, но терновый,
 И взор был у Любви не нежный, но суровый; 175
 На прелести очей не знала обращать,
 Стараясь не сердца, но злато похищать.
 Геройство счастья единого искало,
 И жалость позабыв, убийствами алкало,
 Кровавый на главе его венец лежал, 180
 И чувства зверские души изображал.
 Все то, что нашего источник есть блаженства,
 Касалось грубого пороков совершенства.

Воспитан тако был несчастный Полион:
 Не свет, единый мрак встречал повсюду он, 185
 Который повергал его младые лета
 В непостижимости о всем строеньи света
 И мысли ложные о мире подавал,
 Сулил везде обман, а правду затмевал.
 Где правят ум один, но сердце забывают, 190
 Там добродетели от наших глаз скрывают;
 Приемлем Истина там виды все не те,
 И все основано на лживой суете.
 Когда премудрости кто в храм войти желает,
 Пусть сердце наперед, не разум исправляет; 195
 Однако Полион, хоть честным был рожден,
 Не сей дорогой был к премудрости веден;
 Он разум почерпал не в пользу, но в отраву,
 Дающий грубый вид и чувствам, и нраву;
 То будто агница взросло между волков, 200
 И сделали у ней примеры нрав суров.
 Конечно, нежный Муз, где пению не внемлют,
 Там часто мрак ночной за дневный свет приемлют.
 Такого ношью науки омрачен,
 И мысля, что уже довольно он учен, 205
 Пещеры Полион и споры оставляет,
 Имея ложный ум, во свет себя являет.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Как будто окружен ночью темнотою,
 Мятеся человек в одре своем мечтой:
 Кипяще море зрит, громовы пораженья
 И в память врежутся ужасны воображенья; 5
 Но утро, разогнав с небес ночную тень,
 Являет пасмурный и самый бурный день
 И спящему велит ко страху возбудиться;
 Тогда смущенна мысль и паче возмутится.
 Подобно Полион был духом возмущен,
 Когда в мятежный свет из мрака был впущен. 10
 Опасные мечты его отягощали,
 К которым мысль его и сердце обращали;
 Привычку такову с собою он повлек,
 И странный сделался на свете человек.
 Сильнее мысль его и сердце возмутилось, 15
 Как море жития очам его открылось:
 Привыкший к грубостям и беспокойствам нрав
 Не чувствовал мирских веселий и забав;
 Завеса на очах его еще лежала,
 Котора свет прея ним во мрак преображала, 20
 И видит он, мирских обрядов не любя,
 Как будто пропасти отверсты округ себя.
 Приветства общие и ласки ненавидит;
 Везде злодейства он, везде безумства видит.
 Он дружбе затворил в свое жилище дверь; 25
 Считает всех зверьми сей дикий нравом зверь.
 Противны пиршества, забавы там не нравны,
 Людские все дела позорны и бесславны;
 Так было сердце в нем совсем повреждено,

Котора к нежности и к славе рождено.	30
О! Ты, которая все в мире оживляешь И счастье людей прямое составляешь, Тому причина ты, Любовь, что здесь весной Лист кроет дерева, и травка вид земной, Тобой цветы растут и виноградны лозы,	35
Родятся лилии, рождаются красны розы; Тобою всех вещей содержится союз; О! Ты, небесный огонь! Душа прекрасных Муз! Все в мире сем течет и строится тобою:	40
Ты правишь общего творений всех судьбою; И если я поднесь не ведаю тебя, Причину знаешь ты, спроси о том себя; Однако твоему я не смеюсь закону, Хотя казалась ты смешного Полиону.	45
С презреньем он взирал на светлый твой престол, Невольницами чтит прекрасный женский пол; Не зная в прелестях ни вкуса, ни приятства, Союзы почитал посредствами богатства; Стенанье нежное и сладости любви Считал заразою и в сердце, и в крови;	50
Презренной слабостью любовны чувства ставил, И страсть взаимную лишал он честных правил. Владея будто бы рабом несчастным сим, Ученье прежнее повсюду ходит с ним, И руку наложу на затворенны очи,	55
Не хочет выпускать его из темной ночи, Устам и языку свободы не дает, Велит язвить людей, велит порочить свет; Спокойства не дает ни на минуту духу; Ни слушать слов ничьих не позволяет слуху;	60
Как камень, на уме его лежит оно, И кажется ему все грубо и темно. Отцы и матери! Старание имейте! И в мыслях у детей семян таких не сейте, Семян, которые рассудки бременят,	65
Преображая сердцам в жестокий яд. Наставники! Младых людей не жесточите, Не ненавидеть свет, любите свет учите; И Полионов вы не множьте между нас.	70
О! Грубость, здравый ум тобою в нем погас, Ты в мире все ему наоборот являло И пользу иногда неполезой представляло: Утехи жизненной прелестные цветы, Казались ему лишены красоты;	75
Приемлем он умов веселость и свободу Источником бесчинств, смущающих природу. В суровости, чем он все мысли напитал, Не добродетелью он жалость почитал; И слезы, нежных чувств живое показанье, Природных слабостей считает за терзанье.	80
В такой-то странствуя повсеминутно тьме И ложны правила имея во уме, Мечтанья темные имея пред очами И слух, наполненный суровыми речами, Не мог приятности он чувствовать бесед.	85

Печальным кажется ему и скучным свет:
 В превратном зеркале вселенну представляет,
 Где каждый человек друг друга отравляет;
 Где лесь является всемирного душой,
 Ни славы нет нигде, ни дружества без ней; 90
 Ко храму видится сего земного бога
 Лежащая к чинам и к счастью дорога,
 Она затмение достоинств и умов,
 Что любит всяк ее, кто б ни был он таков;
 Что прелести сея красавицы опасной 95
 Причина горести и гибели всечасной.
 Он видит целый свет и видит разум в нем,
 Который для него казался слеп и нем;
 Что будто он идти за истиной не смеет
 И перед сильными невежами робеет, 100
 Что добродетели теряют райский цвет,
 Приемлем будто бы за них пороки свет,
 И правосудие, в ногах у них лежаще,
 Является ему и дремлюще, и спяще.
 Обманывался он; то истина, что честь 105
 Сражают иногда обманы, гордость, лесь,
 Но чистые умы насилие их видят,
 Плененны правдою, злодейства ненавидят.
 Однако слабости встречая, Полион
 Считает царством зла жилище в свете он. 110
 Заразы ль и красы любовник исчисляет,
 Или любезную он в песнях выхваляет;
 Друг друга хвалят ли за искренность друзья,
 Ни малых слабостей сердечных не тая;
 Поются ль чьи-нибудь Отечеству заслуги, 115
 Все льстят, он говорил; любовники и друга,
 Везде обман! В таких он мыслях утопал
 И в беспокойстве самоизвольно впал;
 Сокрылась от него к веселию дорога,
 А худо знав людей, он худо знал и Бога. 120
 Нигде не находил спокойства, ни добра
 И рек: „Все пленники и счастья, и сребра;
 Двух идолов таких все люди почитают,
 Не к добродетелям, но к ним сердцами тают,
 И чтобы ближе к сей святыне приступить, 125
 Не ужасаются друг друга крови пить;
 А счастье на цветах, сомкнув глаза, лежаще
 И руку со одра спущенную держаще,
 Не разбирая их, людей к себе влечет;
 В объятия, кто сей богини притечет, 130
 Того развратный свет превыше неба взводит
 И добродетели, и разум в том находит".
 Коль счастье людей не хочет разбирать,
 А свет на качества душевные взирать,
 Так хочет Полион ум собственный исправить, 135
 И, не любя людей, навеки их оставить.
 Но сколько ни был он дик нравом и свиреп,
 Для качества других не вовсе был он слеп;
 В другом достоинства отменные увидел;
 Он меньше всех его из смертных ненавидел: 140
 То младостию быш цветущий человек,

Который провождал с приятностью свой век
 И ведал то, что мы для общества рождены
 И людям слабости дозволить принужденны;
 Что мы обязаны, чтоб лучшу жизнь иметь, 145
 И худо иногда спокойно в ней терпеть;
 Такой урок ему был собственно полезен,
 И был он в обществе всем нравен и любезен.
 Сей друга дикого хотел увещевать
 И света стал ему картину открывать; 150
 Смотри, он говорил, сии изображенья,
 Хотя уже в них нет натуре подраженья;
 Но должно для того почтенье к ним хранить,
 Что начертаний сих не можно пренести.
 Здесь видишь градские воздвигнутые стены, 155
 Препона то зверей, соседние измены;
 И удержание граждан во тишине;
 Спокойство в мирны дни, защита при войне;
 Когда усилились в сердцах людских пороки,
 То нужны сделались и стены им высоки; 160
 Со безопасностью они хранятся в них,
 Извне оружие стрежет от бедства их.
 Ты видишь игры здесь, ты видишь здесь забавы,
 Утехи разные имеют разны нравы:
 Там в поле видишь ты зверей, гонящих псов; 165
 Там глас охотников ты слышишь средь лесов;
 Там, уду опустя, пронзают токи водны;
 Там пляски, песни там, там зрелища народны;
 Огромны зданья; убоги шалаши;
 Пример мятежныя и тихия души! 170
 Там видишь хоровод между снопов шумящих;
 Там слышишь в торжестве орудий звук гремящих;
 Там юность скачушу ты видишь во цветах;
 Внимаешь пение любви о красотах;
 Веселости сии и сносны, и безбедны, 175
 Коль обществу они и ближнему невредны.
 Для охранения тел наших наконец
 Мы стены делаем; законы для сердец!
 Но люди не на то стенами разделились,
 Чтоб, в оных живучи, ничем не веселились; 180
 Позволили они, сообщество любя,
 Беседы, и пиры, и игры для себя;
 А зная, что слабости сердца у всех смущают,
 С охотою они друг другу их прощают;
 И только страшны им пороки таковы, 185
 Которы рвут людей и мучат будто львы;
 Кто счастья здесь не зрит, тот всех из нас беднее,
 И кто порочит, всех вреднее.
 Не будь между людьми ты зверем, Полион!
 Он слушал слов таких: и зверем стал бы он, 190
 Противу обществу сильней вооружился
 И с другом за совет навеки раздружился.
 Наскучил Полион, развратный видя свет,
 Правительством его мучителей зовет,
 Где злоба истину и разум умерщвляет, 195
 Где все нарушено, и тако размышляет:
 Могу ль приобрести блаженство в жизни сей,

Во свете, где порок сильнее всех царей,
 Где ложь в почтении, а правда страх наводит,
 И любящих ее в презрение приводит; 200
 Где все обманчиво, и дружба, и любовь,
 Прибытку одному приносят в жертву кровь;
 Где добродетели уставы истребленны,
 И люди счастьем и златом ослепленны,
 Где честности закон в том только состоит, 205
 Что в собственном добре блаженство каждый чтит;
 Людские где умы коварствами блистают
 И вредны замыслы премудростью считают;
 Где сердце никогда той правды не хранит,
 Которую язык искусно говорит; 210
 Где гордая душа, надменная и злобна,
 Почтение к себе приобрести удобна;
 Где лесь убежище и храм себе нашла;
 Где роскошь вредная все меры превзошла.
 Сокроюся отсель! Таких держася правил, 215
 Он друга, всех людей и город весь оставил.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

В приятных тех местах, где солнце день рождает,
 И светом темноту ночную побеждает;
 Где все являются природы красоты,
 Шумящие ключи, и рощи, и цветы,
 Кустарники, луга; природы все приятства; 5
 Где Флорины сады, Церерины богатства,
 Гуляя при стадах венки пастушки вьют
 И жизнь свободную, и нежну страсть поют;
 В свирели пастухи при хижинах играют
 И пышны здания градские презирают; 10
 Там, кажется, еще золотые дни текут,
 И со свободой мир престол имели тут.
 Хотя невинности там люди удалились,
 Но нравов простотой и мыслей веселились;
 Там птичек следуя приятным голосам, 15
 Любовники свой жар всепевали по лесам,
 Вседневно новыми цветами украшались
 И слабостью сердец взаимно утешались;
 Не в тягостных трудах у них проходят дни;
 Венчали вечера забавами они; 20
 И счастье всегда прямое почерпали;
 Трудились в радости, а ночь спокойно спали.
 Сама себя меж них природа веселя,
 В награду за сие их доны, и поля,
 Их реки, и леса она обогатила; 25
 Мирское зло от них, казалось, отвратила;
 Но лъзя ли счастьем ввек нам сердце утешать?
 Приходит Полион спокойствию их мешать;
 В селенье таковом, где роскошь вокруг лежала,
 Часть оных жителей ему принадлежала; 30
 Вступает только он в окружности села,
 Где все приятности природа собрала,
 Увидел вдалеке древесные дороги
 И возвышенные прекрасные чертоги;

Се дом, что был ему к жилищу посвящен;	35
Не пышностию был сей дом обогащен,	
Ни злато, ни серебро там царства не имело;	
Великолепие являтися не смело;	
Приятной простотой сиял наружный вид;	
И не являлося ни гордых пирамид,	40
Ни мраморных столбов, огромностию диких,	
Ни вида общия неволи, стен великих;	
Но сельская везде встречалась красота,	
Пред кою скучна мирская суета!	
Спокойство, чистота, природе подраженье,	45
То было лучшее в сем доме украшенье.	
Вокруг чертогов сих являлися места,	
Где соплеменные произросли куста;	
Произрастали вокруг и розы, и лилеи;	
Из липовых древес являлися аллеи;	50
Там виды разные натура съедина,	
И зрение людей, и мысли полоня,	
С одной страны явит холмы глазам высоки;	
С вершины гор текут хрустальные потоки;	
И извиваяся в густой траве журчат,	55
Струями за собой зефиров легких мчат.	
С другой луга, поля и рощи открывает,	
И мнится, в тех лугах Натура пребывает,	
Покоится, лежит на мягких муравах,	
Лазоревы цветы имея в головах.	60
Художества, труды и хитрости забвенны,	
Где нежны таинства природы откровенны;	
Не украшалось там ничто искусством рук;	
Не видно было тех нигде следов наук,	
Которые, свои все силы истощая,	65
Стремятся нас пленять, природу заглушая;	
Везде встречалася приятность и покой;	
Нельзя несчастну быть, вкушая век такой!	
Там злобу жители и хитрость истребили,	
Природы прелести и наготу любили;	70
Любили; но смутил их счастье Полион.	
Имея дикий нрав, в свой дом вступает он,	
И в грусть его сама натура повергает,	
Ее приятства он и все пренебрегает;	
На чистые поля, и на зеленость гор,	75
На рощи, на цветы он смутный мечет взор;	
И приобыкшему его к суровствам нраву,	
Казалось, быти все ни в пользу, ни в забаву;	
Он хочет нежности природы истребить!	
Суровство, простоту умеет ли любить!	80
Пускай, он говорит, здесь воды не играют,	
Зефиры по кустам резвиться не дерзают,	
И дом сей окружают дремучие леса;	
Да скроются от глаз прозрачны небеса;	
Пусть тернием поля и рощи заглушатся,	85
И жители пустых веселостей лишатся;	
Пускай изобразит сей дом ученья храм;	
Здесь телом будучи, я духом буду там,	
Где молодость мою наукой насыщали,	
Где разум, мысль мою и сердце просвещали.	90

Да будет таково жилище здесь мое!
 Исполнилось его намерены сие;
 Труды к расстройности природы положили
 И дом высокими стенами окружили; 95
 К чертогам трудные явились стези;
 Дубовы деревья открылись вблизи;
 Бесценны нежности природы исчезали;
 Гремящие ключи, казалось, замерзали;
 Лазоревый от глаз небесный скрылся свод; 100
 Померкла красота цветов, прозрачность вод;
 Казалось, что сама Натура тамо дремлет,
 И взоры грубые в окружности приемлет,
 Зефиры спят в лугах, природы нежный вид
 Печальной, кажется, завесою покрыт;
 Все мрачно сделалось, превратно и ужасно; 105
 Со грубостью его являлося согласно;
 Пременой таковой любуюсь, Полион
 Простер как будто бы на всю природу сон,
 Где слышались сперва поющи вольность гласы 110
 И расстилаются по нивам желты класы,
 Со пляской носятся шумящие снопы,
 Довольство следом их вступает в их стопы,
 И сельским жителям бывает труд в охоту,
 Ущедлив многими плодами их работу. 115
 Изображение сие златых веков,
 Когда был смертных род еще во свете нов
 И чужд от хитрости, имел простые нравы,
 Не чувствовал сует, но чувствовал забавы;
 Оставя гордые венцы и алтари,
 Со земледельцами работали цари, 120
 И плуг производил в трудах не униженье,
 Но был он лучшее для смертных упражненье.
 Сие расстроенной наукой омрачен,
 От правил естества далеко отлучен 125
 Упрямый Полион в уме своем бесславит
 И в деле том селян незнающими ставит;
 Другие правила сулит изобрести,
 Дабы могли плоды обильнее расти;
 Единым мысленным исполнен толкованьем,
 Обманут стал его напрасным упованьем: 130
 Где сеят семена, там былие цветет,
 Где поле чистит он, там острый терн растет,
 Иссиякли там ключи, где чаял делать реки,
 Засохли деревья, стоящи многи веки.
 Преобратилось все как будто бы в хаос: 135
 Не видно там садов, ни виноградных лоз,
 Ни роза не цветет, ни белая лилея,
 Не зеленеет луг, свободы не имея;
 Единым былием другое заглушил
 И жизни Полион природу всю лишил. 140
 Приятность от полей далеко отлетала,
 Там скука видится, где радость обитала.
 Непримирымый враг веселий и забав
 Повсюду Нелюдим простер свой дикий нрав. 145
 Свирель в лугах молчит, не видно пляски в поле,
 Натура и сердца быть кажутся в неволе,

И вместо чаемых обилий и отрад
 Вступает на поля и в селы бледный глад,
 Остатки прежнего довольства пожирает:
 В объятиях его младенец умирает, 150
 И грусти вокруг себя встречающий одни
 В руках у сыновей старик кончает дни!
 Такой приносит плод развратное ученье,
 Когда приложится к чему его раченье.
 Изобретатели к обильству новых средств 155
 Бывают иногда причиной общих бедств;
 Когда бы длилось ввек такое наставленье,
 Исчезли б все плоды, любовь, увеселенье.
 Забавы от лугов бегут далеко прочь,
 И заступает их тоска, несчастий дочь! 160
 Умильность от цветов и рощей улетает;
 Не радость, но печаль в долинах обитает;
 Веселости с полей приятности берут,
 И, кажется, отсель, заплакав, прочь бегут;
 Прощаются навек с пещерами забавы; 165
 Уныние в сердца, суровость входит в нравы.
 На посох опершись, явились при стадах
 Раздоры, с строгостью живущие в градах,
 Которы, стражами став общего блаженства,
 Доводят смертных род всех бед до совершенства. 170
 Умеренность! Лишь ты спокойство нам сулишь;
 Ни рощей, ни полей на части не делишь;
 Пустого славою себя не насыщаешь;
 Ни злата, ни серебра себе не похищаешь;
 Не тягостны тебе ни ум чужой, ни честь; 175
 Не ищешь ты чинов, довольна тем что есть;
 Но гордость между нас явилась лишь в порфире,
 Презренной сиротой осталася ты в мире;
 Преобратилася в безумство и в порок,
 И мил нам сделался пребедственный наш рок! 180
 Такие суеты, такие огорченья
 Выносит Полион из мрачного ученья;
 И как ни отдален от цели счастья свет,
 Но дале влек от ней селян его совет.
 Долины, дом его и рощи стали скучны, 185
 А жители приняв уставы злополучны.
 И там, у чистых вод березки где росли,
 Он мыслил, что не так стада они пасли;
 Не нравились ему в долинах хороводы,
 Изображение спокойства и свободы; 190
 Не нравилось ему ни беганье в лугах,
 Ни резвость пастуха с пастушкой на берегах,
 Ни беспорочная забота у пастушки,
 Как прячется она в пещерах от подружки;
 Ни пляска, ни любовь, ни песней нежных глас. 195
 Тогда луч радостей на пажитях угас.
 Свободу Нелюдим, забавы нарушает,
 Считая, что она стада пасти мешает;
 Во праздность томную у них приводит дни;
 Не стали ни играть, ни песен петь они, 200
 В любви и в нежности не погубляют время,
 Преобратилася жизнь безвинная во время;

В зеленых муравах уже отрады нет,
 А счастье к пастухам обещанно нейдет;
 Веселости ушли, стада не прибывают. 205
 Пастушки, кажется, и овцы унывают.
 Где песни слышались, там ныне слышен стон,
 Доволен был таким превратом Полион.
 Однако новые досады он встречает:
 Пришедши в дом, письмо из града получает, 210
 То пишет прежний друг; о небо, он речет,
 Я скуки прочь бегу, она за мной течет,
 За мной, который град и всех друзей оставил,
 Ни в ком не находя благоразумных правил,
 Но вздумал наконец писанье прочитать 215
 И видит в нем сие, отняв его печать:
Среди веселостей - веселости во граде!
 Вскричал он в горести, в смятенье и досаде:
 Во граде бедствия единые живут,
 И скуку общую там радостью зовут; 220
 Забавой самую сердца обремененны,
 Затем, что гордостью они изобретенны.
 Читая далее, досады больше зрит.
 Там писано: *Театр во граде здесь открыт!*
Мы видели на нем стнящую Заиру, 225
Плачевный сей пример убийства данный миру,
Когда ревнующий и к теням Орозман,
Сразил ее, любовь приемля за обман:
Со Орозманом мы, с Заирою страдали;
И будто о прямом несчастий рыдали. 230
 Се плод позорищей! - Письма читатель рек,
 Иль редко и без них рыдает человек;
 И нужно ль выдумкой всеобщу горесть множить,
 Дабы встревоженны сердца еще тревожить;
 Возможно ль, чтобы я доволен действием был, 235
 Которым бы тоску, удвоил, не забыл!
 О! Люди, вам театр, не честь, но поношенье;
 Он образ всей земли, лишь только в уменьшенье!
 Еще: *мы Талией здесь мысли веселим.*
 И вы любуетесь безумием своим! 240
 Смеетесь вы себе, чтоб век не исправляться;
 Удобно ль слабостью своей увеселяться?
 Позволено ли в смех пороки претворять?
 Карать их надлежит нам, ими не играть.
 Еще читает он: *Здесь новые утехи,* 245
По берегу водят здесь и грациев, и смеха,
В вечерние часы гуляя красоты,
К которым бы любовь почувствовал и ты.
 - И я почувствовал! Смеюся нежной страсти.
 Сердяся, растяжал писание на части 250
 И рек в свирепости: пускай любовь других
 В оковах держит век, как пленников своих!
 Бесстрашным оком я на прелести взираю
 И тленность их красот и нежность презираю.
 Но больше раздражить свой ум и мрачный нрав 255
 Пошел он в темный лес, с собою книгу взяв.
 То были строгие Сенеки наставленья,
 Претящи светские сердцам увеселенья.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сей бог, которому подвластен смертных род,
Правитель всех вещей, Кипридин сын, Эрот,
И небо, и земля которому подвластны,
Бывают счастливы, кем самые несчастны.
Душа, которая всему живот дает, 5
Везде присутствует, везде она живет,
Все вещи в естестве которая спрягает
И к нежностям любви стремленью возжигает.
Эрот места вся вселенной обтекал
И, зря на смертных род, в сердца их проникал: 10
Покорствует ли свет его приятной власти,
Хранится ли закон в сердцах любовной страсти?
Прелестны грации, одушевляя свет,
Составив цепь, из рук летят за ним вослед,
Младые гении вокруг его летали 15
И розы вокруг его по воздуху метали,
Играя, разносил питающий весь мир
Благоухание на крыльях зефир.
Со спутниками тут Эрот на час простился,
С середины воздуха на шар земной спустился, 20
Кидая всюду взор, окрестность озарил
И зрит, что власти мир своей он покорил,
Что носит смертных род его приятны узы,
Устанавливаются им всех вещей союзы,
Что повинуются ему земная тварь, 25
Что он - правитель душ, сердец и мыслей царь;
Могуществом своим себя увеселяет,
И тако сам в себе с восторгом размышляет:
Сооружены мне повсюду алтари,
Приносят жертвы мне народы и цари, 30
Вся тварь и естество хранят мои уставы,
Нет счастья без меня, нет радости, ни славы,
Куда ни обращусь - престолы всюду зрю,
Род смертных к моему простерся алтарю,
Там зрю источники друг к другу устремленны, 35
Зелены ветвия древес совокупленны,
Сплетенных травок здесь мне зрятся красоты,
Соединяются мной листья и цветы,
Там нежно горлицы на ветвиях стонают
И лобызания стократно начинают; 40
На человеческий отсельзираю род,
В сердцах написано: здесь царствует Эрот;
Знаменованье такое возвещает,
Что каждый душу мне с охотой посвящает,
Что мною дышит всяк, и мною всяк живет, 45
Где нет меня когда, и жизни тамо нет.
Ни лук, ни стрелы мне, ни мой колчан не нужен,
Могу я побеждать, хоть буду безоружен;
На что мне действие любовного огня,
Всяк любит и любить готов и без меня. 50
Приближались к нему все нежности, утехи
Сопутники любви - забавы, игры, смехи
И, крылья развернув, хотят нести его,

Да зрит пространство он владенья своего;
 Но только он на лес дремучий оглянулся, 55
 Познал, хотя был бог, что в славе обманулся,
 Увидел посреди дремучих он лесов,
 Что смертный ходит там, но ходит без оков,
 Приятности любви и граций презирает,
 С суровостью на власть Эроту взирает, 60
 Не чувствует его приятности в крови
 И чаёт счастлив быть на свете без любви.
 Эрот досадует, краснеет и трепещет,
 И, стрелу натянув, во Полиона мечет.
 То он был - но в него пущенная стрела 65
 Сперва сурово грудь пробиты не могла;
 Ударясь о нее, лишь только затряслась,
 Суровость нежности нескоро поддалась.
 Эрот в отчаяньи речет: Постой! Постой,
 Не защитишься ты от сей стрелы златой. 70
 Он выхватил ее и лук свой напрягает,
 Пустил - и в сердце огонь в минуту возжигает,
 Познай меня теперь, - во гневе говорит. -
 Познал Эрота он, и пламень в нем горит. 75
 Цитерский бог свой дух весельем утешает,
 Доволен будучи, что смертных сокрушает,
 Направя дале путь, он спутникам вскричал:
 Теперь я все свои победы окончал. -
 Победы окончал! А Полион в злой страсти. 80
 Уж начал чувствовать его свирепость власти;
 И безызвестным он теперь огнем горит,
 Мятеся дух его, он все пременно зрит;
 Смущеньем никаким в нем сердце взволновалось,
 И нечто новое во чувствах рождалось, 85
 В восторге бегаёт по диким он лесам,
 Повсюду ищет он, чего? Не знает сам.
 Стремительно на все места свой взор кидает,
 Узреть желает он, кого узреть? Не знает!
 Объята мысль его незнаемой тоской,
 Вздыхает, мучится, потерян стал покой; 90
 Дивится Полион премене чувства странной
 И действиям тоски во грудь его влиянной;
 Что сделалось с ним, не ведаёт того,
 И сам не узнаёт он сердца своего;
 Оно смягчилось в нем, и с мыслей грубость скрылась; 95
 Суровая душа Эроту покорилась.
 Но в те часы, когда его пылала кровь,
 Не ведал Полион, что то была любовь.
 Любовь! Которая все вещи пременяет,
 Когда разит она, когда сердца пленяет. 100
 Рассеянную мысль, смущенный дух имев,
 И таинства любви проникнуть не умев,
 (Понятны ль таинства такие человеку?)
 Наскучил чтеньем он и прочь отверг Сенеку,
 Спокойства я тобой искал, - в досаде рек, 105
 - Беседовал с тобой, а мой покой утек,
 И что я стал, и сам того не понимаю,
 Не за того себя, кто был, я принимаю;
 Какое действие я чувствую в крови,

Вздыхаю! Я слышал, вздыхают от любви, 110
 Не я ли покорен сей страсти непотребной.
 Знать, духи здесь живут? Знать, вижу лес волшебный!
 От древа каждого со трепетом бегу,
 Но, бегая, сыскать дороги не могу.
 Подобен Полион оленю уязвленну, 115
 Носящему везде стрелу в него вонзенну;
 Бежит к потокам вод тушить кипящу кровь:
 Везде любовь за ним, с водою пьет любовь;
 Уже не воздухом, любовию дышает,
 И стонут древесна, и травка засыхает; 120
 Все любит, кажется, и тает вокруг его,
 Любовь повсюду с ним и в сердце у него;
 И всем пленяется, и все он ненавидит.
 В смятенъе таковом прекрасну деву видит,*
 Он видит оную, сидящу на коне, 125
 И слышит, что его все чувства во огне,
 Спешит он мнимыя богини удалиться,
 Но смотрит на нее и духом веселится;
 Подай с стрелами лук, найдешь Диану в ней;
 Палладу узришь ты, подай Эгиду ей; 130
 Пришли к ней грациев, увидишь Афродиту;
 Имела перьями главу она покрыту
 И белы по плечам лежащие власы,
 Приумножающи заразы и красы;
 Казалась нимфою в охотничьей одежде; 135
 Не столько Полион стал дик, сколь дик был прежде;
 Боялся зреть ее, к ней очи обратил;
 Желая прочь идти, к ней ближе приступил,
 То стонет, то молчит, то речи начинает;
 Все хочет он сказать, но что сказать, не знает! 140
 В таком волнении встречающа его,
 Девица возвела взор нежный на него:
 Не бойся, Полион, - она ему сказала, -
 Здесь видеться с тобой судьба нам предсказала;
 Отсель невдалеке я дом имею мой, 145
 Давно желала я беседовать с тобой;
 Давно я о твоём слыхала странном нраве,
 И слухи таковы к твоей не служат славе.
 Видала я тебя, трудящаяся в полях,
 В несходных с праведным учением делах; 150
 В мой лес уединясь, я здесь, ко удивленью,
 Тебя увидела, подвластного томленью;
 Вздыхаешь, мучишься, ты бегаешь стенья;
 Дороги ищешь ты, не найдешь без меня;
 Последуй ты за мной; из сих ужасных мраков, 155
 Окромѣ тропки сей, здесь нет иных признаков,
 Ведущих к нашим двум соседственным домам,
 Пойдем; мы встретимся с моей охотой там. -
 Как будто дикий зверь из глубины влечется
 И вырваться из рук ловущего печется, 160
 Сопротивлялся так девице Полион,
 Но нечувствительно за нею идет он;
 Суровый ум претит идти с девицей сею,

* В лице девы изображается дух разума. [Премечание автора].

А сердце говорит: ступай, ступай за нею;
 И видно из его движения и глаз, 165
 Что он нашел сие, чего искал за час;
 Желает, чтоб она лицо свое скрывала;
 И хочет, чтоб к нему взирать не преставала;
 Безмолвия стыдась, стыдится речь начать,
 И вопрошаемый не может отвечать; 170
 Приметя в нем она смущение такое,
 Что мысли все его и сердце не в покое, -
 Страшишься ли меня? - Рекла она ему. -
 Вот свойство любящих уныние и тьму;
 Вот плод несчастливый того уединенья, 175
 В котором, Полион, ты ищешь утешенья,
 И вот с людьми всегда каков бывает дик,
 Кто с ними видится и знать их не привык,
 Но те к самим себе почтенье вовсе губят,
 Которые с людьми беседовать не любят. 180
 Ах! Если б люди все равнялися с тобой,
 Вещает Полион, - я б друг им был прямой!
 Уединение мне страшно бы являлось,
 Коль сходное б с тобой во свете что сыскалось;
 Видал я прелести приятных женских глаз, 185
 Не устремляя к ним вниманья ни на час,
 Мне лица в обществе прекрасные встречались,
 Но очи у меня от них не помрачались,
 Я песни их слышал и нежный разговор,
 Не тронули меня ни речи их, ни взор; 190
 Уста прелестные и пламенные взгляды
 Мне меньше делали веселья, чем досады;
 И, может быть, как я влеком бывал в их сеть,
 И примечания о них не мог иметь.
 А ныне взгляд один, твое едино слово 200
 Произвели во мне в минуту чувство ново;
 Мне взор твой, речь твоя, твой стан и зрак твой мил;
 Конечно, свет в тебе все прелести таил;
 И сердцу моему на плен и в утешенье
 Не в граде их скрывал, но здесь в уединенье. 205
 За то, что прежде я красавицам не льстил,
 Твой взор, прекрасный взор, довольно мне отмстил;
 Те, кои зрят его, тех только жизнь счастлива!
 Смотри, как первая любовь красноречива,
 И верь, узнав сие, коль верить кто не мог, 210
 Что сердце всякое сразит любви бог. -
 Увидя в нем любви жар страстный и безмерный
 И нрава оборот почти неимоверный;
 Увидя спутников красавица вдали,
 Когда уже они путем открытым шли, 215
 Не делая досад, не умножая стопу,
 Рекла она с лицом спокойным Полиону:
 Свободу скорую дал чувствам ты своим
 Узнать меня; умей быть другом ты моим;
 Советов таковых не ставь себе в обиду, 220
 Умей узнать себя, коль хочешь знать Наиду.
 Мой дом стоит вблизи жилища твоего,
 И может всяк войти без робости в него,
 Суровые одни не входят в дом мой нравы!

Приятной жизнь моя исполнена забавы;	225
Ищи пути ко мне; и ты его найдешь, Коль к ближнему любовь за правило возьмешь; Прости! - Сказав сие, к подругам возвратилась. Уже горящая планета в Понт катилась,	230
Предшественница всех мечтаний и сна, Уже прохладная являлася луна И ризу мрачную раскинула с звездами; Земные жители расстались со трудами, Един в смущении и в грусти Полион; Идущий в дом к себе, еще пускает стон;	235
Премене собственной он сам в себе дивится; Не знает он, идти или остановиться, Наиде следовать или сокрыться в дом. В недоумении приходит таковым,	240
И все, на что глаза он в доме ни возводит, Ничто на прежнее уж ныне не походит. Уже является ему тот скучен лес, Который скрыл от глаз сияние небес, Огромность стен своих и мрак возненавидел,	245
Он в поле, может быть, Наиду бы увидел, Увидел, если б он препятств не ставил сих; Стыдится прежних чувств и мыслей он своих, Наиду у себя увидети в надежде, Жалеет о цветах, кругом растущих прежде;	250
Желает диким он исчезнуть вдруг лесам И прежним полевым везде цвести красам; Пастушкам хочет дать свободу прежню в поле, На коих ни цветов, ни игр не видно боле; Стыдится дикости кругом лежащих мест, Что в них покажется Наиде страшен въезд,	255
И лъзя ли у него Наиде утешаться! Пришли часы любить, суровости чуждаться; Забыв развратное ученье, Полион Заснул в одре своем и видит странный сон: Он видит вокруг себя волнующееся море,	260
И носится по нем он в малой лодке вскорее; Вдали премножество явилось островов, Которых берега исполнены цветов; Там песни жителей при гласе трубном внемлет, Течет к ним, всяк его с веселием приемлет;	265
Но только он успел войти в жилище их, Увидел он вражду и злобу между них; С развратностью они друг о друге толкуют, Когда погибнет кто, тогда они ликуют; Законам следуя слепого божества,	270
О бедстве ближнего имеют торжества. Уходит Полион от сих людей развратных Искати островов, желанию приятных; Куда ни приставал, на что ни кинул взор, Везде убийства зрел, недружбу и раздор;	275
Но остров никакий вдали ему являлся, К которому достичь он тщетно устремлялся; Горою каменной был остров окружен, Чрез кое трудный путь идущим проложен; Там страшные вокруг чудовища лежали,	280

И камни дикие от рева их дрожали;
 В середине острова священный лес стоял,
 В нем тонкий свет вдали между древес сиял.
 Не смеет Полион ко острову коснуться,
 Страхася больше в нем, чем в прочих, обмануться; 285
 И начал он ладью от берега отворачать,
 Намерясь островов морских не посещать.
 Но вдруг ударил гром, и ветры засвистали,
 Из мрачных облаков блистать перуны стали;
 Кидает ладью кипящая волна: 290
 Душа отчаяньем, мысль ужасом полна;
 И чает вихрями во все страны носимый,
 Что в сем пути пришел конец необходимый.
 Но как уже он был в морское свержен дно,
 Не приняло его в гортань свою оно, 295
 И выбросив назад, к последняя напасти,
 Разбило ладью его на мелки части;
 Повергло там его на каменистый брег,
 Где виден мрак один и вокруг глубокий снег.
 Однако облако к нему с небес спустилось,
 И светло божество очам его явилось. 300
 Почтенье возымев, несчастный страх отгнал:
 Во оном божестве Наиду он узнал,
 Которая, подав ему спокойно руку,
 Рекла: Ты кончил путь и кончил прежню муку; 305
 Премудрость чистая, но счастливой судьбе
 Откроется за все терпение тебе. -
 Сокрылись мраки вдруг, и ветры дуть не стали,
 Ему приятности природы все предстали;
 Но как премудрости достиг до храма он, 310
 То скрыл он от людей, тая вовеки сон.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Уже Латонин сын лицо свое являет
 И пламенных коней к теченью направляет;
 Одушевляющий везде простерся жар;
 Проснулся, кажется, земной великий шар: 5
 Проснулись на нем мирские попеченья,
 Утехи и печаль, забавы, огорченья;
 Проснулись скучные земные суеты,
 Приятная любовь, проснулася и ты!
 Лесные жители Аврору воспевают,
 Цветы, и древеся, и травки оживают, 10
 Златой одеждою сияют небеса,
 У стада слышатся пастушьи голоса.
 Уже порядок всей природы учредился,
 И пахарь для трудов приятных пробудился,
 Пастушка для овец, для песней соловей, 15
 Для плаванья купец, охотник для зверей,
 Граждане для сует, злодеи для обиды,
 Проснулся Полион для страсти и Наиды.
 Исполнена его мечтаньями глава,
 И видит он еще морские острова; 20
 Еще злодействие ему людское зрится,
 И въяве хочет он от них к Наиде скрыться;

В морских волнах еще желает утопать,
 Дабы Наидою избавиться опять;
 В уме священный лес и храмы представляет, 25
 Но больше о красках Наиды размышляет,
 И, сна чудесного толкуя существо,
 В Наиде некое находит божество,
 Влекуще прочь его от прежних скучных правил.
 Любовью распален, чертоги он оставил, 30
 И представляет он в обители своей
 Жилище злых духов и ядовитых змей.
 Забыв суровости и добродетель строгу,
 Пустился в новые желанья и дорогу.
 Но как любовь его ни жалила, ни жгла, 35
 Не мыслил он еще, чтоб то любовь была;
 И чаял, что искал с Наидой пребывания
 Не для красот ее, но сна для толкованья,
 И с нею повторять вчерашни речи вновь;
 Но что же это все, когда не есть любовь? 40
 Кто видит сны о ком, кто все утечи губит,
 Когда не вместе с кем, тот верно страстно любит!
 Лишь только Полион взглянул на лес густой,
 Где встретился вчера с разумной красотой,
 Вздохнул! И вздохнув еще, он лицемерит, 45
 И что влюбился он, еще тому не верит.
 Воспомнил, что вчера Сенеку там забыл;
 Но больше уж его он правил не любил;
 Не хочет для него минут терять напрасно,
 И думает еще, что любит он не страстно. 50
 Свободою себя в неволе веселя,
 Вступил в обильные Наидины поля;
 Там рощи чистые, долины там цветущи,
 Там видны жатели, приятно жизнь поющи,
 Там пахарь счастливый не чувствует трудов, 55
 Там разных видимы веселости родов,
 Как будто убежав они от Полиона,
 Живут в пределах сих спокойствия у трона;
 Там нимфы сельские у чистых быстрых вод
 Заводят беганье, заводят хоровод; 60
 Стада, источники и все луга умильны,
 Плодами вокруг поля и счастьем обильны;
 Под тению древес венки пастушки вьют
 И добродетели Наидины поют.
 Забавы Полион и радости встречает 65
 И видеть остров тот, куда был свержен, чаает,
 Где таинства свои открыло Естество,
 И где явилось в Наиде божество;
 Суровость острова и встречу в оном злобну
 Жилищу своему находит он подобну. 70
 На сих полях пример встречая дней златых,
 Он льстился обрести Астрею ныне в них;
 И мыслит, что назад поворотились веки,
 Как спал с овечкой волк, со львами человеки;
 Но чая видети Минерву в части сей, 75
 Не мудрости искал, Наидиных очей;
 Искал он прелестей душе его приятных.
 Любовь! Научишь ты и самых непонятных

Прельщаться, говорить и чувствовать уметь;
 Во Полионе лъзя пример тому иметь; 80
 Хотя сердца разишь, хотя умы смущаешь,
 Любовь! Любовь! Ты нас мгновенно просвещаешь.
 В недоумении, в волнении таком
 Вступает Полион в Наидин сельский дом;
 Там рощи, там сады и прелести премноги, 85
 Как будто б были то волшебные чертоги;
 Вода ко облакам текущая гремит,
 Там инде во траве прозрачный ключ шумит;
 Цветы узорчатой блистают красотой,
 Все вкупе нежною прельщает простотою. 90
 Лишь только приступил к чертогам Полион,
 Чистосердечием во дверях встречен он;
 У одности любовь, приветствия и радость
 Наидины ему являют жизни сладость;
 И руку дружество входящему дает 95
 И, кажется, не в дом, на небеса ведет;
 Везде приятные желания и виды.
 Таким путем предстал перед глаза Наиды
 И видит счастье цветуще вкруг нее;
 Иль видит божество в Наиде он свое; 100
 И кажется ему, что он во храме оном,
 Где зрел стоящую Наиду перед троном.
 Смотрите, до чего слепа любовно страсть!
 К ногам Наидиным хотел несчастный пасть;
 Но вдруг в объятиях себя Наиды видит. 105
 -Учтивства лишние ум здравый ненавидит,
 Оставим здесь чины, - она ему рекла,
 Забыв умеренность и простоту драгую,
 Из крайности одной приходишь во другую:
 Или, вина людей, скрываешься от них, 110
 Или богам опять уподобляешь их. -
 - Развратных я людей, как прежде, ненавижу,
 Вещает Полион, - но здесь богиню вижу,
 Премудрость и любовь с которого живет,
 Которой должен весь повиноваться свет. 115
 Приятны мне стези и виды здесь явленны:
 Веселием твои поля одушевленны,
 Мне зрится счастье, ходяще здесь в венце,
 У всех написано спокойство на лице;
 Цветок в твоих лугах и травка веселится; 120
 Везде Астреин век исчез, но здесь он длится.
 Мне сон мой предсказал, что бог - не смертна ты,
 И подтверждают то мной зрими красоты;
 Блаженство проливать, сердцам давать спокойство,
 Не человечье, то божеское свойство! 125
 Когда ж ты смертная, подобная другим,
 То где училась ты премудростям таким,
 Которые успех имеют здесь отменной,
 Среди испорченных людей жить и вселенной? -
 Наида, правила свои храня, рекла: 130
 Я ближним никогда злодейкой не была,
 И тайну к счастью сию употребила,
 Что благо я свое во благе их любила;
 Не возмущая чувств, забавы их любя,

Благополучными их вижу и себя.	135
Но ты в каких местах познал сию науку, Которая твой дух и мысли ввергла в муку, Кто сеял у тебя отраву ту в крови, Что человеческий не стоит род любви;	140
В каком училище твой разум так питали, Что свет и люди все тебе противны стали? Напомня ложное ученье, Полион Едва опять во мрак не возвратился он. Проснулись в памяти ему доводы милы: Ученье первое имеет много силы!	145
Суровы правила мечтаются ему, И за руки схватив, хотят повлечь во тьму; В Наиде лютую являют ему Цирцею, Которая была ужасна Одиссею;	150
И представляется ему она в сей час, Имеюща морских сирен прелестный глас. Колелблется, молчит, желает удалиться И злится на себя, и на Наиду злится; Однако брошенный един Наидин взгляд Мгновенно у него из сердца вынул яд;	155
Суровость с оного свалилась будто камень, Почувствовал в груди приятный некий пламень, Который, как пожар, лишь только зачался, У Полиона вдруг по чувствам разлился.	160
Смущен и трепетен к Наиде он подходит, Но приближение в нем смелость производит. Забыл, - он рек, - я все науки и себя; Быть счастливым хочу учиться у тебя, Да будут мне тобой те правила внушенны, Как тех людей любить, которы развращенны.	165
Прости им слабости, - отвечает она, Премудрость примирять со всеми нас должна; Она против людей сердец не отравляет, Без ссоры учит их, без брани исправляет;	170
В спокойствии свои она проводит дни, Хоть кажутся светлы, хоть пасмурны они. Тебе понятие о всех вещах вручили, Однако знать себя и ближних не учили; Благополучну здесь и мудру прямо быть, Так должно знать себя и всех людей любить;	175
Когда учения стези тебе являли, Старались о уме, не сердце исправляли; Ученье пагубно и тщетно без того; Вот главная вина мученья твоего; Ученых грубый нрав для света бесполезен, Будь людям нежный друг, коль хочешь быть любезен.	180
В беседе таковой, в приятностях таких На крыльях радости летят минуты их, И кажется уже сидящу Полиону, Что он перенесен отголе к Геликону:	185
Отверстие врата во храм Палладин зрит, И будто с музами во оном говорит. Скажи мне таинство, - вскричал он в восхищенье, Где ты и как нашла такое просвещение? Меня учение влекло в единый мрак;	190

Иль мой рассудок туп, иль я учен не так.
 Я слышал важные слова и рассужденья,
 В сих малостях нашел великие сумненья!
 Познати истину, - ответствует ему,
 От мыслей отгони науки прежней тьму; 195
 Забудь их имена, порядок, толкованье
 И прежнее среди вертепов пребыванье;
 Очистись от всего, как вновь ты родился.
 Забыть все, но ее лишь помнить он клялся!
 Наида просвещать его не преставала, 200
 И духа к бодрости еще увещевала,
 И так ему рекла: Коль будешь дерзновен,
 Навек останешься ты мраком покровен;
 Коль будешь робок ты, от света удалишься,
 Погубишь все навек, чем ныне веселишься; 205
 Умерен, терпелив и скромн быть умей.
 Дал клятву Полион послушен быти ей.
 Наида, взяв его трепещущую руку,
 Во храм свой повела открыть свою науку.
 Храм * оный на горе в тени древес стоит, 210
 Прекрасно здание имеет круглый вид;
 Стезями тайными они к нему приходят;
 Признаки некие ко дверям храма водят.
 Ты здесь увидишь то, - Наида говорит,
 - Что разум у тебя и чувства озарит; 215
 Дерзай - и вдруг врата ко храму отворились!
 Ко удивлению в нем чувства устремились:
 На что свои глаза ни обращает он,
 Повсюду новое встречает Полион!
 Живое на стенах он зрит изображение, 220
 Влекущее весь ум в священное движенье.
 Изображено там во славе божество;
 Непостижимое такое существо,
 Не тот имеет знак, не те имеет виды,
 Какие он видал не в храме у Наиды; 225
 Во всяком бытии является Творец,
 Он любит смертных род, как чад своих отец;
 Не сей ужасный бог, который отомщает,
 Но тот, который всех покоит и прощает.
 Природы видит он приятну наготу; 230
 В союзе всех вещей едину простоту,
 Которая для нас всечасно помраченна,
 Затем, что ризою науки облаченна,
 И таинства ее скрываются от нас,
 Затем, что требуют они разумных глаз; 235
 Но здесь является лицо ее прекрасно,
 И все ее черты изображены ясно.
 В степени человек своей изображен,
 Который быть бы мог на свете сем блажен;
 Но ради он того в пределах сих несчастен, 240
 Что сам он враг себе и гордости подвластен;
 Однако есть ему к спокойствию стезя,
 Которую узнать с пороками нельзя.

* Здесь разумеется Здравый Рассудок [примечание автора].

Там к ясныя черте все вещи обращенны;
 Не мрачны кажутся и таинства священны; 240
 Все то, что вымыслом и баснями зовут,
 Сияет без цветов в природных видах тут:
 Там ветров бурная Эолова пещера,
 И в ад Улиссово хождение у Гомера,
 За брань Троянскую между богов раздор, 245
 Их раны и коней геройских разговор
 Имеют чистое свое знаменованье.
 Наида сделала вещам истолкованье,
 Началу Естества, и действию богов,
 И мир весь Полион, и свет увидел нов; 250
 Познал природы всей закон и соплетенье;
 И к ней почувствовал, и сам к себе почтенье!
 Но вдруг явился свет, подобный трем шарам,
 Он ближе к ним подшел; и се померк весь храм!
 Постигнути сего ни ты, ни я не вольны, - 255
 Наида говорит, - но будем сим довольны.
 Тебя рука моя еще сюда ведет;
 Но будь достоин ты увидеть новый свет;
 Излишне знание для душ нетвердых бремя;
 Пойдем, покоиться и веселиться время. 260
 Наполнен мыслями выходит Полион
 И верит, что ходил доднесь во мраке он!
 Напрасно светом те науки почитают,
 С которыми вражда и злоба обитают.
 Но где же книги те, - вскричал он вне себя, - 265
 Которы сделали премудрого тебя?
 Те книги, - та речет, - которы я читаю,
 Суть вещи зримые, меж коих обитаю;
 Печатаны они рукою Божества,
 Не в буквах состоят, в глаголах Естества; 270
 Хотя учеными бывают и презренны,
 Но каждому они из смертных отворенны. –
 Спросил он: Где ты ключ сыскала таинств сих? –
 Она отвечает: Ты сам познал бы их,
 Другими книгами коль не был бы расстроен; 275
 Ты в мрак родился, ученьем мрак удвоен;
 Но где я ключ нашла Натуры в светлый дом
 И что сей храм, не спрашивай о том,
 Коль хочешь быти всех сокровищ владетель;
 Буть кроток, терпелив и помни добродетель. – 280
 Едва они с горы в прекрасный сад сошли,
 Где ароматные деревья вкруг цвели,
 Натура разостлав лазореву порфиру,
 Велела нежному благоухать зефиру;
 Довольство реки льет, отверста грудь ее, 285
 И все веселости ликуют вкруг нее.
 Наида, кажется, ни будет где являться,
 Все станет расцветать и все одушевляться.
 При сладком пении, при гласе нежных лир
 Устроен был для них в тени древесной пир; 290
 И все приятные кругом приемлет виды,
 Куда ни кинется прелестный взор Наиды;
 Там водит искренность веселий хор рукой,
 Обнявшись ходят там и счастье, и покой;

Там видны жители четами вокруг сидящи И добродетели Наидины гласящи; Являют пляскою спокойный дух они, К Наиде их любовь и беспечальны дни; Везде веселые и радостные лица;	295
Наида всем им друг, и всех сердец царица. Приятно пиршество вкушая Полион, В трапезе у богов сидети чаает он; Везде встречаются ему небесны виды, Такая ворожба во взорах у Наиды!	300
Переменили в нем они все чувства вдруг И сделали, что он стал нежный людям друг. Но вечер наступил: с Наидой он простился, Оставил сердце тут и в дом свой возвратился. Все мысли заняты Наидой у него,	305
Во удивление приводит все его; И разность правил тут и жизнью их увидел, Свое учение уже возненавидел; Но как желает всяк тому подобен быть И в жизни подражать, кто стал кого любить,	310
Из мыслей прежнюю свою изгнав науку, Намерен Полион изгнать из дома скуку; Полям веселости и рощам возвращать, Цветы отдать лугам, пастушек не смущать.	315
Узнав, что больше нет в его селеньях стона, Пришли к нему опять Церера и Помона: Они в поля его престол перенесли, И класы желтые на нивах возросли, Плоды на деревьях; зыграли быстры воды, И все приятности открылися природы.	320
Уверился теперь смягченный Полион, Что воспитанием был весь расстроен он; Твердя Наидины слова и разговоры, Узнал, что свет дает душам прекрасны взоры.	325
Он каждый день свою богиню посещал, Ее беседою свой разум просвещал. Она, уверясь в нем, а он, прельщенный ею, Соединились и телом, и душою.	330
Во просвещении, во счастья таком Он друга своего из града призвал в дом, Поведал он ему вину и приключенье, Когда он прежнее и как отверг ученье!	335
Эрот, который глаз с плененных не спускал, В середине воздуха руками всплескал; И видя в мире сем своей обширность власти, Сказал: Полезней нет сердечной в мире страсти!	340
Она умы дает, студену греет кровь; И там сияет свет, где царствует любовь!	

Е. Урсова, из книги «Ироида музам посвященные» (1777)

О Музы! Вы мой дух ко песням вспламените,
И пола вашего вы голосу внемлите!
Во древни времена, Российская страна,
В невежество была, во мрак погружена.
Жилища вашего тогда не досязали, 5
И тернием пути к Парнассу зарастали.
Парнасский огнь еще Сердец не вспламенял,
К составу песен дух восторгом не пылал:
Но в мрачности такой Россия озарилась,
И Лиры красота в пределах сих явилась. 10
Невежество у нас в презрении лежит,
Российская страны незнание бежит,
И просвещению державу уступают,
Ваш глас, приятный глас, сердца у всех пленяет.
В кратчайши времена Россия процвела,- 15
Расинов, Пиидаров, она произвела,
ЕКАТЕРИНИН век те ныне воспевают,
Премудрые дела в бессмертие включают.
На Росскую страну вселенна мещет взор,
Прославь ее, прославь, прекрасных Муз собор! 20
Се в наши времена златые зрятя веки,
Кастальские текут с Парнаса к Россам реки;
И чтобы окружать священных Муз престол,
То начал воспевать у нас и женский пол:
Они ко нежностям во песнях прибегают, 25
И добродетелям венцы приготавлиют.
С приятностью они веселости поют,
И действие страстей почувствовать дают.
В России видимы Сапфоны, де ла Сюзы,
За ними я стремлюсь:... О вы, прекрасны музы! 30
К ободрению, для песен красоты,
Рассыпьте предо мной Парнасские цветы!
Врачебного водой вы Лиру окропите,
И мне ее теперь из ваших рук пошлите.
Потщуся мысль мою я с вами согласить, 35
Потщуся песнь мою прея вами возгласить.
С холмистых гор ко мне вы взоры обратите,
И глас, мой робкий глас, коль можно ободрите.
С великодушием внимайте песнь мою:
О Музы! я для вас, на Лире воспою. 40

А. Мурзина, из книги «Распускающаяся роза» (1799)

К ЧИТАТЕЛЯМ

5 Писать я для того
Стихами начинала,
Веселья моего
Предметом их считала,
Чтоб скуки избежать,
Что праздность порождает;
Тщеславиеж питать
Душа моя не знает.

10 Мой дух не возмутит
Никто своей хулою;
Пусть Фуия язвит, -
Я чшу сие мечтою.
Одналь такой порок
15 Должна сносишь я ныне?
Весь Авкторов собор
Подвержен сей судьбине.

 Но более тому
Я слуша дивилась,
20 Что к полу моему
Сатира вся клонилась;
Как будто женский пол
Жизнь в мраке провождает;
Мущинаж, презря дол,
Умом в звездах летает;

25 Что будгоб нас Творец
Не натрадил умами,
А нежности сердец
Дал властвовать над нами;
30 Что нами суета
Едина обладает,
И только красота
К нам прочих привлекает.

 Се ! - как они любя
Свои таланты, мыслят,
35 Презревши нас, себя
В разумных только числят.
Но естли в их умы,
В их нравы вникнуть строже;
40 То, в чем коль слабы мы,
И в них во всем все тоже.

 Такой же суеты
Идут они стезями,
Чтут нежность красоты,
45 Тщеславны также сами.
Распутство в них одно; -
Притворство обожают,
В уме остры равно,
Поверхность лишь хватают.

50 Тем только разве нас
Талантом превосходят,
Что каждой день и час
В развратах жизнь проводят.
55 Всех тщатся обмануть,
Забывши святость веры;
И ложью мня блеснуть,
Роскошствуют без меры.

К нам гордостью дыша,
 Порочат, презирают,
 И совесть заглуша
 60 Безстыдно укоряют.
 Ужель премудрый Бог
 Имел в своем совете,
 Чтобы мужчина мог
 Один судить о свете?

65 О гордо бытие!
 Сколь нагло и обидно
 Мечтание твое! -
 Из опыта всем видно,
 Что в женщинах ум есть,
 70 Сия небес награда;
 Пример могу привести:
 Се Росская ПАЛЛАДА!

Довольно есть мужей
 Почтенных, просвещенных;
 75 Велики те душой,
 Далеки от презренных!
 Дар здраво рассуждать
 И женщины имеют,
 И красотой пленять
 80 Душевною умеют.

Но чтобы перестать
 Наскучивать словами;
 Могу ко всем сказать,
 Есть всяких между нами:
 85 Мужчин премного есть
 С пустою головою,
 Хотят жизнь кой вестъ
 Предавшиися покою.

И в нашем поле есть
 90 Умом не совершенны,
 А можно ли почестъ,
 Что все ума лишены? –
 Так видно наконец
 И опыт утверждает,
 95 Что смертных род Творец
 Во всех дарах равняет.

И так кто всех людей
 Язвительно ругает,
 Тот критикой своей
 100 Себя лишь унижает.
 Ктож разумом высок,
 Тот более снисходит,
 Не ставит он в порок,
 Хоть слабо что находит.

А. Мурзина, из книги «Распускающаяся роза» (1799)

ДЕЙСТВИЕ ДРУЖЕСТВА

Хотя я имела деревню от города очень отдаленную; но далекое расстояние мне не препятствовало туда ездить каждой год в начале весны. Я очень любила сельскую жизнь, и в деревни моей все лето провожала с совершенным спокойствием. В один год вздумалось мне ранее обыкновенного времени ехать из деревни моей в город.

Лето было дождливо, к тому же и от замужней сестры моей получила из города очень часто письма, которая не терпеливо желая меня видеть, усиленно меня вызывала. Я к отъезду велела все приготовить. И как скоро все было исправлено, я отправилась в путь в начале Августа; но как деревня моя была далеко от города, то я и должна была несколько ночей провести в дороге. В один день случилось мне проезжать один городок, и хотя тогда уже были сумерки, но я не хотела в нем остановиться, надеясь еще несколько верст проехать, по чему и благополучно продолжала путь мой. Наконец нечаянно поднялся ужасной ветер. Небо покрылось черною тучею, со всех сторон сверкала молния, и начались страшные с сильным дождем громовые удары. Что было тогда мне делать! --Селения некакого не было, -- я проклинала мою поспешную предприимчивость; гром безпрестанно ударял столь сильно, что лошади испугавшие во всю прыть скакали, и сколько кучер ни старался их удерживать, но все было тщетно. Настоящая дорога была потеряна, и куда лошади нас несли, никто не знал.

Таким образом часа три скакавши приехали наконец к некоей каменной стене, где и остановились. Гром тогда уже переставал, небо прочистилось, и месяц начинал появляться. Вышед тогда я из коляски благодарила Бога, что он избавил меня от великих опасностей, в которых я находилась. Люди осмотрев коляску, увидели, что более уже в ней ехать не лезя; вся почти была изломана. Что было делать? Место было неизвестно, к тому же и ночь. Потом рассмотря ту стену, которая служила преградой бешеной скачки лошадей моих, увидела, что то был монастырь, окруженный каменной оградой. Ночь сделалась светлая; и пока люди мои заботились о исправлении моей коллюски, пошла я хорошенько обозреть местоположение монастыря сего. Позади его не большое протекало озеро, которое своим синеватым цветом и тихими сверкающими волнами казалось мне пленительно. Позлащенные монастырская главы казались преклонными к сему озеру.

Пленясь сим ходила всюду вокруг монастыря. Потом узрела маленькие кустарники, которые столь искусно натурой были разсажены, что составляли из себя ряд прешпективы, со всех сторон к монастырю ведущей. Кустарники сии освещались огневидными червячками, которые своим блеском давали вид наиприятнейший. В конце сих кустарников стоял на педестале поставленный столб, на котором была изображена следующая надпись:--

Любезная страна! Ты пристань от сует,
В тебе лишь тишина, мир с истинной живет.

Прочтя сие, приведена я была в изумление. Потом звук благовествующей колоколов монастырских принудил меня назад возвратиться: тот был звон к заутрени. Пришед к людям моим, решила я послать в монастырь навеститься, можно ли итти к заутрени, думая после послать к Настоятелю, и попросить его о доставлении кое чего нужного для исправления повозки.

Ворота были заперты, я велела постучаться. Потом по долгом медлении они отворились, -- я велела привратника позвать к себе. Старичек, которой был уже лет около семидесяти, ко мне подходит. Я спрашиваю его, как называется сей монастырь, и кто здесь Настоятель? Но в какую он меня привел начаянную радость, сказав, что монастырь сей есть женской, которым управляет умная и добродетельная Начальница, к которой и просил, не угодно ли мне с ним итти. Я обрадовавшись, что имею нужду сколько нибудь отдохнуть, и желание осмотреть тот монастырь, охотно пошла с сим провожатым, приказав некоторым людям моим остаться у коляски. Потом пришли мы в келию неизвестной Начальницы. Во всем видна была простота и опрятность. Убранство в комнатах было не великолепное, но красивое и пристойное. Сторож оставив меня пошел к Амалии (так называлась Игуменья). Она была в это время в церкви; наконец я ее увидела.

Величественная ее осанка возродила во мне к ней почтение. Она хотя казалась лет тридцати, но природная ее красота ни мало не теряла своих прелестей. Платье было на ней черное, по которому распущены были длинные белорусые волосы, покрытые черным флером; крест, висящей на шеи, представлял мне ее неким Божеством. Смиренная кротость осеняла ее. Все сие рассмотрев, сердце мое в тот же миг почувствовало к ней великое уважение, и вместо того, чтоб изяснить ей причину моего прихода, я только смотрела на ее и молчала. Она приметив мое замешательство, с улыбкою взяла меня за руку и посадила подле себя; потом начала меня спрашивать о причине приведшей к ней. Я с почтением рассказала ей о всем, и просила ее подать мне помощь. Она выслушав, просила меня взять покой, и уверяла меня всею своею благосклонностию, что все будет исправлено, сказав мне: хотя монастырь сей и далеко от города, но она завтра пошлет туды мою коляску, из которой и велела все выбрать, и отнести в приготовленную мне комнату. Я поблагодаря за старание, которое она обо мне предпринимала, и простясь с ней пошла в мою комнату, в которую пришел, спешила ложиться спать.

Сон начинал тогда обременять меня, и я столь спокойно уснула, что проспала до самого того времени, как почтенная Амалия прислала спросить, как я провела ночь, и приказала звать меня к себе. Тогда уже было десять часов утра. Узнав, что так поздно, спешила я скорее одевшись итти к почтенной Начальнице, которая увидев меня, поздравила с добрым утром. Днем она еще мне благоговейной показала, и с сей минуты ощутила я в сердце моем сильнейшее к ней дружество, которое и пребудет у нас вечно. Потом велела мне подать чаю, также сказала мне, что она уже мою коляску отослала в город для починки. Я чувствительно благодарила ее. По многих разговорах стала она меня просить, чтоб я у ней осталась несколько времени погостить, сказав, что я тем самым сделаю ей много удовольствия и одолжения. Местоположение монастыря было прекрасно, спешить же к городу крайней нужды я не имела; сверх сего чувство любви столь сильно меня к ней привязало, что я слушала прозбу ее с удовольствием. По чему и решилась несколько дней пробывать у почтенной Амалии. Чем больше я узнавала ее, тем больше начинала любить, так как и она меня, и дружба наша становилась от часу сильнее. Она подавала мне полезные советы в разсуждении всей жизни, и я открывала ей всю мою душу. Уединенная жизнь сия меня прельщала тем больше, что тишина сия согласовалась с меланхолическим моим характером. Я видела все тут спокойствие, котораго только желать можно; ходила с Амалией к обедни, где согласная гармония поющих восхищала дух мой. Иногда прихаживали к нам живущия я монастыре монахини, которым мудрая Начальница подавала полезныя наставления: иногда мы с ней читали книги, то поливали в саду цветы; иногда рисовали, и все часы посвящали на приятныя упражнения. Амалия была не из тех старинных и суеверных учительниц, которыя будучи лишены сердечной чувствительности, бывают в всем строги до глупости; но она напротив быв чувствительной, и испытанной в свете от несчастия человек, знала во всем равновесие, и была прямая и словом и делом Христианка. Она происходила от благородной фамилии; оставлена была в свете со всемо совершенствами за то, что была бедна. Злоба и зависть на нее была вооружена, которую она однакож умела презреть. Она имела в юном возрасте жениха, котораго, можно сказать, что и любила, не зная, что под приятными уверениями крылась гнусная и мерзостная душа его; но он увидя, что все его хитрые обманы ничего не действовали, и что к восторжествованию его над ее невинностию не видно было никакой надежды, оставив ее, уехал в другой город, где и женился на одной распутной, но богатой. Тогда-то Амалия, как она мне о том рассказывала, решилась, навсегда оставить свет, в котором она редко кого видела счастливым. Наконец постриглась, и пять лет, как живет с совершенным спокойствием.

Она часто меня уговаривала остаться жить с нею. Дружба моя с ней столь силна сделалась, что я дала ей мое слово, что я поживше несколько в городе, и повидаясь с любезной сестрой моей, опять к ней приеду. Она согласилась на то, и в знак памяти и любви поменялись мы друг с другом портретами. Таким образом я более недели проживши с Амалией, простилась наконец с ней, и отправилась в путь. Приехавши благополучно на исправленной коляске в город, и увидясь с моей сестрой, рассказала ей все с мной случившееся, так как и мое намерение жить в монастыре. Она сколько ни старалась отвратить меня от сей предприимчивости, но советы Амалии сильнее надо мной тогда действовали. В городе уже жить мне показалось скучно, и я любя душевно сестру мою укрепила за ней и ту деревню, которую имела. У меня довольно оставалось еще денег; и я прожив у ней несколько времени, простилась с нею и просила ее ко мне писать, также когда ей угодно, ко мне ездить. Потом поехала в новое мое жилище.

Увидя меня почтенная Настоятельница, обрадована была до безконечности, и с моей стороны радость была столь велика, что мы увидя друг друга с нежною чувствительностию, не

могли не заплакать. Обнялись – и долго были безмолвны. Потом опять стали с удовольствием жить по прежнему. В один приятной и жаркой день пошли мы с нею в ее сад, в котором протекала речка, и не зная ее глубины, стала в ней купаться; но как я плавать не умела, то бросившись в воду стала тонуть. Устрашенная сим Амалия сидя на берегу, и увидя мою погибель, бросилась за мной в воду, чтоб меня вытащить. Таким образом скоро схватив меня вытащила на берег, но сама, отягощена будучи измоченным платьем, не успела ухватиться за берег. Тяжесть сия стала ее тащить в большую глубину. Я тогда находилась без памяти, но опомнясь, в какой приведена была ужас!

Бедную Амалию откачивали на полотнах. Вкруг нас стояло множество народа, -- все плакали и отчаявались о возвращении ее жизни. Меня подняли, -- и я увидя, что цвет лица моего любезного друга извлял смертную бледность, бросилась к ней без чувств. Но наконец небо, услышав всех моления, оживило Амалию, которая потом открыла глаза ко всеобщей радости и отраде. Потом отведена была в свою келью, где тогда-же занемогла сильною горячкою, в которой и находилась целые три месяца. Я тогда была не утешна, и просиживала при ней целыя ночи. Она иногда нарочно принимала веселой вид, чтоб меня успокоить и подать надежду к утешению моему. Но наконец почтенная сия Начальница выздоровила, и я от радости была без памяти.

После сего случая с нею провожу время с совершенным спокойствием, и представляю ее благотворным для себя Гением. Она предохраняла мое сердце от всех слабостей, которое не зная ее, могло бы, быть порочно. Но теперь наслаждаюсь я совершенно благополучною жизнью; иногда ведаюсь с сестрой моей, которая к нам приезжает. Время проводим весело и спокойно, -- и так прославляя мое блаженство, скажу, что тот все сокровища нашел, кто нашел себе друга.

Источник текста: А. Мурзина, *Распускающаяся роза* (1799).
Typed by S. Kecekian, edited by M. Levitt.

Анна Бунина, **РАЗГОВОР МЕЖДУ МНОЮ И ЖЕНЩИНАМИ** (1818)

ЖЕНЩИНЫ

Сестрица-душенька, какая радость нам!
Ты стихотворица! на оды, притчи, сказки
Различны у тебя готовы краски,
И верно, ближе ты по сердцу к похвалам.
Мужчины ж, милая... Ах, Боже упаси! 5
Язык - как острый нож!
В Париже, в Лондоне, - не только на Руси,
Везде равны! заладят то ж да то ж:
Одни ругательства, - и все страдают дамы!
Ждем мадригалов мы, - читаем эпиграммы. 10
От братьев, муженьков, от батюшковых, сынков
Не жди похвальных слов.
Давно хотелось нам своей певички!
Поешь ли ты? Скажи иль да, иль нет.

Я

Да, да, голубушки-сестрицы! 15
Хвала всевышнему! пою уже пять лет.

ЖЕНЩИНЫ

А что пропела ты в те годы?
Признаться, русскому не все мы учены,
А русские писанья мудрены,
Да, правда, нет на них теперь и моды. 20

Я

Пою природы я красы,
 Рогами месяц в воду ставлю,
 Восход светила славлю,
 Лелею паствы по лугам,
 Даю свирели пастушкам, 25
 Подругам их цветы вплетаю в косы,
 Как лен светловолосы;
 Велю, схватясь рука с рукой,
 Бежать на пляску им с прыжками,
 И резвыми ногами 30
 Не смять травинки ни одной.
 Воздвигаю до небес скалы кремнисты,
 Сажая деревья ветвисты,
 Чтоб старца в летны дни
 Покоить в ин тени. 35
 Ловлю ло розам мотыльков крылатых,
 Созвав певцов пернатых,
 Сама томлюся я
 В согласной трели соловья.
 Иль вдруг, коням раскинув гриву, 40
 Велю восточный ветер перестигать,
 До облак прах копытами взметать,
 Рисую класами венчанну ниву,
 Что, вид от соличных лучей
 Прияв морей, 45
 Из злата растопленных,
 Кольшется, рябит, блестит,
 Глаза слепит,
 Готовят наградить оратаев смиренных.
 Природы красотой 50
 Глас робкий укрепляя свой,
 Вдруг делаюсь смелее!

ЖЕНЩИНЫ

Эге! Какая ахинея!
 Да слова мы про нас не видим тут...
 Что пользы песни нам такие принесут? 55
 На что твоих скотов, комолых и с рогами?
 Не нам ходить на паству за стадами.
 Итак, певица ты зверей!
 Изрядно! ... но когда на ту ступила ногу,
 Иди в берлогу,
 Скитайся средь полей, 60
 И все не тягчи столицы.

Я

Нет, милые сестрицы!
 Пою я также и людей.

ЖЕНЩИНЫ

Похвально! Но кого и как ты величала?

Я

Подчас я подвиги мужей всепевала, 65
 В кровавый что вступая бой,

За веру н царя живот скончали свой,
И, гулом ратное сотрясши поле,
Несла под лавром их отголе,
Кропя слезой. 70

Подчас, от горести и стонов
Прейдя к блюстителям законов,
Весельем поля дух,
Под их эгидою беспечно отдыхала.
Подчас, к пиитам я вперяя слух, 75
Пред громкой лирой их колена преклоняла.
Подчас,
Почтением влекома,
Я пела физика, химиста, астронома.

ЖЕНЩИНЫ

И тут ни слова нет про нас! 80
Вот подлинно услуга!
Так что же нам в тебе? На что ты нам?
На что училась ты стихам?
Тебе чтоб брать из своего все круга,
А ты пустилася хвалить мужчин! 85
Как будто бы похвал их стоит пол один!
Изменница! Сама размысли зрело,
Твое ли это дело
Иль нет у них хвалителей своих?
Иль добродетелей в нас меньше, чем у них! 90

Я

Все правда, милые! Вы их не ниже,
Но, ах!
Мужчины, а не вы присутствуют в судах,
При авторских венках,
И слава авторска у них в руках, 95
А всякий сам к себе невольню ближе.*

*Да простится мне шутка сия из снисхождения к веселонравным музам, которые любят мешать дело с бездельем, ложь с истиной, и невинной резвостью увеселять беседы.
(Примем. авт.)

Source: *An Anthology of Russian Women's Writing, 1777-1992*, ed. Catriona Kelly, Oxford UP, 1994, pp. 403-6. OCR M. Levitt.

ФЕЛИЦА

- 10 Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоту гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай, найти ее совет.
- 20 Поддай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
По им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.
- 30 Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
- 40 Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не допкишотствуешь собой;
Копя парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона па Восток,—
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.
- А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;

- 50 То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
- Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,—
Шампанским вафли запиваю
И всё на свете забываю
60 Средь вин, сластей и аромат.
- Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
70 Вливаю в сердце ей любовь.
- Или великолепым цугом
В карете английской, золотой,
С собакой, шутком, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
80 Лечу на резвом бегуне.
- Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь но ночам рогами
90 И греблей удалых гребцов.
- Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой,
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голова ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,

100 Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
110 Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел,— но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Нашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
120 Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия — согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, чщтвз понт плывущий,
Ловя под парус ветер ревущий,
130 Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле,—
Но богу правосудну боле,
140 Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
И воздаешь достойным честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,

150 Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах, и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
160 Что будто навсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
170 Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
180 И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не нить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князя наседками не клохчут,
190 Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков, и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,

200 И самого сатира злого
 Лжецом презренным сотворишь».

210 Стыдишься слыть ты тем великой,
 Чтоб страшной, нелюбимой быть;
 Медведице прилично дикой
 Животных рвать и кровь их пить.
 Без крайнего в горячке бедства
 Тому ланцетов нужны ль средства,
 Без них кто обойтись мог?
 И славно ль быть тому тираном,
 Великим в зверстве Тамерланом,
 Кто благостью велик, как Бог?

220 Фелицы слава — слава Бога,
 Который брани усмирил;
 Который сира и убога
 Покрыл, одел и накормил;
 Который оком лучезарным
 Шутам, трусам, неблагодарным
 И праведным свой свет дарит;
 Равно всех смертных просвещает,
 Больных покоит, исцеляет,
 Добро лишь для добра творит;

230 Который даровал свободу
 В чужие области скакать,
 Позволил своему пароду
 Сребра и золота искать;
 Который воду разрешает
 И лес рубить не запрещает;
 Велит и ткать, и пряхь, и шить;
 Развязывая ум и руки,
 Велит любить торги, науки
 И счастье дома находить;

240 Которого закон, десница
 Дают и милости и суд.
 Вещай, премудрая Фелица!
 Где отличен от честных плут?
 Где старость по миру не бродит?
 Заслуга хлеб себе находит?
 Где месть не гонит никого?
 Где совесть с правдой обитают?
 Где добродетели сияют?
 У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
 Где, ветвь небесная, цветешь?
 В Багдаде - Смирне - Кашемире?
 Послушай: где ты ни живешь, -
 Хвалы мои тебе приметя,
 Не мни, чтоб шапки иль бешметя
 За них я от тебя желал.
 Почувствовать добра приятство

250 Такое есть души богатство,
 Какого Крез не собирал.

 Прошу великого пророка,
 Да праха ног твоих коснусь,
 Да слов твоих сладчайша тока
 И лицезренья наслажусь!
 Небесные прошу я силы,
 Да, их простря сафирны крылы,
 Невидимо тебя хранят
 От всех болезней, зол и скуки;
260 Да дел твоих в потомстве звуки,
 Как в небе звезды, возблестят!

(1782)

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

 Глагол времен! металла звон!
 Твой страшный глас меня смущает,
 Зовет меня, зовет твой стон,
 Зовет — и к гробу приближает.
 Едва увидел я сей свет,
 Уже зубами Смерть скрежещет;
 Как молнией, косою блещет
 И дни мои, как злак, сечет.

10 Ничто от роковых когтей,
 Никая тварь не убегает:
 Монарх и узник — снедь червей,
 Гробницы злость стихий снедает;
 Зияет время славу стерть:
 Как в море льются быстры воды,
 Так в вечность льются дни и годы;
 Глокает царства алчна Смерть.

20 Скользим мы бездны на краю,
 В которую стремглав свалимся;
 Приемлем с жизнью смерть свою,
 На то, чтоб умереть, родимся.
 Без жалости всё смерть разит:
 И звезды ею сокрушатся,
 И солнца ею потушатся.»
 И всем мирам она грозит.

30 Не мнит лишь смертный умирать,
 И быть себя он вечным чаёт;
 Приходит смерть к нему, как тать,
 И жизнь внезапно похищает.
 Увы! где меньше страха нам,
 Там может смерть постичь скорее;
 Ее и громы не быстрее
 Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа пет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
40 «О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит....

50 Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злато и серебре кумиры;
Гладит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны —
И точит лезвие косы.

60 Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

70 Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

80 Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжанье минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:

90 Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.
(1779)

БОГ

10 О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

20 Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,—
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

30 Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

40 Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя роятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,—
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
50 Перед тобой, как ночь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия;
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет, точкою одною:
60 А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
70 Я есмь — конечно есть и ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
80 И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!
Но будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
90 А сам собой я быть не мог.

100 Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

110 Незъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

(1784)

НА СЧАСТИЕ

10 Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожеленное от всех,
О ты, великомерно счастье!
Источник наших бед, утех,
Кому и в ведро и в ненастье
Мавр, лопарь, пастыри, цари,
Моляся в кущах и на троне,
В восклицновениях и стоне,
В сердцах их зиждут алтари!

20 Сын время, случая, судьбины
Иль неведомой причины,
Бог сильный, резвый, добрый, злой!
На шаровидной колеснице,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослед блистающей деннице,
Чрез горы, степь, моря, леса,
Вседневно ты по свету скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

Куда хребет свой обращаешь,
Там в пепел грады претворяешь,
Приводишь в страх богатырей;
Султанов заключаешь в клетку,
На казнь выводешь королей;
Но если ты ж, хотя в издевку,
Осклабишь взор свой на кого —
Раба творишь владыкой миру,

30 Наместо рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь,
В глаза патриотизма плюешь,
Катаешь кубарем весь мир;
Как резвости твоей примеров
40 Полна земля вся кавалеров
И целый свет стал бригадир.

В те дни, как всюду скороходом
Пред русским ты бежишь народом
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой;
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы;
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
50 Коптишь голландцам колбасы.

В те дни, как Вену ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь нос,
На Копенгаген иней сеешь,
Пучок подносишь Гданску роз;
Венецьи, Мальте не радеешь,
А Греции велишь зевать;
И Риму, ноги чтоб не пухли,
Святыя оставляя туфли,
60 Царям претишь их целовать.

В те дни, как всё везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть, и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
70 Все скачут, пляшут и поют.

В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,
Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут;
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари,
Витийствуют уранги в школах;

- 80 На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.
- В те дни, как мудрость среди тронов
Одна не месит макарон,
Не ходит в кузницу ковать;
А разве временем лишь скучным
Изволит муз к себе пускать
И перышком своим искусным,
Ни ссорясь никак, ни с кем,
Для общей и своей забавы,
90 Комедьи пишет, чистит нравы,
И припевает *хем, хем, хем*.
- В те дни, ни с кем как несравненна,
Она с тобою сопряженна,
Нельзя ни в сказках рассказать,
Ни написать пером красиво,
Как милость любит проливать,
Как царствует она правдиво,
Не жжет, не рубит без суда;
А разве кое-как вельможи
И так и сяк, нахмуря рожи,
100 Тузят иного иногда.
- В те дни, как мечет всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И весит скипетры царей,
Следы орлов парящих видит
И пресмыкающихся змей;
Разя врагов, не ненавидит,
А только пресекает зло;
Без лат богатырям и в латах
Претит давить лимоны в лапах,
110 А хочет, чтобы все цело.
- В те дни, как скипетром любезным
Она перун к странам железным
И гром за тридевять земель
Несет на лунно государство,
И бомбы сыплет, будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоит, греет и живит;
В мороз камины возжигает,
Дрова и сено запасает,
120 Бояр и чернь благотворит.
- В те дни и времена чудесны
Твой взор и на меня всеместный
Простри, о над царями царь!
Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;

- 130 Песчинка может быть жемчугом,
 Погладь меня и потрепли.
- Бывало, ты меня к боярам
 В любовь введешь: беру всё даром,
 На вексель, в долг без платежа;
 Судьи, дьяки и прокуроры,
 В передней про себя брюзжа,
 Умильные мне мешут взоры
 И жаждут слова моего,
 А я всех мимо по паркету
140 Бегу, нос вздернув, к кабинету
 И в грош не ставлю никого.
- Бывало, под чужим нарядом
 С красоткой чернобровой рядом
 Иль с беленькой, сидя со мной,
 Ты в шашки, то в картеж играешь;
 Прекрасною твоей рукой
 Туза червонного вскрываешь,
 Сердечный твой тем кажешь взгляд;
 Я к крале короля бросаю,
150 И ферзь к ладье я придвигаю,
 Даю марьяж иль шах и мат.
- Бывало, милые науки
 И музы, простирая руки,
 Позавтракать ко мне придут
 И всё мое усядут ложе;
 А я, свирель настроя тут,
 С их каждой лирой то же, то же
 Играю, что вчерась играл.
 Согласна трель! взаимны тоны!
160 Восторг всех чувств! За вас короны
 Тогда бы взять не пожелал.
- А ныне пятьдесят мне било;
 Полет свой счастье пременяло,
 Без лат я горе-богатырь;
 Прекрасный пол меня лишь бесит,
 Амур без перьев — нетопырь,
 Едва вспорхнет, и нос повесит.
 Сокрылся и в игре мой клад;
 Не страстны мной, как прежде, музы;
170 Бояра понадули пузы,
 И я у всех стал виноват.
- Услышь, услышь меня, о Счастье!
 И, солнце как сквозь бурь, ненастье,
 Так на меня и ты взгляни;
 Прошу, молю тебя умильно,
 Мою ты участь премени;
 Ведь всемогуще ты и сильно
 Творить добро из самых зол;
 От божеской твоей десницы

180 Гудок гудит на тон скрипицы
И вьется локоном хохол.

Но, ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфьера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя,— ты не глядишь,
Но шар твой часто упадет
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
190 А редко, редко — на людей.

Слети ко мне, мое драгое,
Серебряное, золотое
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по крыльцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны,
И буду ездить на поклоны,
200 Где только обитаешь ты.

Жить буду в тереме богатом,
Возвышусь в чин, и знатным браком
Горацию в родню причтусь;
Пером моим славно-школярным
Рассудка выше вознесусь
И, став тебе неблагодарным,
— *Беатус!* брат мой, на волах
Собою сам поля орющий
Или стада свои пасущий!—
210 Я буду восклицать в пирах.

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастье! моей мольбе,
Мои обеты презираешь —
Знать, неугоден я тебе.
Но на софах ли ты пуховых,
В тенях ли миртовых, лавровых,
Иль в золотой живешь стране —
Внемли, шепни твоим любимцам,
Вельможам, королям и принцам:
220 Спокойствие мое во мне!

(1789)

Источник текста: Г.Р.Державин. Стихотворения.
Ленинград: Художественная литература, 1981.
http://www.litera.ru/stixiya/authors/derzhavin/all.html#vse_gda-prexvalno-prepochtenno

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,—
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

(Ок. 1780-1787)

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое, в очах невежд,
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;

Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

20 Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

30 Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны,—
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

40 Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

50 Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских супостатов,—
Всяк думает, что я Чупятов
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

60 И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обаяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,

Царю, закону, церкви друг.

70 Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

80 А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Муся, мрамор и фарфор?

90 На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносят дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

100 Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных,—
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащая Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь,— а там?

110 А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

- 120 А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.
- 130 А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.
- А там,— где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,—
Займодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:
- 140 «Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет Бога!» —
Злодей... увы... и грянул гром.
- 150 Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к Богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит права, добродетель строго
Наследным перлом жен, детей,
В единодушии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!
- 160 Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здоровы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,—
Повелевает же сама.
- Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,—

170 Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет?
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

180 И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

190 Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

200 Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струёй
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.—
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря!

(1794)

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;

10 Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

20 Ветрами ль сосны поражены? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторжены? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

30 Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вмения, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж деревьев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

40 Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прыдет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

50 Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая злато-рдяной,
Как вечер во заре румяной,—

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:

- 60 «Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он также блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.
- Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?
- 70 Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрыл подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?
- Падут — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь среди похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лицо плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.
- 80 Падут — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.
- Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек? Давно ль? —
Но ах! теперь во брани
90 Мои не мешут молний длани!
- Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим смолкнул сном.
Морфей покрыл его крылом.
- 100 Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.
- Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;

Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна
Проглядывала вниз луна.

110 Глядела, и едва блистала,
 Пред старцем преклонив рога,
 Как бы с почтеньем познавала
 В нем своего того врага,
 Которого она страшилась,
 Кому вселенная дивилась.

 Он спал,— и чудотворный сон
 Мечты ему являл геройски:
 Казалось ему, что он
 Непобедимы водит войски;
120 Что вокруг его перун молчит,
 Его лишь мановенья зрит;

 Что огнедышущи за перстом
 Ограды вслед его идут;
 Что в поле гладком, вокруг отверстом,
 По слову одному растут
 Полки его из скрытых станов,
 Как холмы в море из туманов;

 Что только по траве росистой
 Ночные знать его шаги;
130 Что утром пыль, под твердью чистой,
 Уж поздно зрят его враги;
 Что остротой своих зениц
 Блюдет он их, как ястреб птиц;

 Что, положи чертеж и меры,
 Как волхв невидимый, в шатре,
 Тем кажет он в долу химеры,
 Тем в тиграх агнцев на горе
 И вдруг решительным умом,
 На тысячи бросает гром;

140 Что орлю дерзость, гордость лунну,
 У черных и янтарных волн,
 Смирил Колхиду златорунну
 И белого царя урон
 Рая вечерня пред границей
 Отметил победами сторицей;

 Что, как румяной луч зари,
 Страну его покрыла слава;
 Чужие вожди и цари,
 Своя владычица, держава,
150 И все везде его почли,
 Триумфами превознесли;

 Что образ, имя и дела
 Цветут его средь разных глянецв;

Что верх серебристого чела
В венце из молненных румянцев
Блится в будущих родах,
Отсвечивая в сердцах;

160 Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрыл дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.

170 Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

180 Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косою в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

190 Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

200 О слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.

Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

210 Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает,—
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет брега и в быстротах
Его нет выгод смертным,— ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

220 Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

230 Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

240 Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище — чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля, кров — воздух синь,
Чертоги — вкруг пустынны виды?

250 Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

260 Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
Но коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

270 Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в пивы обратил,
Покрыл поит Черный кораблями,
Потряс средю земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые попать
В Очакове и в Измаиле
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

280 Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

290 Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел,— но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;

300 Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездны разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! — и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

310 Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножд войти чуть мог.
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук,
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Пернкяя раздается:
Марон по Меценате рвется,

320 Который почестей в яучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На серебро-розовых конях,
На золотарном фэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
330 Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль пет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

340 Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;

Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают,
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

350 Театр его — был край Эвксина,
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница ужаса, любви.

360 Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной ночи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон,— что турок мнит?

Дрожит — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И рос в крови их по колени!

370 Дрожит — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И выются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах,—
Какое чувство в россиянах?

380 Восторг, восторг они,— а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

390 Под дравом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент золотый зажжется,

Лежат объята серны сном
И пар вокруг холмов вьется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

400 Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вокруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? — Увы!
И плоть, и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

410 Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

420 Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

430 И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешь дождем
Сафирным, пурпурным огнем,—

То тихое твое теченье —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

440 И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,

Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сотам Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.
(1791-1794)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
10 Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давний,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство—
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
20 Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность—
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты ангел мой, благотворитель!
Приди—и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
30 Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим—
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы!—то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
40 И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;

50 Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах!—и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

60 Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

70 А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откусать,—
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа,—
Умеренность есть лучший пир.